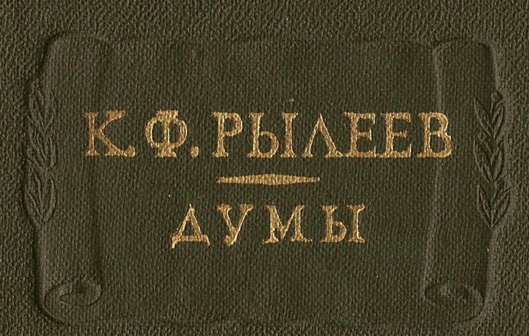

К. Ф. РЫЛЕЕВ
ДУМЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

ДУМЫ

Издание подготовил

Л. Г. ФРИЗМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Л. ГРИШУНИН

Р $\frac{70401-064}{042(02)-75}$ 311—75

ДУМЫ

Его высокопревосходительству
Николаю Семеновичу
Мордвинову
с глубочайшим уважением
посвящает сочинитель

«Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с летами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета».

Так говорит Немцевич * о священной цели своих исторических песен (Spiewy Historiczne); эту самую цель имел и я, сочиняя думы. Желание славить подвиги добродетельных или славных предков для русских не ново; не новы самый вид и название думы.

Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас. Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них. Сарницкий** свидетельствует, что на Руси пелись

* Spiewy Historiczne Niemcewicza. См. Предисловие.

** Annales Regni Pol., t. II, k. 1198. Слово в слово: «Anno 1506 duo fratres Strusii (Felix i Serzy, iak Swadczy Niesiecki Herb. IV, 218) adolescentes bellicosi a Valachis occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas Dumas Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id quod canitur exprimentes, quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit».

элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели.

В числе предлагаемых дум читатели найдут две пиесы, которые не должны бы войти в сие собрание: это «Рогнеда» и «Олег Вещий». Первая по составу своему более повесть, нежели дума; вторая есть историческая песня (Spiew Historiczny). Она слаба и неудачно исполнена; но я решился поместить ее в числе дум, чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши.

Примечания, припечатанные при думах, кроме некоторых [1], сделаны П. М. Строевым.

I. *Олег Вещий*

Рурик, основатель Российского государства, умирая (в 879 г.), оставил малолетнего сына, Игоря, под опекою своего родственника, Олега. Опекун мало-помалу сделался самовластным владетелем. Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумленные греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали *Вещим* (мудрым).

1

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег
И с ними полетел грозою
На цареградский брег.

2

Покрылся быстрый Днепр ладьями,
В брегах крутых взревел
И под отважными рулями,
Напенясь, закипел.

3

Дружина храбрая героев
На славные дела,
Сгорая пылкой жаждой боев,
С веселием текла.

4

В пути ей не были преграды
Кремнистых гор скалы,
Днепра подводные громады,
Ни ярых вод валы.

5

Седый Олег, шумящей птицей,
В Евксин [1] через Лиман —
И пред Леоновой [2] столицей
Раскинул грозный стан!

6

Мгновенно во́йсками покрылась
Окрестная страна,
И кровь повсюду заструилась,—
Везде кипит война!

7

Горят деревни, селы пышут,
Прах вьется средь долин;
В сердцах убийством хладным дышат
Варяг и славянин.

8

Потомки Брута и Камилла [3]
Сокрылися в стенах;
Уже их нега развратила,
Нет мужества в сердцах.

9

Их император самовластный
В чертогах трепетал
И в астрологии, несчастный!
Спасения искал.

10

Меж тем, замыслив приступ смелый,
Ладьи свои Олег,
Развив на каждой парус белый,
Вдруг выдвинул на брег.

11

«Идем, друзья!»—рек князь России
Геройским племенам —
И шел по суше к Византии,
Как в море по волнам.

12

Боязни, трепету покорный,
Спасти желая трон,
Послов и дань — за мир позорный
К Олегу шлет Леон.

13

Объятый праведным презреньем,
Берет князь русский дань,
Дарит Леона примиреньем —
И прекращает брань.

14

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам [4].

15

Успехом подвигов довольный
И славой в тех краях,
Олег помчался в град престольный
На быстрых парусах.

16

Народ, узрев с крутого брега
Возврат своих полков,
Прославил подвиги Олега
И восхвалил богов.

17

Весь Киев в пышном пированье
Восторг свой изъявлял
И князю Вещего прозванье
Единогласно дал.

1821 или 1822

II. *Ольга при могиле Игоря*

Игорь, сын основателя Российского государства, Рурика, принял правление в 912 году. Первым его подвигом было усмирение возмутившихся древлян. Сие народное славянское племя обитало в лесах нынешней Волынской губернии. Игорь наложил дань, которую древляне платили до 945 года. В сие время ему захотелось умножить сбор, древляне возмутились снова, и корыстолюбивый Игорь погиб: они привязали его к двум деревьям, нагнули их и таким образом разорвали надвое. По нем остался малолетний сын Святослав. Супруга его, Ольга, правила государством около десяти лет; скончалась в 969 году. Церковь причла ее к лику святых жен.

Осенний ветер бушевал,
Крутя дерев листами,
И сосны древние качал
Над мрачными холмами.
С поляны встал седой туман
И всё сокрыл от взгляда;
Лишь Игорев синел курган,
Как грозная громада.

Слетала быстро ночь с небес;
Луна меж туч всплывала
И изредка в дремучий лес
Иль в дол лучом сверкала.
Настала полночь... Вдруг вдали
Как шелест по поляне...
То Ольга с Святославом шли
И стали при кургане.

И долго мудрая в тиши
Стояла пред могилой,
С волненьем горестной души
И с думою унылой.

О прошлом, плавая в мечтах,
Она, томясь, вздыхала;
Но огнь блеснул в ее очах,
И мудрая вещала:

«Мой сын! здесь пал родитель твой.
Вот храброго могила!
Но слез не лей: я местью злой
Древлянам заплатила.
Ты видишь: дикою травой
Окрестность вся заглохла,
И кровь, пролитая рекой,
Тут, мнится, не обсохла!..

Так, сын мой! Игорь отомщен;
Моя спокойна совесть;
Но сам виновен в смерти он —
Внемли об оной повесть:
Уже надменный грек, смирен
Кровопролитной бранью,
Покой от северных племен
Купил позорной данью.

И Игорь, бросив меч и щит
К подножию кумира,
Молил Перуна, да хранит
Ненарушимость мира.
Из града в град везде текла
Его деяний слава,
И счастьем мирным процвела
Обширная держава.

Вдруг князя гордая душа
Покой пренебрегает

И, к золоту алчбой дыша,
Тревоги замышляет.
Дружины собралися в стан,
В доспехах ярой брани,
И полетели в край древлян
Сбирать покорства дани.

Древляне дань сполна внесли;
Но Игорь недовольной
Стал вновь налоги брать с земли
С дружиной своевольной.
«О князь! — народ ему вещал,—
Чего еще желаешь?..
От нас последнее ты взял —
И нас же угнетаешь!»

Но князь не внял моленьям сим —
И угнетенных племя
Решилося сразиться с ним
И сбросить ига бремя.
«Погибель хищнику, друзья!
Пускай падет он мертвой!
Его сразит стрела моя,
Иль все мы будем жертвой!»—

Древлянский князь твердил в лесах...
Отважные восстали
И с дикой яростью в сердцах
На Игоря напали.
Дружина хищников легла
Без славы и без чести,
А твой отец, виновник зла,
Пал жертвой лютой мести!

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти;
И князь несчастлив и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь — во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором.

Отец будь подданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим,
И жить в веках достоин!» —
Так князю-отроку рекла
И, поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану.

1821 или 1822

III. *Святослав*

Святослав, сын русского князя Игоря Руриковича, принял правление около 955 года. В истории славны походы его в Болгарию Дунайскую и битвы с греками. Перед одною из сих последних Святослав воспламенил мужество своих воинов следующею речью: «Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем на месте битвы: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу голову, делайте что хотите!» Возвращаясь в отечество, Святослав (в 972 г.) зимовал у Днепровских порогов; на него напали печенеги, и герой погиб. Враги сделали чашу из его черепа.

И одинока, и бледна,
В туманных облаках ныряя,
Текла двурогая луна
Над брегом быстрого Дуная:
Ее перловые лучи
Стан усыпленный озаряли;
Сверкали копья и мечи,
И ратников ряды дремали.

С отвагой в сердце и в очах,
Младой гусар, вдали от стана,
Закутан буркой, на часах
Стоял на высоте кургана.
Пред ним на острову реки
Шатры турецкие белели;
Как лес, вздымались бунчуки
И с ветром в воздухе шумели.

В давно минувших временах
Крылатой думою летая,
О прошлых он мечтал боях,
Гремевших на брегах Дуная.

«На сих степях,— так воин пел,—
С Цимискием [1] в борьбе кровавой
Не раз под тучей грозных стрел
Наш Святослав увенчан славой.

По манию его руки
Бесстрашный росс, пылая местью,
На грозные врагов полки
Летал — и возвращался с честью.
Он на равнинах дальних сих,
Для славы на беды готовой,
Дивил и чуждых и своих
Своею жизнию суровой.

Ему свод неба был шатром
И в летний зной, и в зимний холод,
Земля под войлоком — одром,
А пищею — конина в голод.
«Друзья, нас бегство не спасет!—
Гремел герой на бранном поле.—
Позор на мертвых не падет;
Нам биться волей иль неволей...

Сразимся ж, храбрые, смелей;
Не посрамим отчизны милой —
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой!»
И горсть славян на тьмы врагов
Текла, вождя послышав голос,—
И у врага хладела кровь
И дыбом становился волос!..

С утра до вечера кипел
На ближнем поле бой кровавой;
Двенадцать раз герой хотел

Венчать победу звучной славой.
Валились грудами тела,
И грек не раз бежал из боя;
Но рать врагов превозмогла
Над чудной доблестью героя!

Закинув на спину щиты,
Славяне шли, как львы с ловитвы,
Грозя с нагорной высоты
Кровопролитьем новой битвы.
Столь дивной изумлен борьбой,
Владыка гордой Византии
Свидание и мир с собой
Здесь предложил главе России.

И к славе северных племен
И цареградского престола
Желанный мир был заключен
Невдалеке от Доростола[2].
О князь, давно истлел твой прах,
Но жив еще твой дух геройский!
Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски!

Он там, где пыл войны кипит,
Орлом ширяясь перед строем,
Чудесной силою творит
Вождя и ратника героем!
Но что?.. Уж вспыхнула заря!..
Взгремела пушка вестовая —
И войска Белого Царя[3]
Покрыли берега Дуная.

Трубы призывной слышен звук!
Меня зовут на пир кровавой...

Туда, мой конь, где саблей стук,
Где можно пасть, венчавшись славой!..»
Гусар умчался... гром взревел!
Свистя, сшибалися картечи,
И смело строй на строй летел,
Ища с врагами ярой сечи...

Вдруг крови хлынула река!..
Отважный Вейсман пал, но с честью;
И рой наездников полка
На мусульман ударил местью.
Враги смешались, дали тыл —
И поле трупами покрыли,
И русский знамя водрузил,
Где греков праотцы громили.

1822

IV. *Святополк*

Святополк, сын Ярополка Святославича, усыновленный Владимиром Великим. Сей властолюбивый князь захватил великокняжеский престол и умертвил своих братьев: Бориса, Глеба и Святослава (в 1015 г.). Ярослав Владимирович, князь Новгородский, после продолжительных междоусобий разбил его на берегах реки Альты. Святополк бежал из пределов российских, скитался в пустынях Богемии, расслаб душою и телом и кончил жизнь в припадках ужаса (1019 г.): ему мечтались враги, беспрерывно его преследующие. Проклятие современников увековечило память о Святополке. Летописи называют его *Окаянным*.

В глуши богемских диких гор,
Куда ни голос человека,
Ни любопытства дерзкий взор
Не проникал еще от века,
Где только в дебрях серый волк
С щетинистым вепрём встречался —
Братоубийца Святополк,
От всех оставленный, скитался...

Ему был страшен взор людей:
Он видел в нем себе укоры;
Страдальцу мнилось: «Ты злодей!»—
В глухих отзывах вторят горы.
«Злодей!»— казалось, вопиют
Ему лесов дремучих сени,
И всюду грозные бегут
За ним убитых братьев тени.

Из дебри в дебрь, из леса в лес
В неистовстве перебегая,
Встречал он всюду гнев небес
И кончил дни свои, страдая...

Никто слезы не уронил
На прах отверженника неба,
И всех проклятье заслужил
Убийца — брат святого Глеба.

И обитатель той земли,
Завидев, трепетом объятый,
Его могилу издали,
Бежа, крестил себя трикраты.
От современников до нас
Дошло ужасное преданье,
И сочетал народа глас
С ним Окаянного прозванье!

И в страшной повести об нем
Его ужасные злодейства
Пересказав в кругу родном,
Твердил детя́м отец семейства:
«Ужасно быть рабом страстей!
Кто раз их предался стремленью,
Тот с каждым днем летит быстрей
От преступленья к преступленью».

1821

V. Рогнеда

А. А. В‹оейково›й [1]

Около 970 года варяг Рогволод, оставив отечество, поселился в Полоцке, главном городе тогдашней области Кривской. Он имел прекрасную дочь, по имени Рогнеду, или Гориславу: ее сговорили за великого князя Ярополка Святославича. Брат его, Владимир Великий, взяв Полоцк (в 980 г.), умертвил Рогволода, двух сыновей его, и насильно понял Рогнеду. От ней родился сын, Изяслав. Впоследствии Владимир разлюбил жену, выслал ее из дворца и заточил на берегу Лыбеди, в окрестностях Киева. Однажды, гуляя в сих местах, князь заснул крепко; мстительная Рогнеда, приблизившись, хотела нанести ему смертельный удар, но Владимир проснулся. В ярости он захотел казнить несчастную, велел ей надеть брачную одежду и, сидя на богатом ложе, ожидать казни. Входит Владимир; юный Изяслав, наученный Рогнедою, бросается к нему и подает меч: «Родитель! — говорит он,— ты не один: сын твой будет свидетелем твоей ярости». Изумленный Владимир простил Рогнеду и вместе с сыном отправил ее в новопостроенный город, названный им Изяславлем. Сие происшествие описано в некоторых летописях.

Потух последний солнца луч;
Луна обычный путь свершала —
То пряталась, то из-за туч,
Как стройный лебедь, выплывала;
И ярче заблистав порой,
Над берегом Лыбеди скромной,
Свет бледный проливала свой
На терем пышный и огромной.

Все было тихо... лишь поток,
Журча, роптал между кустами
И перелетный ветерок
В дубраве шелестил ветвями.

Как месяц утренний, бледна,
Рогнеда в горести глубокой
Сидела с сыном у окна
В светлице ясной и высокой.

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слезы упадали.
Глядел невинный Изяслав
На мать умильными очами,
И, к персям матери припав,
Он обвивал ее руками.

«Родимая!— твердил он ей,—
Ты всё печальна, ты всё вянешь:
Когда же будешь веселей,
Когда грустить ты перестанешь?
О! полно плакать и вздыхать,
Твои мне слезы видеть больно,—
Начнешь ты только горевать,
Встоскуюсь вдруг и я невольно.

Ты б лучше рассказала мне
Деянья деда Рогволода,
Как он сражался на войне,
И о любви к нему народа».
— «О ком, мой сын, напомнил ты?
Что от меня узнать желаешь?
Какие страшные мечты
Ты сим в Рогнеде пробуждаешь!..

Но так и быть; исполню я,
Мой сын, души твоей желанье:
Пусть Рогволодов дух в тебя

Вдохнет мое повествованье;
Пускай оно в груди младой
Зажжет к делам великим рвенье,
Любовь к стране твоей родной
И к притеснителям презренье...

Родитель мой, твой славный дед,
От тех варягов происходит,
Которых дивный ряд побед
Мир в изумление приводит.
Покинув в юности своей
Дремучей Скании дубравы,
Вступил он в землю кривичей
Искать владычества и славы.

Народы мирпой сей страны
На гордых пришлецов восстали,
И смело грозпых чад войпы
В руках с оружием встречали...
Но тщетно! роковой удел
Обрек в поддапство их герою—
И скоро дед твой завладел
Обширной Севера страною.

Воздвигся Полоцк. Рогволод
Приветливо и кротко правил
И, привязав к себе народ,
Власть князя полюбить заставил...
При Рогволоде кривичи
Томились жаждой дел великих;
Сверкали в дебрях их мечи,
Литовцев поражая диких.

Иноплеменные цари
Союза с Полоцком искали,

И чуждые богатыри
Ему служить за честь вменяли».
Но шум раздался у крыльца...
Рогнеда повесть прерывает
И видит: пыль и пот с лица
Гонец усталый отирает.

«Княгиня!— он вещал, войдя:—
Гоня зверей в дубраве смежной,
Владимир посетить тебя
Прибудет в терем сей прибрежной».
—«И так он вспомнил об жене...
Но не желание свиданья...
О нет! влечет его ко мне —
Одна лишь близость расстоянья!»—

Вещала — и сверкнул в очах
Негодованья пламень дикий.
Меж тем уж пронеслись в полях
Совы полуночные крики...
Сгустился мрак... луна чуть-чуть
Лучом трепещущим светила;
Холодный ветер начал дуть,
И буря страшная завыла!

Лыбедь вскипела меж брегов;
С деревьев листья полетели;
Дождь проливной из облаков,
И град, и вихорь зашумели,
Скопились тучи... и с небес
Вилася молния змиею;
Гром грохотал — от молнії лес
То здесь, то там пылал порою!..

Внезапно с бурей звук рогов
В долине глухо раздается:
То вдруг замолкнет средь громов,
То снова с ветром пронесется...
Вот звуки ближе и громчей...
Замолкли... снова загремели...
Вот топот скачущих коней,
И всадники на двор взлетели.

То был Владимир. На крыльце
Его Рогнеда ожидала;
На сумрачном ее лице
Неведомая страсть пылала.
Смущенью мрачность приписав,
Герой супругу лобызает
И, сына милого обняв,
Его приветливо ласкает.

Отводят отроки коней...
С Рогнедой князь идет в палаты,
И вот, в кругу богатырей,
Садится он за пир богатый.
Под тучным вепрем стол трещит,
Покрытый скатертию браной;
От яств прозрачный пар летит
И вьется по избе брусяной.

Звездясь, янтарный мед шипит,
И ходит чаша круговая.
Все веселятся. . . но грустит
Одна Рогнеда молодая.
«Воспой деянья предков нам!» —
Бояну витязи вещали.
Певец ударил по струнам —
И вещие зарокотали.

Он славил Рюрика судьбу,
Пел Святославовы походы,
Его с Цимиском[2] борьбу
И покоренные народы;
Пел удивление врагов,
Его нетрепетность средь боя,
И к славе пылкую любовь,
И смерть, достойную героя...

Бояна пламенным словам
Герои с жадностью внимали
И, праотцев чудясь делам,
В восторге пылком трепетали.
Певец умолкнул... но опять
Он пробудил живые струны
И начал князя прославлять
И грозные его перуны:

«Дружины чуждые громя,
Давно ль наполнил славой бранной
Ты дальной Нейстрии [3] поля
И Альбиона край туманной?
Давно ли от твоих мечей
Упали Полоцка твердыни
И нивы храбрых кривичей
Преобратилися в пустыни?

Сам Рогволод...» Вдруг тяжкий стон
И вопль отчаянья Рогнеды
Перерывают гуслей звон
И радость шумную беседы...
«О, успокойся, друг младой!—
Вещал ей князь,— не слез достоин,
Но славы, кто в стране родной
И жил и кончил дни как воин.

Воскреснет храбрый Рогволод
В делах и в чадах Изяслава,
И пролетит из рода в род
Об нем, как гром гремящий, слава».
Рогнеды вид покойней стал;
В очах остановились слезы,
Но в них какой-то огнь сверкал,
И на щеках пылали розы...

При стуках чаш Боян поет,
Вновь тешит князя и дружину...
Но кончен пир — и князь идет
В великолепную одрину.
Сняв меч, висевший при бедре,
И вороненые кольчуги,
Он засыпает на одре
В объятьях молодой супруги.

Сквозь окон скважины порой
Проникнув, молния пылает
И брачный одр во тьме ночной
С четой лежащей освещает.
Бушуя, ставнями стучит
И свищет в щели ветр порывный;
По кровле град и дождь шумит,
И гром гремит беспрерывный.

Князь спит покойно... Тихо встав,
Рогнеда светоч зажигает
И в страхе, вся затрепетав,
Меч тяжкий со стены снимает...
Идет... стоит... ступила вновь...
Едва дыханье переводит...
В ней то кипит, то стынет кровь...
Но вот... к одру она подходит...

Уж поднят меч!.. вдруг грянул гром,
Потрясся терем озаренный —
И князь, объятый крепким сном,
Воспрянул, треском пробужденный,—
И пред собой Рогнеду зрит...
Ее глаза огнем пылают...
Поднятый меч и грозный вид
Преступницу изобличают...

Меч выхватив, ей князь вскричал:
«На что дерзнула в исступленье?..»
—«На то, что мне повелевал
Ужасный Чернобог [4],—на мщенье!»
—«Но долг супруги, но любовь?..»
—«Любовь! к кому?.. к тебе, губитель?..
Забыл, во мне чья льется кровь,
Забыл ты, кем убит родитель!..

Ты, ты, тиран, его сразил!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишил
И братнею облился кровью!
Испепелив мой край родной,
Рекой ты кровь в нем пролил всюду
И Полоцк, дивный красотой,
Преобратил развалин в груду.

Но недовольный... местью злой
К бессильной пленнице пылая,
Ты брак свой совершил со мной
При зареве родного края!
Повлек меня в престольный град;
Тебе я сына даровала...
И что ж?... еще презренья хлад
В очах тирана прочитала!..

Вот страшный ряд ужасных дел,
Владимира покрывших славой!
Не через них ли приобрел
Ты на любовь Рогнеды право?..
Страдала, мучилась, стеня,
Вся жизнь текла моя в кручине;
Но, боги! не роптала я
На вас в злосчастиях доныне!..

Впервые днесь ропщу!.. увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны!
С какою б жадностию я
На брызжущую кровь глядела,
С каким восторгом бы тебя,
Тиран, угасшего узрела!..»

Супруг, слова прервав ее,
В одрину стражу призывает.
«Ждет смерть, преступница, тебя!—
Пылая гневом, восклицает.—
С зарей готова к казни будь!
Сей брачный одр пусть будет плаха!
На нем пронжу твою я грудь
Без сожаления и страха!»

Сказал — и вышел. Вдруг о том
Мгновенно слух распространился —
И терем, весь объятый сном,
От вопля женщин пробудился...
Бегут к княгине, слезы льют;
Терзаясь близостью разлуки,
Себя в младые перси бьют
И белые ломают руки...

В тревоге все — лишь Изяслав
В объятьях сна, с улыбкой нежной,
Лежит, покровы разметав,
Покой вкушая безмятежной.
Об участи Рогнеды он
В мечтах невинности не знает;
Ни бури рев, ни плач, ни стон
От сна его не пробуждает.

Но перестал греметь уж гром,
Замолкли ветры в чаще леса,
И на востоке голубом
Редела мрачная завеса.
Вся в перлах, злате и сребре,
Ждала Рогнеда без боязни
На изукрашенном одре
Назначенной супругом казни.

И вот денница занялась,
Сверкнул сквозь окна луч багровый —
И входит с витязями князь
В одрину, гневный и суровый.
«Подайте меч!»—воскликнул он,
И раздалось везде рыданье,—
«Пусть каждого страшит закон!
Злодейство примет воздаянье!»

И, быстро в храмину вбежав:
«Вот меч! коль не отец ты ныне,
Убей! — вещает Изяслав,—
Убей, жестокий, мать при сыне!»
Как громом неба поражен,
Стоит Владимир и трепещет,
То в ужасе на сына он,
То на Рогнеду взоры мещет...

К. Ф. Рылеев

Речь замирает на устах,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещет он; в его костях
И лютый хлад и пламень льется,
В душе кипит борьба страстей:
И милосердие и мщенье...
Но вдруг с слезами из очей—
Из сердца вырвалось: прощенье!

1821 или 1822

VI. *Боян*

Сочинитель известного *Слова о полку Игореве* называет Бояна *Соловьем старого времени*. Неизвестно, когда жил сей славянский бард. Н. М. Карамзин, в *Пантеоне Росс. Авторов*, говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; может быть, пел он славный поход сего аргонавта к Царю-граду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнуки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Не менее правдоподобно, что Боян был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усмовича, Рогдая. Можно предполагать, что при блистательном дворе Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и приветливость доброго князя; а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами могли воспламенить дух пиитизма в сих диких сынах Севера. И грубые норманны услаждали слух свой песнями скальдов.

На брег Днепра, разбив болгар,
Владимир-Солнце возвратился
И в светлой гриднице, в кругу князей, бояр,
На шумном пиршестве с друзьями веселился...

Мед, в стариках воспламенивши кровь,
Протекшую напомнил младость,
Победы славные, волшебницу-любовь
И лет утраченных былую радость.

Беспечнее веселый круг шумел,
Звучнее гусли раздавались.
Один задумчиво Боян сидел;
В нем думы думами сменялись..

«Какое зрелище мой видит взор!—
Мечтал певец унылый:—
Бояр, князей и витязей собор,
И государь, народу милый!

Дивятся их бесчислию побед
Иноплеменные державы,
И служит, трепеща, завистливый сосед
Для них невольным отголоском славы.

Их именами все места
Исполнены на Севере угрюмом,
И каждый день из уст в уста
Перелетают с шумом...

И я, дивяся их делам,
Пел витязей — и сонмы умолкали,
И персты вещие, по золотым струнам
Летая, славу рокотали![1]

Но, может быть, времян губительных полет
Всесокрушающею силой
Деянья славные погубит в бездне лет,
И будет Русь пространною могилой!..

И песни звучные Бояна-соловья
На пиршествах не станут раздаваться,
Забудут витязей, которых славил я,
И память их хвалой не будет оживляться.

Ах, так — предчувствую: Бояна вещий глас
Веков в пучине необъятной,
Как эхо дальное в безмолвной ночи час
Меж гор, умолкнет невозвратно...

По чувствам пламенным не оценит
Певца потомок юный;
В мрак неизвестности все песни рок умчит,
И звучные порвутся струны!

Но отлети скорей,
Моей души угрюмое мечтанье,
Не погашай последней искры в ней
Надежды — жить хоть именем в преданье».

1821

VII. *Мстислав Удалый*

Ф. В. Булгарину [1]

Мстислав, сын Владимира Великого, был удельный князь Тмутараканский. Столица сего княжества, Тмутаракань (древняя Таматарха), находилась на острове Тамани, который образуют рукава реки Кубани при впадении ее в Азовское море. В соседстве жили косоги, племя горских черкесов. В 1022 году Мстислав объявил им войну. Князь Косожский, Редедя, крепкотелый великан, по обычаю богатырских времен предложил ему решить распрю единоборством. Мстислав согласился. Произошел бой: Тмутараканский князь поверг врага и умертвил его. Косоги признали себя данниками Мстислава. Он умер около 1036 года. Летописи называют его *Удалым*.

Ка́к тучи, с гор текли косоги;
Навстречу им Мстислав летел.
Стенал поморья брег пологий,
И в поле гул глухой гремел.
Уж звук трубы на поле брани
Сзывал храбрейших из полков;
Уж храбрый князь Тмутаракани
Кипел ударить на врагов.

Вдруг, кожею покрыт медведя,
От вражьих отделясь дружин,
Явился с палицей Редедя,
Племен косожских властелин.
Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал, как со́сна, на кургане
И громогласно провещал:

«Почто кровавых битв упорством
Губить и войско и народ?

Решим войну единоборством:
Пускай за всех один падет!
Иди, Мстислав, сразись со мною:
И кто в сей битве победит,
Тому владеть врага страною
Или отдать ее на щит!»

«Готов!»— князь русский восклицает
И, грозный, стал перед бойцом,
С коня — и на курган взлетает
Удалый ясным соколом.
Сошлись, схватились, в бой вступили...
Могущ и князь и великан!
Друг друга стиснули, сдавили;
Трещат... колеблется курган!..

Стоят — и миг счастливый ловят;
Как вихрь крутятся... прах летит...
Погибель, падая, готовят,
И каждый яростью кипит...
Хранят молчание два строя,
Но души воинов в очах:
Смотря по переменам боя,
В них блещет радость или страх.

То русский хочет славить бога,
Простерши длани к небесам;
То вдруг слышна мольба косога:
«О! помоги, всевышний, нам!»
И вот князья, напрягши силы,
Друг друга ломят, льется пот...
На них, как верви, вздулись жилы;
Колеблется и сей и тот...

Глаза, налившись кровью, блещут,
Колена крепкие дрожат,
И мышцы сильные трепещут,
И искры сыплются от лат...
Но вот Мстислав изнемогает —
Он падает!.. конец борьбе...
«Святая дева! — восклицает:—
Я храм сооружу тебе!..»

И сила дивная мгновенно
Влилася в князя... он восстал,
Рванулся бурей разъяренной,
И новый Голиаф упал!
Упал — и стал курган горою...
Мстислав широкий меч извлек
И, придавив врага пятою,
Главу огромную отсек.

1822

VIII. *Михаил Тверской*

Ф. В. Булгарину

Несчастный Михаил, сын Тверского князя Ярослава Ярославича, по смерти Андрея Александровича (1304 г.) должен был вступить на великокняжеский престол; но племянник его, Георгий Данилович, князь Московский, начал оспоривать у него сие право. Россия находилась тогда под владычеством моголов: оба князя отправились в Орду, и хан (Тохта) утвердил Михаила. Более десяти лет протекло мирно; но злоба не угасла в сердце Георгия, он не пропускал случая вредить Михаилу. Между тем Тохта умер (1312 г.); ему наследовал сын его, Узбек. Несогласия князей возобновились, и Георгия призвали в Орду (1315 г.). Целые три года он раболепствовал перед Узбеком, дарами и происками снискал себе милостивое расположение и, в довершение всего, женился на сестре его Кончаке (1318 г.). Хан наименовал Георгия старейшим из князей русских и дал ему войско. Михаил выступил к нему навстречу, сразился и одержал победу: татарский полководец Кавгадый и супруга Георгия впали в плен; последняя умерла скоропостижно в Твери. Раздраженный Узбек призвал Михаила в Орду, жестоко истязал его и, наконец, велел лишить жизни. Церковь причла сего князя-страдальца к лику св. мучеников.

За Узбеком вслед влекомый
Кавгадыем, Михаил
В край чужой и незнакомый
С сыном юношей вступил.
Мчался Терек быстрым бегом
Меж нависших берегов;
Зрелись гор хребты под снегом
Из-за сизых облаков.

Стан Узбеков за рекою,
На степи, в глуши пестрел;

Всюду воины толпою;
Всюду гул глухой шумел.
Ветхим рубищем покрытый,
С мрачной грустию в груди,
Князь-страдалец знаменитый
Сел в цепях на площади.

Несчастливца обступили
Любопытные толпой:
«Это князь был! — говорили
И качали головой.—
Он обширными странами,
Как Узбек наш, обладал;
Он с отважными полками
Кавгадыя поражал!..»

В речи вслушавшись чужие,
Загрустил сильнее князь;
Вспомнил славу — и впервые
Слезы брызнули из глаз.
«До какого униженья,—
Он мечтал, потупя взор,—
Довели нас заблужденья
И погибельный раздор!

Те, которых трепетали
Хитрый грек и храбрый лях,
Ныне вдруг рабами стали
И пред ханом пали в прах!
Я любил страну родную
И пылал разрушить в ней
Наших бед вину прямую:
Распри злобные князей.

О Георгий! ты виною,
Ты один тому виной,
Если кровь сограждан мною
Пролита в стране родной!
Ты на дядю поднял длани;
Ты в душе был столь жесток,
Что на Русь всю лютость брани
И татар толпы навлек!

Смерть свою давно предвижу;
Для побега други есть,—
Но побегом не унижу
Незапятнанную честь!
Так, прав чести не нарушу;
Пусть мой враг, гонитель мой,
Насыщает в злобе душу
Лютым мщеньем надо мной!

Пусть вымаливает казни!
Тверд и прав в душе своей,
Смерть я встречу без боязни,
Как в боях слетался с ней.
Не хочу своим спасеньем
На родимый край привлечь
Кавгадыя с лютым мщеньем
И Узбека грозный меч!»

Подкрепленный сею думой,
Приподнялся Михаил
И, спокойный, но угрюмой,
Тихо в свой шатер вступил.
Кавгадыем обольщенный,
Между тем младый Узбек,
В сердце трепетный, смятенный,
Смерть невинному изрек...

Уж Георгий с палачами
И коварный друг царя
Шли поспешными шагами
К жертве, злобою горя...
Пред иконою святою
Михаил псалом читал;
Вдруг с той вестью роковою
Отрок княжеский вбежал...

Вслед за ним убийцы с криком
Ворвались в густых толпах:
Блещет гнев во взоре диком,
Злоба алчная в чертах...
Ворвалися — и напали...
Как гроза в глухой ночи,
Над упавшим засверкали
Ятаганы и мечи...

Кровь из язв лилась струею...
И пробил его конец:
Сердце хладною рукою
Вырвал дикий Романец [1].
Князь скончался жертвой мщенья!
С той поры он всюду чтим:
Михаила за мученья
Церковь празднует святым.

1821 или 1822

IX. *Димитрий Донской*

Подвиги великого князя Димитрия Иоанновича Донского известны всякому русскому. Он был сын великого князя Московского Иоанна Иоанновича, родился в 1350 году, великокняжеский престол занял 1362 года. Владычествовавшая над Россиею Золотая или Сарайская Орда в его время раздиралась междоусобиями. Один из князей татарских, Мамай, властвовал там, под именем Мамант-Салтана, слабого и ничтожного хана. Недовольный великим князем, Мамай отправил (в 1378 г.) мурзу Бегича со множеством татарского войска; ополчение Димитрия встретило их на реке Воже, сразилось мужественно и одержало победу. Раздраженный Мамай, совокупив еще большие толпы иноплеменников, двинулся с ними к пределам России. Димитрий вооружился; противники сошлись на Куликовом поле (при речке Непрядве, впадающей в Дон); бой был жестокий и борьба ужасная (8 сентября 1380 г.). На пространстве двадцати верст кровь русских мешалась с татарскою. Наконец Мамай предался бегству, и Димитрий восторжествовал. Сия знаменитая победа доставила ему великую славу и уважение современников. Потомство наименовало его *Донским*. Димитрий умер в 1389 году.

«Доколь нам, други, пред тираном
Склонять покорную главу
И заодно с презренным ханом
Позорить сильную Москву?
Не нам, не нам страшиться битвы
С толпами грозными врагов:
За нас и Сергия[1] молитвы
И прах замученных отцов!

Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.

Туда! за Дон!.. настало время!
Надежда наша — бог и меч!
Сразим моголов и, как бремя,
Ярмо Мамая сбросим с плеч!»

Так Дмитрий, рать обозревая,
Красуясь на коне, гремел
И, в помощь бога призывая,
Перуном грозным полетел...
«К врагам! за Дон!,— вскричали войски,—
За вольность, правду и закон!»—
И, повторяя клик геройский,
За князем ринулися в Дон.

Несутся полные отваги,
Волн упреждают быстрый бег;
Летят, как соколы,— и стяги
Противный осенили брег.
Мгновенно солнце озарило
Равнину и брега реки
И взору вдалеке открыло
Татар несметные полки.

Луга, равнины, долы, горы
Толпами пестрыми кипят;
Всех сил объять не могут взоры...
Повсюду бердыши блестят.
Идут как мрачные дубравы —
И вторят степи гул глухой;
Идут... там хан, здесь чада славы —
И закипел кровавый бой!..

«Бог нам прибежище и сила!—
Рек Дмитрий на челе полков.—
Умрем, когда судьба судила!»

И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простерся по полям.

Повсюду хлещет кровь ручьями,
Зеленый побагровел дол:
Там русский поражен врагами,
Здесь пал растоптанный могол,
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч.
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

А там, под тению кургана,
Презревший славу, сан и свет,
Лежит, низвергнув великана,
Отважный инок Пересвет [2].
Там Белозерский князь и чада [3],
Достойные его любви,
И óкрест их татар громада,
В своей потопшая крови.

Уж многие из храбрых пали,
Великодушный сонм редел;
Уже враги одолевали,
Татарин дикий свирепел.
К концу клонился бой кровавый,
И черный стяг [4] был пасть готов,—
Как вдруг орлом из-за дубравы
Волынский [5] грянул на врагов.

Враги смешались — от кургана
Промчалось: «Силен русский бог!» [6]—

И побежала рать тирана,
И сокрушен гордыни рог!
Помчался хан в глухие степи,
За ним шумящим враном страх;
Расторгнул русский рабства цепи
И стал на вражеских костях!..

Но кто там, бледен, близ дубравы,
Обрызган кровию лежит?
Что зрю?.. Первоначальник славы *,
Димитрий ранен... страшный вид!..
Ужель изречено судьбою
Ему быть жертвой битвы сей?
Но вот к стенящему герою
Притек сонм воев и князей.

Вот, преклонив трофеи брани,
Гласят: «Ты победил! восстань!»
И князь, воздевши к небу длани:
«Велик нас ополчивший в брань!
Велик! — речет,— к нему молитвы!
Он Сергия услышал глас;
Ему вся слава грозной битвы;
Он, он один прославил нас!»

1822

* Выражение летописца.

X. *Глинский*

Князь Михаил Львович Глинский некогда знатный и богатый литовский вельможа. Род его происходил от татарского князя, выехавшего из Орды во времена в<еликого> к<нязя> Витовта. Воспитанный в Германии, Глинский принял тамошние обычаи, долго служил императору и отличался храбростию и умом. Возвратясь в отечество, он снискал милость короля Александра и был его любимцем и другом. Когда (в 1508 г.) Сигизмунд сделался королем, завистники обнесли пред ним Глинского. Главный враг его был пан Забржезенский. Князь Глинский, обще с двумя братьями, передался вел. князю Московскому Василию Иоанновичу, был принят им с уважением и сделан воеводою. Глинский сражался против своих соотечественников и оказал особенные услуги при взятии Смоленска (1514 г.). Вел. князь обещал его сделать владетелем сего княжества; но не сдержал слова. Глинский вошел в переписку с Сигизмундом и намерен был ему передаться; его схватили, привезли в Москву и заключили в темницу. Там он просидел более двенадцати лет. Вел. князь женился на его племяннице, княжне Елене, дочери брата его Василия. Через год царица выпросила своему дяде прощение (1527 г.), и кн. Глинский пришел еще в бо́льшую силу. По кончине вел. князя Елена сделалась правительницею государства. Князь Михаил был одним из сильнейших членов Думы: нескромная слабость племянницы к любимцу ее, князю Телепневу-Оболенскому, возбудила в нем справедливое негодование, он стал делать ей увещания и подпал гневу; снова его заключили в темницу, где он и умер (в 1534 г.).

Под сводом обширным темницы подземной,
Куда луч приветный отрадных светил
Страшился проникнуть, где в области темной
Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил,—
Гремевший в Варшаве, Литве и России
Бесславьем и славой свершенных им дел,
В тяжелой цепи по рукам и по вые,
Князь Глинский задумчив сидел.

Волос уцелевших седые остатки
На сморщенно веком и грустью чело
Спадали кудрями, виясь в беспорядке:
Страданье на Глинском бразды провело...
Сидел он, склоненный на длань головою,
Угрюмою думой в минувшем летал;
Звучал средь безмолвья цепями порою
И тяжко, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
Прелестная дева — отрада слепца;
Свободой, и счастьем, и светом презрела,
И блага все в жертву она для отца.
Блеск пышный чертога для ней заменила
Могильная мрачность темницы сырой;
Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
И жизни зарю молодой.

«О, долго ли будешь, стоная, лить слезы?—
Рекла она нежно.— Печали забудь!
Быть может, расторгнешь сии ты железы:
Надежда лелеет и узников грудь!
Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокоя волненье и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши».

«На лоне отчизны! — воскликнул изменник.—
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен хотя на мгновенье?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире иль грозным в войне:
Богатство, познанья, порода, отвага —
Всё с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел...
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Могольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным навстречу
С дружиною храбрых помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напенясь, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державный;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе и громкой и славной
От Глинского с вестью примчался гонец.
Чело Александра веселость покрыла:
«Когда торжествует родная страна,—
Он рек предстоящим,— тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным чрез меру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей —
И род Забржезенских, давно мне враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он — и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я внестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть — тиран неотступный!..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан!..

Бой кончен — и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупы и груды костей;
Душа предалася невольно кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья,
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И русский властитель, смущенный и гневный,
Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию,

Лет десять живу я в могиле сей хладной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую, угрюмый, в душе безотрадной
И думой стремлюся к родимой стране.
Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь хладная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славный,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святые гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да каждый, пылая преступным отмщеньем,
Идти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья
И совесть от сна пробудят!»

Несчастный умолкнул с душевной тоскою;
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал !..
Так Глинский — муж Думы и пламенный воин —
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

1822

XI. *Курбский*

Князь Андрей Михайлович Курбский, знаменитый вождь, писатель и друг Иоанна Грозного. В Казанском походе, при отражении крымцев от Тулы (1552) и в войне Ливонской (1560 г.) он оказал чудеса храбрости. В 1564 г. Курбский был воеводою в Дерпте. В сие время Грозный преследовал друзей прежнего своего любимца, Адашева, в числе которых был и Курбский: ему делали выговоры, оскорбляли и, наконец, угрожали. Опасаясь погибели, Курбский решился изменить отечеству и бежал в Польшу. Сигизмунд II принял его под свое покровительство и дал ему в поместье княжество Ковельское. Отсюда Курбский вел бранную и язвительную переписку с Иоанном; а потом еще далее простер свое мщение: забыл отечество, предводительствовал поляками во время их войны с Россиею и возбуждал против нее хана Крымского. Он умер в Польше. Пред смертию сердце его несколько умягчилось: он вспомнил о России и называл ее милым отечеством. Спасаясь из Дерпта, Курбский оставил там супругу и девятилетнего сына; потом, в Польше, вторично женился на княгине Дубровицкой, с которою король повелел ему развестися. Курбский известен также литературными своими трудами: он описал жестокости царя Иоанна и перевел некоторые беседы Златоустого на «Деяния св. апостол<ов>». В конце XVII века правнуки его выехали в Россию.

На камне мшистом в час ночной,
Из милой родины изгнанник,
Сидел князь Курбский, вождь младой,
В Литве враждебной грустный странник,
Позор и слава русских стран,
В совете мудрый, страшный в брани,
Надежда скорбных россиян,
Гроза ливонцев, бич Казани...

Сидел — и в перекатах гром
На небе мрачном раздавался,

И темный лес, шумя кругом,
От блеска молний освещался.
«Далёко от страны родной,
Далёко от подруги милой,—
Сказал он, покачав главой,—
Я должен век вести унылой.

Уж боле пылких я дружин
Не поведу к кровавой брани,
И враг не побежит с равнин
От покорителя Казани.
До дряхлой старости влача
Унылу жизнь в тиши бесславной,
Не обнажу за Русь меча,
Гоним судьбою своенравной.

За то, что изнемог от ран,
Что в битвах край родной прославил,
Меня неистовый тиран
Бежать отечества заставил:
Покинуть сына и жену,
Покинуть все, что мне священно,
И в чуждую уйти страну
С душою, грустью отягченной.

В Литве я ныне стал вождем;
Но, ах! ни почести велики
Не веселят в краю чужом,
Ни ласки чуждого владыки.
Я всё стенаю, и грущу,
И на пирах сижу угрюмый,
Чего-то для души ищу,
И часто погружаюсь в думы...

И в хижине и во дворце
Меня глас внутренний тревожит,
И мрачность на моем лице
Веселость шумных пиршеств множит...
Увы! всего меня лишил
Тиран отечества драгова.
Сколь жалок, рок кому судил
Искать в стране чужой покрова».

Июнь 1821

XII. *Смерть Ермака*

П. А. Муханову[1]

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум был *принят под руку* Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украйн укрепленными местами и умножением в них народонаселения. Богатые в то время купцы Строгоновы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Сзывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и купеческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгоновы присоединили к ним 300 человек разных всельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отправили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось: много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в киргизские степи и замышлял способы истребить казаков. В одну темную ночь (5 августа 1584 г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и незапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим, он был

роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите,— мнил герой,—
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны,—
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах,
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя [2]
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

XIII. *Борис Годунов*

Борис Федорович Годунов является в истории с 1570 года: тогда он был царским оруженосцем. Возвышаясь постепенно, Годунов сделался боярином и конюшим: титла важные при прежнем дворе российском. Сын Иоанна Грозного, царь Феодор, сочетался браком с его сестрою, Ириною Феодоровною. Тогда Годунов пришел в неограниченную силу: он имел столь великое влияние на управление государством, что иностранные державы признавали его соправителем сего кроткого, слабодушного монарха. По кончине Феодора Иоанновича (1598 г.), духовенство, государственные чины и поверенные народа избрали Годунова царем. Правление его продолжалось около осьми лет. В сие время Годунов старался загладить неприятное впечатление, какое оставили в народе прежние честолюбивые и хитрые его виды; между прочим ему приписывали отдаление от двора родственников царской фамилии (Нагих, кн. Сицких и Романовых) и умерщвление малолетнего царевича Димитрия, брата царя Феодора, в 1591 году погибшего в Угличе. Годунов расточал награды царедворцам, благотворил народу и всеми мерами старался приобрести общественную любовь и доверенность. Между тем явился ложный Димитрий, к нему пристало множество приверженцев, и государству угрожала опасность. В сие время (1605 г.) Годунов умер незапно; полагают, что он отравился. Историки несогласны в суждениях о Годунове: одни ставят его на ряду государей великих, хвалят добрые дела и забывают о честолюбивых его происках; другие — многочисленнейшие — называют его преступным, тираном.

Москва-река дремотною волной
Катилась тихо меж брегами;
В нее, гордясь, гляделся Кремль стеной
И златоверхими главами.
Умолк по улицам и вдоль брегов
Кипящего народа гул шумящий.
Всё в тихом сне: один лишь Годунов
На ложе бодрствует стенящий.

Пред образом Спасителя, в углу,
Лампада тусклая трепещет,
И бледный луч, блуждая по челу,
В очах страдальца страшно блещет.
Тут зрелся скиптр, корона там видна,
Здесь золото и серебро сияло!
Увы! лишь добродетели и сна
Великому недоставало!..

Он тщетно звал его в ночной тиши:
До сна ль, когда шептала совесть
Из глубины встревоженной души
Ему цареубийства повесть?
Пред ним прошедшее, как смутный сон,
Тревожной оживлялось думой [1] —
И, трепету невольно предан, он
Страдал в душе своей угрюмой.

Ему представился тот страшный час,
Когда, достичь пылая трона,
Он заглушил священный в сердце глас,
Глас совести, и веры, и закона.
«О, заблужденье! — он возопил:—
Я мнил, что глас сей сокровенный
Навек сном непробудным усыпил
В душе, злодейством омраченной!

Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его к народу
Лишь одному злодейству буду враг;
Всем дам законную свободу.
Начнут торговлею везде цвести
И грады пышные и сёла;
Полезному открою все пути
И возвеличу блеск престола.

Я мнил: народ меня благословит,
Зря благоденствие отчизны,
И общая любовь мне будет щит
От тайной сердца укоризны.
Добро творю,— но ропота души
Оно остановить не может:
Глас совести в чертогах и в глуши
Везде равно меня тревожит.

Везде, как неотступный страж, за мной,
Как злой, неумолимый гений,
Влачится вслед — и шепчет мне порой
Невнятно повесть преступлений!..
Ах! удались! дай сердцу отдохнуть
От нестерпимого страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна уж чаша наказанья!

Взываю я,— но тщетны все мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящий перст судьбы
И слышу сердца глас угрюмый.
Терзай же, тайный глас, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное с души пятно
И кровь царевича святую!

Пусть злобный рок преследует меня —
Не утомлюся от страданья,
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодеянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правление прославлю
И прах несчастного почтить слезой
Потомка позднего заставлю.

О так! хоть станут проклинать во мне
Убийцу отрока святого,
Но не забудут же в родной стране
И дел полезных Годунова».
Страдая внутренно, так думал он;
И вдруг, на глас святой надежды,
К царю слетел давно желанный сон
И осенил страдальца вежды.

И с той поры державный Годунов,
Перенося гоненье рока,
Творил добро, был подданным покров
И враг лишь одного порока.
Скончался он — и тихо приняла
Земля несчастного в объятья —
И загремели за его дела
Благословенья и — проклятья!..

1821 или 1822

Видѣніе Анны Іоановны.

Презренного злодея мечь
Сверкнулъ надъ выей Патріота
Сверкнулъ — глава упала съ плечь
И покатилась съ эшафота.
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презренной кроя,
Чтобъ угодить Временщику,
Торжествовали смерть Героя.

—

Одна Царица лишь была
Окружена печальной думой;
Какъ будто камень з[illegible]
Тоска в душѣ ея угрюмой
Съ тѣхъ поръ отъ ней [illegible]
И спала сонъ она [illegible]
Ея очамъ и днемъ и [illegible]
Какой то призракъ [illegible]

—

Однажды пиръ шумѣлъ в дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ:
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоенье въ взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою отъ шума.

—

К. Ф. Рылеев. Видение Анны Иоановны
Беловой автограф (ЦГАДА).

7.

Думаю, ты уже получил замечания мои на Войнар. Прибавлю одно: везде где в книге ни сказал ничего, подразумевай похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагаю что хорошее писано тобою с умыслу, не считаю за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы Петра в Остр. чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (Loci topici). Описание места действия, речь Героя и — нравоучение. Национального, Русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю Ив. Сусанина, первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в Олеге Герба России. Древний Герб, св. Георгий, не мог находиться на щите языческого Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. не прежде.

Письмо А. С. Пушкина К. Ф. Рылееву, май 1825 г.

(Институт русской литературы АН СССР)

XIV. *Димитрий Самозванец*

Читавшим отечественную историю известен странный Лжедимитрий — Григорий Отрепьев. Повествуют, что он происходил из сословия детей боярских, несколько лет находился в Чудове монастыре иеродьяконом и был келейником у патриарха Иова. За беспорядочное поведение Отрепьев заслуживал наказание; он желал избежать сего и предался бегству. Долго скитаясь внутри России и переходя из монастыря в монастырь, наконец выехал в Польшу. Там он замыслил выдать себя царевичем Димитрием, сыном Иоанна Грозного, который умерщвлен был (в 1591 г.) в Угличе — как говорили — по проискам властолюбивого Годунова. Он начал разглашать выдуманные им обстоятельства мнимого своего спасения, привлек к себе толпу легковерных и, с помощию Сендомирского воеводы Юрия Мнишка, вторгся в отечество вооруженною рукою. Странное стечение обстоятельств благоприятствовало Отрепьеву: Годунов умер незапно, и на престоле российском воссел самозванец (1605 г.). Но торжество Отрепьева было недолговременно: явная преданность католицизму и терпимость иезуитов сделало его ненавистным в народе, а развратное поведение и дурное правление ускорили его падение. Князь Василий Шуйский (в 1606 г.) произвел заговор, возникло народное возмущение — и Лжедимитрия не стало. Явление сего самозванца, быстрые его успехи и странное стечение обстоятельств того времени составляют важную загадку в нашей истории.

Чьи так дико блещут очи?
Дыбом черный волос встал?
Он страшится мрака ночи;
Зрю — сверкнул в руке кинжал!..
Вот идет... стоит... трепещет...
Быстро бросился назад;
И, как злой преступник, мещет
Вдоль чертога робкий взгляд!

Не убийца ль сокровенной,
За Москву и за народ,
Над стезею потаенной
Самозванца стережет?..
Вот к окну оборотился;
Вдруг луны сребристый луч
На чело к нему скатился
Из-за мрачных, грозных туч.

Что я зрю? То хищник власти
Лжедимитрий там стоит;
На лице пылают страсти;
Трепеща, он говорит:
«Там в чертогах кто-то бродит —
Шорох — заскрыпела дверь!..
И вот призрак чей-то входит...
Это ты — Бориса дщерь!..

О, молю! избавь от взгляда...
Укоризною горя,
Он вселяет муки ада
В грудь преступного царя!..
Но исчезла у порога;
Это кто ж мелькнул и стал,
Притаясь в углу чертога?..
Это Шуйский!.. Я пропал!..»

Так страдал злодей коварной
В час спокойствия в Кремле;
Проступал беспрестанно
Пот холодный на челе.
«Не укроюсь я от мщенья! —
Он невнятно прошептал.—
Для тирана нет спасенья:
Друг ему — один кинжал!

На престоле, иль на ложе,
Иль в толпе на площади,
Рано, поздно ли, но всё же
Быть ему в моей груди!
Прекращу свой век постылый;
Мне наскучило страдать
Во дворце, как средь могилы,
И убийцу нажидать».

Сталь нанес — она сверкнула —
И преступный задрожал,
Смерть тирана ужаснула:
Выпал поднятый кинжал.
«Не настало еще время,—
Простонал он,— но придет,
И несносной жизни бремя
Тяжкой ношею спадет».

Но как будто вдруг очнувшись:
«Что свершить решился я?—
Он воскликнул, ужаснувшись.—
Нет! не погублю себя.
Завтра ж, завтра всё разрушу,
Завтра хлынет кровь рекой —
И встревоженную душу
Вновь порадует покой!

Вместо праотцев закона
Я введу закон римлян [1];
Грозной местью гряну с трона
В подозрительных граждан.
И твоя падет на плахе,
Буйный Шуйский, голова!
И, дымясь в крови и прахе,
Затрепещешь ты, Москва!»

Смолк. Преступные надежды
Удалили страх — и он
Лег на пышный одр, и вежды
Оковал тревожный сон.
Вдруг среди безмолвья грянул
Бой набата близ дворца,
И тиран с одра воспрянул
С смертной бледностью лица...

Побежал и зрит у входа:
Изо всех кремлевских врат
Волны шумные народа,
Ко дворцу стремясь, кипят.
Вот приближились, напали;
Храбрый Шуйский впереди —
И сарматы побежали
С хладным ужасом в груди.

«Всё погибло! нет спасенья,
Смерть прибежище одно!»—
Рек тиран... еще мгновенье —
И бросается в окно!
Пал на камни, и, при стуках
Сабель, копий и мечей,
Жизнь окончил в страшных муках
Нераскаянный злодей.

1821 или 1822

XV. *Иван Сусанин*

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Руриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провел их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повел поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увезти его. Раздраженные поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине; ее подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги:—
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!

Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас,— так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня!— сарматам в ответ мужичок:—
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота!— избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.

Войдите — не бойтесь!»—«Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой — хоть выжми, нет нитки сухой!—
Вошед, проворчал так сармат молодой.—
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объяты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому,
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,

Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
—«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?»
—«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин младой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин!— вскричали,— что молишься богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснет,
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг зá другом ѝдут в молчаньи сарматы;
Всё дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Всё глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Всё в том захолустье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?»— лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно!— Сусанин сказал.—

Убейте! замучьте!— моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей!— закричали враги, закипев,—
Умрешь под мечами!»—«Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

1822

XVI. *Богдан Хмельницкий*

Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын чигиринского сотника, воспитывался в Киеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года. По возвращении своем Хмельницкий служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу и высек плетьми малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву, жаловался, но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Малороссии вспыхнуло возмущение,— Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, призвал их на помощь и с лишком четыре года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мирный договор под Белою Церковию; но, несмотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.). Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчизны его прозвали *Богданом*, т. е. богом дарованным избавителем.

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникал,
Скользя по сводам, луч денницы
И ужас места озарял,—
В цепях, и грозный и угрюмый,
Лежал Хмельницкий на земле;
В нем мрачные кипели думы
И выражались на челе.

Темницы мертвое молчанье
Ни стон, ни вздох не нарушал;
Надежду мести и страданье
Герой в груди своей питал.
«Так, так,— он думал,— час настанет!
Освобожденный от оков,
Забытый узник бурей грянет
На притеснителей врагов!

Отмстит холодное презренье
К священнейшим правам людей;
Отмстит убийства и хищенье,
Бесчестье жен и дочерей!
Позорные разрушит цепи
И, рабства сокруша кумир,
Вновь водворит в родные степи
С святой свободой тихий мир.

Покроет ржа врагов кольчуги,
И прах их ветер разнесет,
Застонут нежные супруги,
И мать детей не обоймет.
А ты, пришлец иноплеменный,
Тиран родной страны моей,
Мучитель мой ожесточенный,
Чаплицкий! трепещи, злодей!

За кровь пролитую, за слезы
И жен, и старцев, и сирот,
За всё — и за сии железы
Тебя мое отмщенье ждет!..
Но где о вольности мечтаю?
Увы! в темнице дни влача,
Свой век, быть может, окончаю
От рук презренных палача!

И долго, может быть, стеная
Под тяжким бременем оков,
Хмельницкого страна родная
Пребудет жертвою врагов!»
Чела страдальца вид суровый
Мрачнее стал от думы сей,
И на заржавые оковы
Упали слезы из очей.

Вдруг слышит: загремели створы,
Со скрипом дверь отворена,—
И входит, потупляя взоры,
Младая, робкая жена.
«Кто ты?— Хмельницкий изумленный
Представшей незнакомке рек:—
Оковы ль снять?.. о, час блаженный!
О, если б этот час притек!

Или, с жестокою душою,
С презреньем хладным на очах,
Ты не пришла ли надо мною
Ругаться, зря меня в цепях?»
—«О нет!— приветно произносит,—
В душе любви питая жар,
Жена Чаплицкого приносит
Тебе с рукой свободу в дар».

«Жена Чаплицкого!»—«Мученье
И вместе мужество твое
Вдохнули в душу мне почтенье
И сердце тронули мое:
Я полюбила — и пылала
Из сих оков тебя извлечь;
Я связь с тираном разорвала;
Будь мой!»—«Я твой!»—«Прими свой меч!»

«Мой меч!— Хмельницкий восклицает,—
Жив бог!.. и ты погиб, злодей!
Заря свободы засияет
От блеска мстительных мечей!»
Сребрила дол царица нощи,
В брега волною Днепр плескал,
Опепив удила, у рощи
Нетерпеливый конь стоял.

Герой вскочил, веселья полный,
Летит — и зрит поля отцов,
И вкруг его, как моря волны,
Рои толпятся козаков.
«Друзья!— он к храбрым восклицает,—
За мной, чью грудь волнует месть,
Кто рабству смерть предпочитает,
Кому всего дороже честь!

Сам бог поборник угнетенным!
Вожди — решительность и я!
Навстречу ко врагам презренным,
На Воды Желтые, друзья!»
И вот сошлися два народа,
И с яростью вступили в бой
С тиранством бодрая свобода,
Кипя отвагою младой.

Сармат, и храбрый и надменный,
Вотще упорствовать хотел;
Вотще, разбитый, побежденный,
Бежал мечей и метких стрел.
Преследуя, как ангел мщенья,
Герой везде врагов сражал,
И трупы их без погребенья
Волкам в добычу разметал!.,

И воцарилася свобода
С тех пор в украинских степях,
И стала с счастием народа
Цвесть радость в селах и градах.
И чтя послом небес желанным,
В замену всех наград и хвал,
Вождя-героя — Богом данным
Народа общий глас назвал.

1821

XVII. *Артемон Матвеев*

Артемон Сергеевич Матвеев родился в 1625 году. В правление царя Алексея Михайловича он отличился доблестями на поприще военном и политическом: сражался с поляками, шведами и татарами, заключил договор о сдаче Смоленска (1656 г.), убедил запорожцев к подданству России и уничтожил невыгодный для нее Андрусовский мир (1667). Начальствуя над посольским приказом, Матвеев умел вселить в других европейских дворах должное уважение к России. В его доме воспитывалась Наталия Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, от которой родился Петр Великий. Впоследствии государь возвел Матвеева в ближние бояре и оказывал ему особенную доверенность и даже дружбу. С кончиною царя Алексея Михайловича (в 1676 г.) кончилось блистательное поприще Матвеева: враги оклеветали его и удалили от двора. Матвеев получил назначение в Верхотурье воеводою; на дороге настиг его гонец и отвез в отдаленный Пустозерский острог. Целые семь лет Матвеев пробыл в заточении. Наконец ему велено было ехать в город Лух (Костромской губернии). В дороге Матвеев узнал о кончине царя Феодора Алексеевича и получил приглашение ко двору воцарившихся соправителей. В столице ожидало его новое бедствие: на четвертый день приезда (15 мая 1682) взбунтовались стрельцы, и Матвеев пал жертвою преданности к государям. Любя добродетель, он уважал просвещение и науки; сочинил Российскую историю; имел вкус к изящным искусствам: живописи, музыке и драматическим представлениям. При нем впервые стали известны у нас театральные зрелища.

Муж знаменитый, друг добра,
Боярин Артемон Матвеев
Был сослан в ссылку от двора,
По клеветам своих злодеев.
Семь лет томился он в глуши;
Семь лет позор и стыд изгнанья
Сносил с величием души,
Без слез, без скорби и роптанья.

«Когда защитник нам закон
И совесть сердца не тревожит,
Тогда ни ссылка,— думал он,—
Ни казнь позорить нас не может.
Быв другом доброго царя,
Народа русского любимец,
Всегда в душе спокоен я
И в злополучии счастливец.

Для блага сограждан моих
Усилия мои не тщетны,
Коль всюду слышу я за них
Глас благодарности приветный.
Все козни злых клеветников
Потомству время обнаружит,
И ненависть моих врагов
К бесславию для них послужит.

Пускай перед царем меня
Чернит и клевета и злоба.
Пред ними не унижусь я:
Мне честь сопутницей до гроба.
Щитом против коварства стрел,
Среди моей позорной ссылки,
Воспоминанье добрых дел
И дух, к добру, как прежде, пылкий.

Того не потемнится честь,
Кому, почтив дела благие,
Народ не пощадил принесть
В дар камни предков гробовые.
Опалой царской не лишен
Я гордости той благородной,
Которой только одарен
Муж справедливый и свободной.

Пустоозерска дикий вид,
Угрюмая его природа,
Не в силах твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбе,
Быть твердым всюду я умею;
Жалею я не о себе,
Я боле о царе жалею.

На страшной трона высоте
Необходима прозорливость.
О государь! вняв клевете,
Ты оказал несправедливость.
Меня ты в ссылку осудил
За то ль, что я служил полвека?
Но я давно тебя простил,
О царь! простил как человека.

Близ трона, притаясь, всегда
Гнездятся лесть и вероломство.
Сколь много для царей труда!
Деяний их судьей — потомство.
Увы! его склонить нельзя
Ни златом блещущим, ни страхом.
Нелицемерный сей судья
Творит свой приговор над прахом».

Так изгнанный мечтал в глуши,
Неся позорной ссылки бремя,—
И правоту его души
Пред светом оправдало время:
Друг истины и друг добра,
Горя к отечеству любовью,
Пал мертв за юного Петра,
Запечатлев невинность кровью.

1822

XVIII. *Петр Великий в Острогожске*

Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года), прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными каменьями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честию отпустил в Украйну.

В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?
С бунчуком и булавою
Вкруг монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами козаки.

«Виден промысла святого
Над тобою дивный щит!—
Покорителю Азова
Старец бодрый говорит.—
Огласяя победой славной
Моря Черного брега,
Ты смирил, монарх державный,
Непокорного врага.

Страшный в брани, мудрый в мире,
Превзошел ты всех владык,
Ты не блещущей порфирой,
Ты душой своей велик.
Чту я славою и честью

Быть врагом твоим врагам
И губительною местью
Пролететь по их полкам.

Уснежился черный волос,
И булат дрожит в руке:
Но зажжет еще мой голос
Пыл отваги в козаке.
В пылком сердце жажда славы
Не остыла в зиму дней:
Празднество мне — бой кровавый;
Мне музы́ка — стук мечей!»

Кончил — и к стопам Петровым
Щит и саблю положил;
Но, казалось, вождь суровый
Что-то в сердце затаил...
В пышном гетманском уборе,
Кто сей муж, суров лицом,
С ярким пламенем во взоре,
Ниц упал перед Петром?

Сей пришлец в стране пустынной
Был Мазепа, вождь седой;
Может быть, еще невинной,
Может быть, еще герой.
Где ж свидание с Мазепой
Дивный свету царь имел?
Где герою вождь свирепой
Клясться в искренности смел?

Там, где волны Острогощи
В Сосну тихую влились;
Где дубов сенистых рощи
Над потоком разрослись;

Где с отвагой молодецкой
Русский крымцев поражал;
Где напрасно Брюховецкой[1]
Добрых граждан возмущал;

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед;
Там, где с щедростью обычной
За ничтожный, легкий труд
Плод оратаю сторичной
Нивы тучные дают;

Где в лугах необозримых,
При журчании волны,
Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны;
Где, в стране благословенной,
Потонул в глуши садов
Городок уединенной
Острогожских козаков.

1823

XIX. *Волынский*

Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн [1] изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 году).

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий [2], без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет... Но когда
Он всё творит то из тщеславья —
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам,
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам

Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Всё в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к неправде закипит
Неукротимая в потомках —

И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках».
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал: «За истину святую
И казнь мне будет торжеством!
Я мнил спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мне врагов коварных злоба?
Я посвящал себя добру
И верен правде был до гроба!»

В его очах при мысли сей
Сверкнула с гордостью отвага;
И бодро из тюрьмы своей
Шел друг общественного блага.
Притек... увидел палача —
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да всё для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью,
И вечно закляты́м врагом
Постыдному неправосудью.

1821 или 1822

XX. Наталия Долгорукова [1]

Княгиня Наталия Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитого сподвижника Петра Великого. Нежная ее любовь к несчастному своему супругу и непоколебимая твердость в страданиях увековечили ее имя.

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребий мой:
Раздастся колокол церковной —
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной!
О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом!
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом!

В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным.
Была гонима всюду я
Жезлом судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

В борьбе с враждующей судьбой
Я отцветала в заточеньи;

Мне друг прекрасный и младой
Был дан, как призрак, на мгновенье [2].
Забыла я родной свой град,
Богатство, почести и знатность,
Чтоб с ним делить в Сибири хлад
И испытать судьбы превратность.

Всё с твердостью перенесла
И, бедствуя в стране пустынной,
Для Долгорукого спасла
Любовь души своей невинной.
Он жертвой мести лютой пал,
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя меж снежных скал,
Ему в душе не изменила.

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом:
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Но завтра, завтра я должна
Навек забыть о страсти нежной;
Живая в гроб заключена,
От жизни отрекусь мятежной.
Забуду всё: людей и свет,
И, холодна к любви и злобе,
Суровый выполню обет
Мечтать до гроба лишь о гробе.

О, лейтесь, лейтесь же из глаз
Вы, слезы, в месте сем унылом:
Сегодня я в последний раз
Могу мечтать о друге милом.
В последний раз в немой глуши
Брожу с воспоминаньем смутным
И тяжкую печаль души
Вверяю рощам бесприютным».

Тут, сняв кольцо с своей руки,
Она кольцо поцеловала
И, бросив в глубину реки,
Лицо закрыла и взрыдала:
«Сокройся в шумной глубине,
Ты, перстень, перстень обручальный,
И в монастырской жизни мне
Не оживляй любви печальной!»

Река клубилась в берегах,
Поблеклый лист валился с шумом;
Порывный ветр шумел в полях
И бушевал в лесу угрюмом.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль реки
Дочь Шереметева младая.

Обряд свершился роковой...
Прости последнее веселье!
Одна с угрюмою тоской
Страдалица сокрылась в келье.
Там дни свои в посте влача,
Снедалась грустью безотрадной
И угасала, как свеча,
Как пред иконой огнь лампадный.

1823

XXI. *Державин*

Н. И. Гнедичу[1]

Державин родился 1743 года в Казани. Он был воспитан сперва в доме своих родителей, а после в Казанской гимназии, в 1760 записан был в инженерную школу, а в следующем году за успехи в математике и за описание болгарских развалин переведен в гвардию в чине поручика, отличился в корпусе, посланном для усмирения Пугачева. В 1777 году поступил в статскую службу, а в 1802 году пожалован был в министры юстиции. Скончался июля 6 дня 1816 года в поместье своем на берегу Волхова.

«К бессмертным памятникам Екатерининa века принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной для европейских государей, преобразования империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества просвещения, тонкий вкус, все это было сокро́вищем для гения Державина. Он был Гораций своей государыни... Державин великий живописец... Державин хвалит, укоряет и учит... Он возвышает дух нации и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа...» — говорит г. *Мерзляков*[2].

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблистал огонь во взгляде:

«Что вижу я?.. на сих брегах,—
Он рек,— для севера священный
Державина ль почиет прах
В обители уединенной?»

И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачною тревожим думой,
Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.

Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.

Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленной,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:

«Вельможу дóлжны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,

Что звание его священно;
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний» *.

О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда — долг его,
Предмет — полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.

Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин?—
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.

Таков наш бард Державин был,—
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил,
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.

* См. «Вельможа», соч. Державина.

Ваш долг несчастным дать покров,
Всегда спасать от бед невинных,
Исторгнуть бедных из оков,
От сильных защищать бессильных» *.
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра,
Ничем себя не опорочит
И освященного пера —
В нечестьи буйном не омочит.

Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира —
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?

Ты прав, певец: ты будешь жить,
Ты памятник воздвигнул вечный,—
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный» **.
Певец умолк — и тихо встал;

См. «Властителям и судиям», его же.
** См. Памятник, подражание Державина Горациевой оде: «Exegi monumentum aere perennius...»

В нем сердце билось, и в волненьи,
Вздохнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:

«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок,—
Лишь только б молвил про меня
Мой образованный потомок:
„Парил он мыслию в веках,
Седую вызывая древность,
И воспалял в младых сердцах
К общественному благу ревность!“»

1822

ДОПОЛНЕНИЯ

1. *Владимир Святый*

Ни гром побед, ни звуки славы,
Ничто Владимира утешить не могло,
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное чело...

Братоубийством отягченный,
На светлых пиршествах сидел он одинок
И, тайной мыслию смущенный,
Дичился радостей, как узнанный порок.

Напрасно пение Бояна
И *рокот струн живых* [1] ласкали княжий слух,—
Души не исцелялась рана,
И всё тревожился и тосковал в нем дух!

Однажды он с привычной думой,
На длань склонен главой, уединясь, сидел
И с дикостью души угрюмой
[На вновь] воздвигнутый Перунов лик глядел.

Вокруг зеленого кургана
Толпами шумными на теремном дворе
Народ кипел у истукана,
Сиявшего, как луч, и в злате и в сребре!..

«Перун! твой лик я здесь поставил,—
Вещал страдалец князь.— Мироправитель бог!
Тебя я всех признать заставил
И дуб, священный дуб перед тобой возжег! [2]

Почто ж не укротишь волненья
Обуреваемой раскаяньем души!
Увы! ужасные мученья
Меня преследуют и в шуме и в тиши.

Молю у твоего кумира:
Предел страданиям душевным положи,—
Пересели меня из мира
Или по-прежнему с веселием сдружи!»

Вдруг видит старца пред собою!
Почтенный, важный вид: спокойствие в чертах,
Брада до чресл седой волною,
Кудрями волосы седые на плечах.

На посох страннический склоненный,
В десной распятие златое он держал;
И в князя взор его вперенный
На душу грешника смятенье проливал...

«Кто ты?»— Владимир с изумленьем
И гласом трепетным пришельца вопросил.
«Посол творца! — он рек с смиреньем,—
Ты бога вышнего делами прогневил...

Ни в Чернобоге, ни в Перуне,
Ни в славе, ни в пирах Владимиров покой;
Его ты, грешник, жаждешь втуне:
Как за добычей вран, так совесть за тобой!..

Но что, о князь, сии терзанья!
Тебя, отверженец, ужаснейшие ждут!
Наступит час — ценить деянья!
Воскреснут мертвые! Настанет Страшный суд!

И суд сей будет непреложен,—
Твое могущество тебя не защитит!
Там раб и царь равно ничтожен —
Всевышний судия на лица не глядит.

Пред ним угаснет блеск короны!
И князю-грешнику один и тот же ад,
Где вечный скрежет, плач и стоны
С рабами низкими властителя сравнят!»

Так говорил пришлец священный,
И пылкий, яркий огнь в глазах его блистал,
И князь, трепещущий, смятенный,
Лия потоки слез, словам его внимал!..

«О, чем же я избегну ада?..
Наставь, наставь меня!..— Владимир старцу рек:
Из твоего читаю взгляда,
Что ты, таинственный, спасти меня притек!..»

«Крести себя, крести народы!—
В ответ вещал святой,— и ты себя спасешь!
И славу дел из рода в роды
С благословением потомства перельешь!

Тогда не ад, блаженство рая
И вечность дивная тебя, Владимир, ждут,
Где сонмы ангелов, порхая,
Пред троном вышнего твой подвиг воспоют!»

«Крести ж, крести меня, о дивный!»—
В восторге пламенном воскликнул мудрый
князь...
Наутро звук трубы призывный —
И рать Владимира к Херсону понеслась...

На новый подвиг, с новым жаром
Летят дружинами с вождем богатыри,
Зарделись небеса пожаром,
Трепещет Греция и гордые цари!..

Так в князе огнь души надменной,
Остаток мрачного язычества горел:
С рукой царевны несравненной
Он веру самую завоевать летел...

1822 или 1823?

2. *Яков Долгорукий*

Корабль летел как на крылах,
Шумя уныло парусами,
И, зарываяся в волнах,
Клубил их и вздымал буграми.
Седая пена за кормой
Рекой клубящейся бежала
И шум однообразный свой
С ревущей бурею сливала.

На шканцах шумною толпой
Стояли с пленниками шведы,—
Они летели в край родной
С отрадной вестию победы.
Главу склонив, с тоской в очах
И на́ крест опустивши руки,
На верхней палубе, в мечтах,
Сидел отважный Долгорукий.

Об чем ты думаешь, герой?
Об чем в унынии мечтаешь?
Знать, мыслишь о стране родной
И плен постыдный проклинаешь.
Он говорил: «Родной земли
Уже не зреть страдальцу боле;
Умру, как и́згнанник вдали,
Умру с бесславием в неволе.

В печальном плене дни влача
В своей темнице безотрадной,
Я буду таять, как свеча,

Как пред иконой огнь лампадный;
В печальном плене дни влача,
Вотще пылаю славой дедов;
Увы! не притупить меча
Тебе об кости грозных шведов.

Уж для меня, как битвы знак,
Не загремят в полках литавры,
И не украсят мой шишак
Неувядаемые лавры.
Не буду я, служа Добру,
Творить вельможам укоризны
И правду говорить Петру
Для благоденствия Отчизны.

Ах! лучше смерть в седых валах,
Чем жизнь без славы и свободы;
Не русскому стенать в цепях
И изнывать без цели годы».
Так пел герой. Меж тем вдали
Уже сияли храмов шпицы,
Чернелись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вот видны башни на скалах:
То Готенбург на бреге диком —
И шведы с пламенем в очах
Приветствуют отчизну криком!
Подняв благочестивый взор
И к небу простирая длани,
В слезах благодарит пастор
И бога вод и бога брани.

Вокруг него толпы врагов,
Молясь, упали на колена...

Бушует ветр меж парусов,
Корабль летит, клубится пена.
Катятся слезы из очей
И груди шведов орошают;
Они отцов, сестер, детей
Уже в мечтаньях обнимают...

Вдруг Долгорукий загремел:
«За мной! Расторгнем плен постыдный!
Пусть слава будет нам удел
Иль смертию умрем завидной».
Лилася кровь, сверкал булат,
Пал неприятель изумленный,
И завоеванный фрегат
Помчался в Ревель покоренный.

1823

3. *Царевич Алексей Петрович в Рожествене*[1]

Страшно воет лес дремучий,
Ветр в ущелиях свистит,
И украдкой из-за тучи
Месяц в Оредеж глядит.

Там разбросаны жилища
Угнетенной нищеты,
Здесь стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты.
Между гор, как под навесом,
Волны светлые бегут
И вослед себе ведут
Берега, поросши лесом.

*

Кто ж сидит на черном пне
И, вокруг глядя со страхом,
В полуночной тишине
Тихо шепчется с монахом:
«Я готов, отец святой,
Но ведь царь — родитель мой...»
— «Не лжеумствуй своенравно!
(Слышен голос старика.)
Гибель церкви православной
Вижу я издалека...
Видишь сам,— уж все презренно:
Предков нравы и права,
И обычай их священный,
И родимая Москва!

Ждет спасенья наша вера
От тебя, младый герой;
Иль не зришь себе примера:
Мать твоя перед тобой.
Все царица в жертву богу
Равнодушно принесла
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
В рай иль в ад тебе дорога...
Сын мой! слушай чернеца:
Иль отца забудь для бога,
Или бога для отца!»

Смолк монах. Царевич юный
С пня поднялся, говоря:
«Так и быть! Сберу перуны
На отца и на царя!..»

4. Видение Анны Иоановны

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали смерть героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!
С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться.

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность бледного чела

Развеселить, хотя ошибкой.
«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумьи возопила
И, опершись на трон рукой,
Главу печально преклонила.

И в шуме пиршеств и в глуши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»
— «Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос.
В царице трепет пробежал
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут;
Как огнь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет,
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет.
Рисуют каждая черта
Страдальца славного отчизны;
Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?.. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный,

Там каждый восприемлет мзду,
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждут царицу, но вотще,
Не возвращается царица.
Исчезла радость, шум затих;
Лишь робкий шопот всюду бродит,
И каждый, глядя на других,
Из залы сумрачный выходит.

5. *Вадим*

Фрагмент I

Юный витязь

Над кипящею пучиною,
На утесе сев, Вадим
В даль безбрежную с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Воздух молния сечет;
Волхов пеной серебристою
В берег хлещет и ревет.

Несмотря на хлад убийств⟨енный⟩
Сограждан к правам ⟨своим⟩
Их от бед спасти насильстве⟨нно⟩
Хочет пламенный Вадим.

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан —
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян.

Фрагмент II

Над кипящею пучиною
Подпершись сидит Вадим
И на Новгород с кручиною
Смотрит нем и недвижим.

Гром гремит! Змеей огнистою
Сумрак молния сечет;
Волхов пеной серебристою
В брег песчаный с ревом бьет.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в узорчатый венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Как утес средь моря каменный,
Как полночи вечный лед,
Хладен, крепок витязь пламенный
В грозных битвах за народ.

Фрагмент III

Над кипящею п⟨учиною⟩
Ходит сумрачно ⟨Вадим⟩
И на Новгород ⟨с кручи⟩ною
Смотрит нем и не⟨движ⟩им.

Страсти пылкие рисуются
На челе его младом;
Перси юные волнуются
И глаза блестят огнем.

Гром гремит! Змеей огнистою
Воздух молния сечет.
Волхов пеной серебристою
В берег плещет и ревет.

До какого нас бесславия
Довели вражды граждан —
Насылает Скандинавия
Властелинов для славян!

Грозен князь самовластительный!
Но наступит мрак ночной,
И настанет час решительный,
Час для граждан роковой.

Вот уж небо в звезды рядится,
Как в серебряный венец,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто в саване мертвец.

Фрагмент IV

Ах! если б возвратить я мою
Порабощенному народу
Блаженства общего залог,
Былую праотцев свободу.

6.

[О, что тебя, край милый, ожидает,
Что в будущем грозит]
[Не туча кроет небо ясное.
Такою думою взволнованный,
В цепи тяжкие закованный,
Князья, князья суровые.
О судьба, судьба суровая,
За что меня, за что лишает зренья бог]

7.

На гордой крутизне брегов
Стоит во мраке холм Олегов;
Под Киевом вокруг костров
Пируют шайки печенегов.
Отрадна им гроза набегов,
Им наслаждение война;
На лицах варваров видна
Печать свирепых, диких нравов.
Среди вождей перед костром
Их князь сидит на пне седом,
И буйную толпу кругом
Обходит череп Святославов
С заморским пенистым вином.

8. *Марфа Посадница*

Фрагмент I

Была уж полночь. Бранный шум
Затих на стогнах Новограда,
И Марфы беспокойный ум —
Свободы тщетная ограда —
Вкушал покой от мрачных дум.

В полях сверкали огоньки;
Расположась обширным станом
Близ озера и вдоль реки,
Вдали чернели за туманом
Царя отважного полки.

Все было в непробудном сне;
Лишь ратники сторожевые
Перекликались на стене,
И Волхов в берега крутые
Плескал волною в тишине.

[И долго длилась тишина,
Заря на небе зажигалась,
И вся окрестная страна,
И вся природа пробуждалась,
Покоя сладкого полна.]

Покой и мрак среди домов...
Вдруг с Ярославова Дворища
Звон вечевых колоколов —
И грянул, бросив пепелища,
Народ со всех Пяти Концов [1].

Фрагмент II

Простите вы, поля, долины, реки! [2]
С волнением растерзанной души
Я с вами днесь прощаюся навеки:
Мне суждено окончить дни в глуши.

Твои, о Новгород! разрушены твердыни,
    Перед царем легли в⟨о⟩ прах
Окрестности превращены в пустыни
    И Марфа гордая в цепях!

Не ездили из Новгорода в степи
Мы на поклон в презренную Орду,
Мы на себя не налагали цепи
И . . . .

[Все кончено: разрушилося Вече]
[Решилось все в кровавой сече;]
[Как гордый дуб в час грозной непогоды,]
[Покорены свободные народы]
И вече в прах, и древние права,
И гордую защитницу свободы
    В цепях увидела Москва.

[Решать дела привыкли мы на] Вече,
Нам не пример покорная Москва.
За мной, друзья! умрем в кровавой сече
Иль отстоим священные права.

Нам от беды не откупиться златом.
Мы не рабы: мы мир приобретем,
Как люди вольные, своим булатом
    И купим дружество копьем.

Все отнял рок жестокий и суровый:
Отечество, свободу, сыновей.
И вместо них мне дал одни оковы
И вечный мрак тюрьмы моей

Свершила я свое предназначенье;
Что мило мне, чем в свете я жила:
Детей, свободу и свое именье —
Все родине я в жертву принесла.

[Душа моя тверда, как дуб нагорный,
Напрасно бедствия сразить ее хотят.
Вотще ревет и вихрь и ветр упорный]
. . . .
Кто чести друг, кто друг прямой народа...

Что сталось с ней — народное преданье
В унылой робости молчит.
С Посадницей исчезнула свобода,
И Новгород в развалинах лежит.

9.

Повсюду вопли, стоны, крики,
Везде огонь иль дым густой.
Над белокаменной Москвой
Лишь временем Иван Великий
Сквозь огнь, сквозь дым и мрак ночной
Столпом огромным прорезался
И, в небесах блестя челом,
Во всем величии своем
Великой жертвой любовался.

10. *Меньшиков*

Фрагмент I

В краю, где солнце редко блещет
    На мрачных небесах,
Где Сосва [1] в берег с ревом плещет,
    Где воет ветр в лесах,
Где снег лежит две трети года,
    Как саван гробовой,
И полумертвая природа
    [Чуть оживляется с весной],
Где царство вьюги и мороза,
    Где жизни нет ни в чем,
Чернеет сумрачно береза
    На берегу крутом.

Фрагмент II

[В стране угрюмой] и глухой,
Где Сосва с бурей часто воет
И берег дикой и крутой
Шумящею волною роет,—
Между кудрявым тальником,
Близ церкви, осененной бором,
Чернеет обветшалый дом
С полуразрушенным забором.
[Часовня ветхая вдали

И, мертвых тихое жилище,
В утробе матери-земли
Уединенное кладбище]

Фрагмент III

«Будь ласков, дедушка, ко мне:
Скажи, над чьей простой могилой
Стоит под елью в стороне
К земле склонившись, крест унылый?
Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище,
Там церковь новая вдали,
Тут обветшалое жилище.
С могилки две стези бегут:
Одна бежит по косогору
В убогий нищеты приют,
Другая змейкой вьется к бору...
Не в сих местах мой край родной:
Я на чужбине здесь, я в ссылке;
Скажи мне, дедушка седой!
Чей прах почиет в той могилке?»
— «Как ты, из дальней стороны
В сей край изгнанные судьбою,
Под той могилою простою
Отец и дочь схоронены.
Отец, как здесь болтали тайно,
Был другом [мудрого] Петра».

Фрагмент IV

[Любил уединенье он:
Я часто зрел его, мой сын.].
Склоняся на руку главой,
Угрюмый, мрачный и безмолвный,
Он часто, позднею порой,
Сидел на паперти церковной.
[Тут познакомился я с ним.
Он подал мне на дружбу руку]

11. *Миних*

Сидел лишь Миних одинок
И, тайною тревожим думой,
С презреньем, как на порок,
Глядел на деспота[1] угрюмо.

МАТЕРИАЛЫ ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ «ДУМ» 1860 ГОДА

12. *Посвящение*

Памяти Рылеева

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.
Рылеев был мне первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.

Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

Н. Огарев

13. Предисловие

Мы печатаем «Думы» Рылеева как исторический памятник, которому не должно исчезнуть, памятник геройского времени русской жизни.

С 1812 года по 1825-й Россия сознала себя огромной силой в мире человеческом и вместе с тем внутри себя пришла к чувству гражданской свободы. Оба направления не могли не идти рука об руку. Петербургская централизация вызвала на борьбу молчавшие силы народа, и они окончательно сплотились в мощь государства. Но раз вызванные — они не могли снова умолкнуть беспечно и равнодушно; им надо было заявить себя не только противу внешнего врага, но заявить свою жизнь и самостоятельность в общественном устройстве. Между тем петербургская централизация была наследие немецкое; вызвав русские силы на свет, она осталась немецкою. Борьба была неизбежна. Немецко-мистический либерализм Александра I перешел в казарменно-бюрократическую форму аракчеевского управления; а юные русские силы, требовавшие простора, с пылким сочувствием обратились к идеям первой французской революции. Борьба романского и германского мира, встретясь на русской почве, переиначилась под влиянием русской жизни, их усвоившей. Немецкая централизация в Петербурге проникнулась духом татарщины и была уродливым соединением кнута с шпицрутенами, грабежа с канцелярией. Противодействующие ей силы выразились в том блестящем меньшинстве, из которого возникло

14 декабря; оно соединяло в себе чутье русского народного социализма с французско-либеральным понятием гражданского права, требовало освобождения крестьян и колебалось между республикой и конституционной монархией, только что пересаженной во Францию с английской почвы.

Россия пережила все эпохи европейской жизни вкратце, добиваясь до решения собственной задачи. Россия пережила военные монархизмы, которых знамя было: «L'état — c'est moi» [1], начиная с Петра I. Россия изучила философию XVIII столетия при Екатерине. 14 декабря она заявила общечеловеческие требования революции и, наконец, до безумия выразила в Николае всю реакцию Священного союза.

Во время реакции Европа додумалась до социализма и до замены Священного союза племенными союзами. Но на решение первого вопроса у нее — как показал 1848 год — не хватает сил; история слишком истощила ее почву, зерно нейдет в рост, и все живое каменеет в известной форме собственности. Во втором вопросе Европа ничего не может сделать без России, потому что славянское племя занимает полмира.

Во время тридцатилетнего гнета Николая Россия, впугнанная в раздумье, додумалась до освобождения крестьян с землею, до узаконения общинной формы земельной собственности и самоуправления общин. Вместе с тем, она ясно увидела, что с Священным союзом у ней нет ничего общего.

14 декабря завершило характер революционной Европы в России и в то же время посеяло в русском сознании семена тех вопросов, которые Россия поставила с царствованием Александра II. Уже около двадцатых годов тайное общество подняло мысль об

освобождении крестьян и даже с землею. К сожалению, мы не имеем главнейшего документа: Пестелевой «Русской правды». Около того же времени составилось «Общество соединенных славян». Очевидно, что зачатки всех социальных и политических вопросов России нашего времени лежали в обществе 14 декабря. И вот в чем для нас его великое значение. Мы не знаем — что сталось бы, если бы намерения общества удались; но не имеем права не предполагать, что Россия пришла бы к постановке своих коренных вопросов гораздо быстрее, чем при тяжелом развитии татарско-немецкого бюрократизма и реакции Священного союза в николаевское царствование. Во всяком случае — относительно людей 14 декабря — нам, потомкам, остается только с благоговением

Хранить завет страдальцев сильных,
Людей повешенных и ссыльных...[2]

Рылеев был поэтом общественной жизни своего времени. Хотя он и сказал о себе: «Я не поэт, а гражданин»,— но нельзя не признать в нем столько же поэта, как и гражданина. Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию. В этом отличительная черта его направления, и те, которые помнят то время, конечно, скажут вместе с нами, что его влияние на тогдашнюю литературу было огромно. Юношество читало его нарасхват. Его стихи оно знало наизусть. Сам Пушкин говорил о нем с любовью и уважением, и, несмотря на очень верную, но неблагосклонную оценку «Дум», он видел в Рылееве залог огромного дарования, ко-

торое росло с каждым днем. Петля задушила это дарование. Но и теперь, перечитывая Рылеева, сравнивая его первые произведения с последующими, мы видим его сильное развитие. В «Думах» он поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени; отсюда вышло ложное изображение исторических лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи. В «Думах» видна благородная личность автора, но не видно художника. Одно заметно — как стих постепенно совершенствуется. В «Олеге Вещем» чувствуется неуклюжий стих державинской эпохи; в «Волынском» он уже звучен и силен. Влияние «Дум» на современников было именно то, какого Рылеев хотел,— чисто гражданское. Но в «Войнаровском» Рылеев становится действительным поэтом, несмотря на тот же субъективно-гражданский колорит целого. Стих, картинность, сила чувства и всюду проникающее благородство поэта — увлекательны. В «Наливайке» Рылеев становится мастером. Напомним для примера «Смерть Чигиринского старосты»:

С пищалью меткой и копьем,
С булатом острым и с нагайкой
На аргамаке вороном
По степи мчится Наливайко.

Как вихорь бурный, конь летит,
По ветру хвост и грива вьется,
Густая пыль из-под копыт,
Как облако, вослед несется.

Летит, привстал на стременах,
В туман далекий взоры топит,
Узрел — и с яростью в очах
Коня и нудит и торопит.

Как точка перед ним вдали
Чернеет что-то в дымном поле;
⟨Вот отделилась от земли⟩,
Вот с каждым мигом боле, боле,
И, наконец, на вышине,
Средь мглы седой, в степи пустынной,
Вдруг показался на коне
Красивый всадник с пикой длинной...
Казак коня быстрей погнал,
В его очах веселье злое...
И вот — почти уж доскакал...
Копье направил роковое,
Настиг, ударил — всадник пал,
За стремя зацепясь ногою,
И конь испуганный помчал
Младого ляха под собою...

Из «Наливайки» сохранились только два-три отрывка [3]. Неужели ни у кого нет остального? Неужели ни у кого нет материалов для биографии Рылеева? Неужели наши библиофилы, выкапывая все на свете, не захотят заняться этой изящной личностью? Когда же кто-нибудь доставит нам сведения о Рылееве?..

Впрочем, к нам должно присылать их только в крайнем случае. Пора правительству, после тридцатилетнего намордника, отдать истории ее достояние и позволить безусловно печатать все о Рылееве и его сподвижниках [4]. Это был бы поступок широко благородный, который внушил бы в России искреннее доверие к правительству.

Мы сочли не лишним поместить в этом издании стихотворение Мицкевича «К русским друзьям», относящееся к Рылееву и людям 14 декабря. Мы помещаем польский подлинник с русским переводом в прозе. Стихотворный перевод, который у нас есть, слишком

неудовлетворителен[5]. Я тоже пробовал перевести, но не сладил[6]. Лучше верный перевод в прозе, чем вялый в стихах.

Повторяем: «Думы» Рылеева мы считаем историческим памятником того времени и юным выражением благородной личности поэта.

Да примут их читатели с тем же глубоким благоговением, с каким мы возобновляем их в печати.

Н. Огарёв.

14. Do przyjaciól moskali (Mickiewicza)

Wy—czy mnie wspominacie? ja, ilekroć marzę
O mych przyjaciół śmierciach, wygnaniach,
więzie niach,
I o was myślę: wasze cudzoziemskie twarze
Mają obywatelstwa prawo w mych marzeniach.

Gdzież wy teraz? Szlachetna szyia Rylejewa,
Którąm jak bratnią ściskał, carskimi wyroki
Wisi do hańbiacego przywiązana drzewa;
Klątwa ludom, co swoje mordują proroki.

Ta ręka, którą do mnie Bestużew wyciągnął,
Wieszcz i żołnierz, ta ręka od pióra i broni
Oderwana, i car ją do taczki zaprzągnął;
Dziś w minach ryje, skuta obok polskiej dłoni.

Innych może dotknęła sroższa niebios kara;
Może kto z was, urzędem, orderem zhańbiony,
Duszę wolną na wieki przedał w łaskę cara,
I dziś na progach jego wybija pokłony.

Może płatnym językiem tryumf jego sławi
I cieszy się ze swoich przyjaciół męczeństwa,
Może w ojczyźnie mojej moją krwią się krwawi
I przed carem, jak z zasług, chlubi się z przeklęstwa.

Jeśli do was, z daleka, od wolnych narodów,
Aż na północ zalecą te pieśni żałosne,
I odezwą się z góry nad krainą lodów,—
Niech wam zwiastują wolność, jak żurawie wiosnę.

Poznacie mię po głosie; pókim był w okuciach,
Pełzając milczkiem jak wąż łudziłem despotę,

Lecz wam odkryłem tajnie zamknięte w uczuciach,
I dla was miałem zawsze gołębia prostotę.

Teraz na świat wylewam ten kielich trucizny,
Żrąca jest i paląca mojej gorycz mowy,
Gorycz wyssana ze krwi i z łez mej ojczyzny,
Niech zrze i pali, nie was, lecz wasze okowy.

Kto z was podniesie skargę, dla mnie jego skarga
Będzie jak psa szczekanie, który tak się wdroży
Do cierpliwie i długo noszonej obroży,
Że w końcu gotów kąsać — rękę, co ją targa.

15. *К русским друзьям (Мицкевича)*

Помните ли вы меня? А я — когда думаю о моих друзьях, казненных, сосланных, заточенных по тюрьмам,— так вспоминаю и вас. В моих воспоминаниях даю право гражданства вашим чужеземным лицам.

*

Где вы теперь?.. Благородная шея Рылеева, которую я обнимал как шею брата,— по царской воле — повисла у позорного столба. Проклятие народам, побивающим своих пророков!

*

Рука, которую мне протягивал Бестужев — поэт и воин,— оторвана от пера и оружия; царь запряг ее в тележку, и она работает в рудниках, прикованная к чьей-нибудь польской руке.

*

А иных, может, страшнее постигла кара небесная: может, кто из вас, опозоренный чином или орденом, продал свою вольную душу за царскую милость и кладет земные поклоны у царских порогов.

*

Может, он наемным языком славит царское торжество и радуется мучению своих друзей; может, он на моей родине купается в нашей крови и хвастает перед царем нашими проклятьями, как заслугою.

*

Если издалека, из среды вольных народов, долетят к вам на север мои грустные песни, пусть звучат они над вашей страною и, как журавли весну, предскажут вам свободу.

*

Вы узнаете меня по голосу. Пока я был в оковах, я свертывался, как змей, и обманывал деспота. Но вам открывал я тайны моего сердца и был с вами простодушен, как голубь.

*

Я теперь изливаю на свет мою чашу яда. Горяча и жгуча горечь слов моих; она вышла из крови и слез моей родины. Пусть же она жжет и грызет — но не вас, а ваши оковы.

*

А если кто из вас станет упрекать меня, то его упрек покажется мне лаем пса, который так привык к терпеливо и долго носимой цепи, что кусает руку, ее разрывающую.

*

16. ⟨*Вступительная заметка к думе «Видение Анны Иоановны»*⟩

В первом издании дум была пропущена или, лучше сказать, не пропущена цензурою дума «Видение Анны Иоановны», напечатанная в нашей «Полярной звезде» 1859 года. Мы сочли необходимым поместить ее в этом издании Дум.

Прим. Реда

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автограф ЦГАОР.

I) [За два года пред сим написал я несколько из сих дум. Известный литератор наш Ф. В. Булгарин, увидел их у меня...
Нечто о думах]

II) *Автограф ЦГАОР.*

С некоторого времени встречаем мы людей, утверждающих, что народное просвещение есть гибель для благосостояния государственного. [Не будем] Здесь не место опровергать сие странное мнение; [тем более, что ист‹очник›] [источник оного известен: он есть деспотизм]; к тому ж оно, к счастью, не может [в наше время] в наш век [иметь решительных] иметь многочисленных приверженцев, ибо источник его и подпора — деспотизм — [нигде] даже в самой Турции уже не имеет прежней силы своей.

За полезное, однако ж, сказать почитаю, что [законные правительства, основанные на законной свободе, тверже народов просвещенных] [одно тира‹нство›] один деспотизм боится просвещения, ибо знает, что лучшая подпора его — невежество: таким образом, жители Митиленские, покорив возмутившихся союзников, не нашли надежнейшего средства поработить их совершенно, как запретить детей их чему-либо учить. Благосостояние и тишина общественные реже нарушаются в государствах [просвещенных] образованных, нежели непросвещ‹енных›, ибо народы [оных] первы‹х› [более имеют средств] лучше понимают истинные пользы свои, нежели [вторые] последних; ибо просвещение — надежнейшая узда противу волнений народных, нежели предрассудки и невежество, которыми стараются в правлениях самовластных двигать или воздерживать страсти народа. Невежество народов — мать и дочь деспотизма — есть ис-

тинная и главная причина всех неистовств и злодеяний, которые когда-либо совершены в мире. Одни только друзья тиранов и то же невежество приписывают их [просве⟨щению⟩] излишнему просвещению. Пусть раздаются [вся⟨кие⟩] [жалкие] презренные вопли порицателей света, пусть изрыгают они хулы свои и изливают тлетв⟨орный⟩ яд на распространителей просвещения... пребудем тверды, питая себя тою сладостною надеждою, что рано ли, поздно ли лучи благодетельного светила проникнут в мрачные и дикие дебри и [согреют] смягчат [даже] окаменелые сердца самих порицателей просвещения.

Обяз⟨анность⟩ каждого писателя быть [для народа] [настав⟨ником⟩] для соотечественников полезным, и я, по возможности желая исполнить долг сей, предпринял, подобно польскому знамен⟨итому⟩ стихотворцу Немцевичу, написать исторические думы, стараясь напомнить в оных славнейшие или, по крайней мере достопримечательнейшие [происшествия русского народа] деяния предков наших.

Вот что говорит Немцевич о цели подобных сочинений: «Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета.

Царское Общество наук в Варшаве,— продолжает тот же писатель,— постигая всю важность сей истины, выдало новый проспект для сочинения истории народной; труд сей, разделенный между многими писателями, требует немалого времени. Все заставляет надеяться, что читатель найдет в оной достаточное о деяниях народных известие; но происшествия, рас-

сказанные важным и суровым слогом истории, нередко ускользают из памяти юношества, равномерно многочисленные томы подобных творений не каждый может достать и читать... Общество, не жалея никаких средств, не желая упустить для столь благородн⟨ой⟩ цели, поручило мне выставить в исторических песнях славнейшие происшествия и знаменитейшие деяния и победы королей и вождей польских».

Цель моя та же самая — то есть распространить между простым народом нашим, посредст⟨вом⟩ дум сих [напомнить о славных и великих] хотя некоторые познания о знаменит⟨ых⟩ доблестях предков [его] заставить его гордиться славным своим происхождением [своим] и еще более заставить [по]любить [свою] [отечество] [ту страну] родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем [намерении] предмете. [Более] Еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобрят мое намерение — пролить в народ наш хоть каплю света.

Автограф ЦГАДА.

Примечания, припечатанные при думах, кроме некоторых, сделаны известным литератором нашим г. Строевым *.

II.

15 НЛ То Святослав и Ольга шли

ЦЭ То Святослав и Ольга шли *

81—88 НЛ, Д *отсутствуют*

85 а. Но вдвое князь — внимает он

Автограф ЦГАОР.

б. Но вдвое князь — приемл⟨ет⟩ он *

86 Повсюду вопль с укором *

89—91 Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин,
Будь над страстями властелин

IV.

Примеч. к ст. 32.
Смотри «Историю Государства Российского», том II, стран. 18 [1].

СО
37—40 Вот в мире до чего людей
Доводят гибельные страсти!
Наверно будет тот злодей,
Кто не содержит их во власти [2].

V.

Автограф ЦГАОР. Вариант начала.
а. Сгустилась мгла!.. На тверди голубой
б. Сгустилась мгла!.. В пучине голубой
а. Зажглися яркие светила нощи
б. Зажглися все светила нощи
в. Зажглися яркие светила нощи
И бледный свет излили свой
На долы спящие и дремлющие рощи!..
[И всюду царствует торжественный покой
И шум умолк дневной...]
Повсюду воцарилась тишина!
а. Умолк оружий⟨?⟩ звук и звук ⟨?⟩ народа
б. Умолк на стогнах шум народа
[И град и пышный терем Гориславы]
На лоне сумраков и сна
Покоился и град и терем Рогволода
Когда-то в пышном тереме цвела,
Как лилия, Рогнеда молодая

---

[1] *В ц. э. это примечание зачеркнуто.*

[2] *В ц. э. эти стихи зачеркнуты и заменены вариантом, напечатанным в Д.*

VI.

Примеч. С.

Нам неизвестно время, в которое жил Боян. Знаем только из «Слова о полку Игоря», что Песнопевец сей имел отличный дар...[1] Н. М. Карамзин, в своем «Пантеоне Российских Авторов», так говорит о нем: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега, может быть, пел он славный поход сего Аргонавта к Царьграду, или несчастную смерть храброго Святослава, который с горстию своих погиб среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту Гостомысловой правнучки Ольги, ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». Но мне показалось правдоподобнее[2] представить Бояна певцом подвигов великого Владимира и знаменитых сподвижников его: Добрыни, Яно Усмовича, Рогдая. Можно наверно предполагать, что при блистательном дворе северного Карломана находились и песнопевцы: великолепные пиршества[3], богатырские потехи и приветливость доброго князя могли привлечь их, а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами, болгарами и другими народами долженствовали воспламенить дух пиитизма и в диких чадах Севера, которые, впрочем, как например норманы, задолго до того любили склонять слух свой от звука оружий и рева бурных морей к сладостным песням своих Скальдов.

Сочинитель упомянутого Слова называет Бояна «соловьем старого времяни». Время Владимирово (980—1015) в отношении ко времени

---

[1] *В автографе ЛБ:* отличные дарования.

[2] *В автографе ЛБ:* показалось вероятнее.

[3] *В автографе ЛБ: слово* великолепные *отсутствует.*

неизвестного[1] сочинителя «Слова о полку Игоря» (1187) может почитаться старым. Р.[2]

Автограф ЛБ.

1—4 В высокой гриднице, в кругу бояр, князей
Владимир-Солнце веселился;
Со звоном гуслей звук речей,
Мешаясь, в шум невнятный слился!..*

6 Напомнил им их прежню младость

34 На пиршествах не будут раздаваться

36 И память их хвалой не станет оживляться

48 Надежды сладкой: «**жить хотя в преданьи**».

VII.

ПЗ 1823 загл. Мстислав Удалой

X.

Примеч. С.

Более неудачное подражание, нежели перевод прекрасной думы Юлиана Немцевича. Глинский, по влиянию своему на дела России и Польши, равно принадлежит истории обоих сих государств. Измена его отечеству и гибельный конец весьма поучительны: это побудило меня сию пьесу Немцевича присовокупить к собранию дум, которое делаю я, избирая предметы из отечественной истории. Р.

82 Ни зрелище стогон родимой земли

Автограф ЦГАОР.

НЛ 97 а. [Но гений враждебный и льстивые други

---

[1] *Автограф ЛБ: слово* неизвестного *отсутствует.*

[2] *Журнальная редакция примечания первоначально была вписана и в ц. э. Путем ее правки был составлен текст, напечатанный в Д.*

б. Но гений враждебный и ложные други
98—99 Меня подследили, царь в гневе забыл
былые заслуги]

101 С, НЛ Лишил меня зренья владыка суровый

103—104 На дядю царицы падел он оковы
И свел его в бездну сию.

Автограф ЦГАОР.

107 Тоскую угрюмый с душой безотрадной
108 И думой стремлюся к родной стране *
После 108 [Но совесть повсюду, как призрак унылый
Является к старцу с укором в очах
Увы изнуренные силы слабеют]
110 а. Сердце чуть. бьется, немеет мой глас
б. Сердце трепещет, немеет мой глас
111 Медленно льется кровь хладная в жилах
112 а. [Смерти ужасной б⟨лизится⟩...]
б. И смерти близится час!
113 О дочь моя! Скоро ты нежной [⟨нрзб⟩] *
114 а. Ты бросишь с рыданьем горсть чуждой земли
б. Ты бросишь рыдая горсть чуждой земли *
115 Поспешнее, друг мой, беги сего края
117 а. Народ ⟨нрзб⟩ делами
б. Народ наш отвагой велик ⟨и⟩ делами
в. Свободный народ наш ⟨нрзб⟩ чести *
118 Не будет проступки отцов ⟨нрзб⟩ *
124 И сердцу святые их гробницы узришь *
После 124 [Соотчичей милых обнимешь с слезами]
127 а. И ты про⟨ведешь⟩...
б. И ты между ними в тиши безмятежной *
142 НЛ Погиб на чужбине в тюремной глуши!
144 Когда б не надменность души!

XI.

13 СО Далеко от страны драгой

Автограф ПД.

Далеко родины драгой
25—32 *отсутствуют*
СО, Д

Автограф ПД.

44 И самое веселье множит
45—47 Увы! злым роком я лишен
СО, Д Семьи, отечества драгого.
Сколь жалок тот, кто осужден

XIV.

Примеч. НЛ.

Многие неблагонамеренные иностранные писатели усиливались доказать, что Самозванец был истинный Димитрий — сын царя Иоанна Васильевича Грозного; но знаменитый историограф наш блистательно опровергнул их умышленное сомнение. Г. Карамзин ясно доказывает (в X-м томе «Ист⟨ории⟩ Госуд⟨арства⟩ Росс⟨ийского⟩», который, к славе отечества, вероятно выйдет в конце нынешнего года) из летописей, современных деловых бумаг и переписок, что Самозванец — был Самозванец и что истинный Димитрий-царевич убиен в Угличе.

XVI.

Примеч. к заглавию. РИ.

Герой, бессмертный в отечественной истории. Он возвратил матери-России отторгнутые от нее малороссийские провинции и Киев, колыбель христианской веры, где св. апостол Андрей

Первозванный водрузил первый крест, где почивают мощи святые божиих угодников и где образовались Феофан Прокопович, Ломоносов, Стефан Яворский, К. Безбородко и граф П. В. Заводовский. Р.

Примеч. к ст. 92, С, РИ, СО.

В мае 1648 г. одержана Хмельницким при Желтых Водах первая победа над войсками Республики Польской, бывшими под начальством Степана Потоцкого. Р. [1]

Примеч. к ст. 111. СО.

Настоящее имя Хмельницкого — Зиновий, а Богдан, как говорит предание, есть почетный придаток к имени его [2].

РИ Настоящее имя Хмельницкого — Зиновий, а имя Богдана, как говорит предание, придано ему народом. Р.

2 Куда лишь в полдень проникал
С, РИ, СО

ц. э. Куда лишь в полдень проникал *

7—8 В нем мрачные рождались думы
РИ И отражались на челе

29—36
С, РИ *отсутствуют*

46 Усугубился с думой сей

50—52 Дверь отворилась, заскрипев,
И входит, потупивши взоры,
Жена младая, оробев

53—60 *отсутствуют*

61 Беги отселе,— произносит

65—72 *отсутствуют*

73—74 Вот меч...» «Мой меч,— он восклицает,—
Жив бог! Страшися враг-злодей!

---

[1] *В ц. э. было то же примеч. с вариантом:* «Под Желтыми Водами одержана в 1648 г. Хмельницким первая победа...», *зачеркнуто.*

[2] *В ц. э. то же примеч. зачеркнуто.*

77 РИ Луна долину серебрила
79 У рощи, опенив удила
81 Герой вспрыгнул, веселья полный
105—112 С *отсутствуют*
110 РИ За то, что край отчизны спас
112 Народа прозвал общий глас

XVII.

Автограф ПД.

6 а. Семь лет постыдное изгнанье

б. Семь лет сносил позор изгнанья

17—18 Знать, были для граждан моих
Мои усилия не тщетны

После 20 Когда с родительских могил

Народ мне в дар привез каменья
И тем всю нежность изъявил
Ко мне любви и уваженья

33—36 *отсутствуют*
51 О Феодор! Вняв клевете *
60 Деяньям их судьей — потомство
65—72 *отсутствуют*

XVIII.

Примеч. С, НЛ.

Петр Великий, при взятии Азова, в августе месяце[1] 1696 года, прибыл в Острогожск. Тогда же приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес в дар царю богатую

[1] *В НЛ это слово отсутствует.*

турецкую саблю, оправленную в золото и осыпанную драгоценными каменьями, и на золотой цепи щит с подобными же украшениями. Мазепа в то время был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его своим посещением, обласкал, изъявил особенное благоволение и с честию отпустил в[1] Украйну.

6 С Вкруг его сановники
29 Еще в сердце жажда славы

Примеч. к ст. 6. ПЛ.

Сердюки — гвардия гетмана.

XIX.

6 а. И не страшась позорной казни
Автограф ЛБ.
б. И на пути позорной казни *
8 Как Долгоруков без боязни*
15 Беда несчастному, беда:

Автограф ПД.

25—28 Но тот, кто с сильными в борьбе

Автограф ЛБ.

За край родной иль за свободу
Забывши вовсе о себе
Готов всем жертвовать народу [2]
31 В час казни как невинный горд *
36 Как сын добра без укоризны *
37 Ковать ли станет для граждан *
41 а. И хоть падет, но будет жив

[1] *В С:* на.
[2] *В автографе ПД этот вариант ст. 25—28 зачеркнут и заменен окончательным текстом.*

б. Пусть он па<дет>, но будет жив
в. И пусть падет, но будет жив
49 Вражда к тиранству закипит [1]
52 Власть чужеземную в обломках [1]
53—54 а. Так, сидя в крепости в цепях,
Волынский рассуждал угрюмо
б. Мысль эта в крепости в цепях
Была Волынскому отрада *
55 Прав [2] совестью и прав в делах

Автограф ПД.

Чист совестью и прав в делах *

Автограф ЛБ.

55—56 [Блестел огонь в его очах
И на лице пылали думы]
56 а. Свой рок
б. Нес *
58 Презрев и казнь, и власть Бирона *
60 Управы требовать от трона *
67 а. И ждал с спокойною душой
б. И ждал с невинною душой *
68 От деяния <?> последствий *
70 а. Влачил в темнице он оковы
б. Волынский грыз свои оковы

Автограф ПД.

Волынский грыз свои оковы
72 а. И входит страж тюрьмы суровый

Автограф ЛБ.

б. И входит страж [к нему] суровый
Автограф ПД.

---

[1] *В автографе ПД этот вариант исправлен на окончательный.*
[2] *Над этим словом сверху приписано* чист.

74—76 Сказал он: за тебя, свобода!
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа *
77 а. С душой спокойною умру
б. Пускай от клеветы умру
80 И верен чести был до гроба

Автограф ЛБ.

85 Пришел — увидел палача *
86 И шею протянул без страха
98 Да все он твердо переносит
101 Пусть будет справедлив во всем *
104 а. И ужасом неправосудью
б. Презренному неправосудью
в. Коварному неправосудью
г. Позорному неправосудью

Примеч. НЛ.

Обер-егермейстер и кабинетный министр, Артемий Петрович Волынский, служил государям Петру I-му, Екатерине I-й, Петру II-му и Анне. В последние годы царствования императора Петра I-го был он астраханским губернатором и участвовал в 1723 году в усмирении калмыков. При императрице Анне, вскоре по составлении кабинета, был он назначен кабинетным министром и находился в сем высоком звании до 1736-го года, в которое время отправлен был вместе с д⟨ействительным⟩ т⟨айным⟩ с⟨оветником⟩ бароном Шафировым и т⟨айным⟩ с⟨оветником⟩ Неплюевым на Немировский конгресс для переговоров с турками. Возвратившись ко двору, он оставался в кабинете до 1740 года. Тут движимый патриотизмом и разделяя всеобщую ненависть к Бирону, воспользовался он однажды удобным случаем, чтобы подать императрице челобитную, в коей представлял о необходимости удалить Бирона. Мстительный любимец узнал о сем и решился погубить мужа-

патриота [1]. Фельдмаршал Миних упоминает, что сам видел, как императрица Анна обливалась слезами, подписывая смертный приговор Волынского. Предание говорит, что происшествие сие имело сильное влияние на добрую, но слишком доверчивую государыню и ускорило ее кончину. О характере Волынского кн. Шаховской в записках своих говорит, что он разговорами своими посеял высокое мнение о любви своей к отечеству, о ревности ко славе монаршей и усердии к пользе общественной. Казнь Волынского последовала 8-го июля 1740-го года. Он похоронен на кладбище церкви Самсония, что на Выборгской стороне, вместе с друзьями своими Хрущовым и Еропкиным.

XX.

Автограф ПД.

29—36 *I*) а. [Ему я спутницей была

б. Ему усладой я была
В стране угрюмой и пустынной
И в дар с рукою принесла
Любовь души своей невинной]
II) Вруча навек творцу себя,
Отрекшись жизни сей мятежной,
Не вправе завтра буду я
Воспоминать о страсти нежной [2]
41—56 Свершится завтра жребий мой;
Раздастся колокол церковный;
И я навек с своей тоской
Сокроюсь в келии безмолвной
66 Она его поцеловала

[1] Волынский был неосторожен в словах. Бирон сим воспользовался; наряжена была комиссия, составленная из его врагов, чтобы судить Волынского. Муж сей погиб на плахе; друзья его были частью казнены, частью сосланы (см. «Записки» Манштейна). *Примеч. Рылеева.*

[2] *Приписано после ст. 88.*

68 В слезах вздохнула и сказала
72 Не вспоминай любви печальной
73—80 *отсутствуют*
85—86 В посте все дни свои влача
Снедаясь грустью безотрадной
87 а. Она истлела, как свеча
б. Она погасла, как свеча

XXI.

Автограф ПД.

1 С деревьев падал желтый лист

2 Смолк соловей в лесу угрюмом *
4 а. И Волхов плещет в берег с шумом
б. И плещет Волхов в берег с шумом
13—16 Что вижу я? — он возопил,
Пред мной Державина могила!
Тебя ли рок, о бард! сразил?
Тебя ли смерть не пощадила?
25 Но что,— вещал он наконец
27 Не умер пламенный певец
31 И в пламенных своих стихах *
32 Вождей Екатерины славил
33—48 О как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Не в силах отказать и рок
Тебе в бессмертии, Державин!
Не умер ты, хотя здесь прах...
И в звуках лиры сладкогласной,
И граждан в пламенных сердцах
Ты оживляешься всечасно!..
53 Избранник и посол творца
После 56 [Благодарю тебя, поэт]

Автограф фрагмента ПД.

а. Горжусь к тирану я враждой
б. Горжусь к насилью я враждой
в. Кипит к неправде он враждой

а. Ярмо граждан меня тревожит
б. Ярмо граждан его тревожит
Свободный славянин душой
а. Покойно рабствовать не может
б. Он раболепствовать не может
Греметь грозою против зла
Он чтит святым себе законом
С спокойной важностью чела
На эшафоте и пред троном.

После 56 *Автограф ПД.*

К неправде он кипит враждой,
Ярмо граждан его тревожит;
Как вольный славянин душой,
Он раболепствовать не может.
Повсюду тверд, где б ни был он —
Наперекор судьбе и року;
Повсюду честь — ему закон,
Везде он явный враг пороку [1]
58 На смерть с презреньем он взирает *
60 а. Стихом свободным воспаляет
б. Стихом свободным зажигает
61—76 *отсутствуют*
77 Ему ли ожидать стыда
89—100 Над ним и рок не властелин!
Он истину достойно ценит,
И ей нигде, как верный сын,
И в тайных думах не изменит!
Таков наш бард Державин был
Повсюду чести неизменный,
Царям ли правду говорил
Иль поражал порок надменный
103 Вздохнув, он, отходя, сказал
104 Как будто в дивном исступленьи *
106 Разнообразен, дивен, громок,

---

[1] *Далее следуют четыре заключительные ст. отдельного фрагмента ПД*: Греметь грозою против зла *и след. См. выше.*

1.

Автограф Лен. отд. Института истории АН СССР.

4 а. Его угрюмое и важное чело

б. Его угрюмое и гордое чело *
6 На шумных пиршествах сидел он одинок *
7 а. И думой тайной омраченный
б. И тайной думою смущенный *
После 12 [При свете дня и в мраке ночи
И в пышном тереме и в хижине простой
Его сверкающие очи
Тень Ярополкову все зрели пред собой.]
16 На вновь поставленный Перунов лик глядел *
22 а. Вещал страдалец князь — ты избранный мной бог
б. Вещал страдалец князь — ты мною чтимый бог *
После 28 [Как знак души изнеможенной,
Как сердца <нрзб>, как преступленья знак,
Везде тоскою омраченный
Чернеет на моем челе зловещий мрак!]
33 Вдруг старца зрит перед собою *
39 В очах горел огонь священный *
40 И в душу грешника смятенье проливал *
43—44 Посол творца... притек с смиреньем
Как шепчущий ручей, святой проговорил *
49 а. Но что, о князь, сии терзанья!
б. Но что, о князь, ее терзанья! *
50—52 Тебя, отверженный, ужаснейшие ждут
Настанет час — ценить деянья!
Воскреснут смертные, настанет страшный суд *
62 И тихий, кроткий огнь в очах его сиял *
88 Он веру самую завоевать хотел *

Черн. автограф ЦГАОР.

Планеты прервут течение
Стихии смешаются,
И сие дивное создание

Где мы наслаждаемся под небе<сами>
Все, что мы видим, все, что мы слыш<им>
Исчезнет
Пройдет как тень
И разрушенный мир
Превратится в ничтожество

*

Создатель тверди
Тот, который создал из ничего
Воздух и огонь, землю [1] и воду
Опровергнет [2] единств<енным> ударом длани
Обиталище человека

И основания, на которые утверждал солнце
И сие великое расстройство мира
Быть может, случится завтра
Владимир внимал
И речью старца пораженный
То слезы лил, то трепетал,
Дивясь Создателю вселенной

2.

Автограф ПД.

21 И так, он пел, родной земли *
27 Истаю жертвой, как свеча *
После 28 [С унылой жизнью догоря
Потухнет к славе жар природный
И ревность к подвигам царя
Замрет в душе моей свободной]
29—32 Напрасно ужас битв люблю,
Вотще пылаю славой дедов.
Увы! меча не притуплю
Об кости я враждебных шведов *

---

[1] *Над этим словом приписано*: сушу.

[2] *Над второй половиной этого слова приписано*: кинст (т. е. опрокинет).

После 40 I) [Прости ж навек, мой край родной,
Тебя я не увижу боле
И кончу дни в земле чужой,
Томясь бездействием в неволе]
II) а. Угасну медленно в цепях
б. В чужбине мой истлеет прах
в. Умру в бездействии в цепях
Потухнет с жизнью к славе пламень
а. Умру на чуждых берегах
б. И на враждебных берегах
Воздвигнут мой надгробный камень!
[Вздохнул герой при мысли сей
Невольно проступили слезы]
[Где мыслят с гордостью]
42 Чем жизнь без чести и свободы *
После 44 [Не русскому влачить ярем,
И тяжкий сердцу и постыдный:
Я завладею кораблем,
Иль смертию умру завидной!]
49 Мелькают башни на скалах *
54 И к небу устремляя длани *
После 64 I) а. [«За мной, друзья!» — вдруг загремел
Отважный князь, сверкая шпагой
И с горстью русских полетел
На экипаж, горя отвагой.
б. «За мной, друзья!» — вдруг загремел
Сверкая [взором] Долгорукий
Мечом сверкая Долгорукий
И с горстью русских полетел
И раздались орудий звуки.
а. Мгновенно кончен славный бой
б. Мгновенно кончен бой с вра⟨гом⟩
в. Мгновенно кончен дерзкий бой
а. Враги пред русской силой пали
б. Пред русской силой пали шведы
И в Ревель их корабль стрелой
Валы покорные помчали]
II) «За мной, друзья!» — вдруг загремел
Подобно буре Долгорукий
а. Ура! Ура! и бой вскипел
б. Раздались крик⟨и⟩, бой вскипел
в. Ура! помчимся — бой вскипел

а. Грозой помчались ⟨?⟩
б. И раздались орудий звуки
а. Напрасно истекает кровь
б. Недолго лилась кровь ручьем
в. Лилась недолго кровь ручьем
Враги пред горстью русских пали
И в Ревель храбрых с торжеством
Валы покорные помчали.
После 65 III) [За мной, друзья!]
[Пылая] ⟨?⟩
69 Сверкнул в руке его булат *
После 72 а. Услыша глас, знакомый им
б. Услыша глас, зовущий в бой
а. Грозою русские помчались
б. Помчались русские грозою
в. Помчались русские толпами
а. С предчувствием ⟨?⟩
б. Единодушно ⟨?⟩ закричали
в. Герои славы закричали

3.

Автограф ЛБ, загл.

Царевич Алексей в Рожествене
6 а. Беззащитной нищеты
б. Притесн⟨енной⟩ нищеты
в. Утесненной нищеты
7 Здесь стоят средь темноты *
19 Но ведь он — родитель мой
После 43 [Взвыл страшнее лес дремучий,
Месяц спрятался за тучи,
Ветр сильней забушевал,
И за ближнею могилой
И ужасно и уныло
Вран зловещий прокричал...]

4.

Автограф ПД, загл.

Голова Волынского

Автограф ЛБ, загл.
а. Голова Волынского
б. Видение императрицы Анны

Автограф ПД.

Перед 1 Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Принял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленной!
Волынской тверд был до конца!
Не устрашенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни [1].
6 Льстецы в душе искусно кроя *

Автограф ЛБ.

8 Торжествовали казнь героя

Автограф ПД.

10 Омрачена тревожной думой *

Автограф ЛБ.

12 Печаль в душе ее угрюмой *
32 Уныло голову склонила

Автограф ПД.

а. Уныло голову склонила

Автограф ЛБ.

б. Главу печальную склонила
33 И в шуме пиршеств и в тиши

---

[1] *В автографе ЛБ эти стихи зачеркнуты и нумерация начата со следующей строфы.*

Автографы ПД и ЛБ.

34—35 Меня глас внутренний терзает

Автограф ЛБ.

Сей глас из глубины души *
38 По сводам залы страшный голос! *
48 Так очи дикостию ⟨?⟩ блещут *
50—52 Какой-то чудный свет пылает
Из шеи каплет кровь порой
И пол чертога обагряет *
57—58 «Что медлишь ты?... Тебя я жду
На суд к творцу,— на суд священный *.
60 Равны там раб и царь надменный
63 Взглянула мертвая глава *

Автограф ЦГАДА.

65 Гром музыки еще звучал *

Автограф ЛБ.

67 а. Все ждали Анну... но на бал
б. Все ждут царицы, но вотще *
Автографы ЛБ и ПД.

68 Не возвращалася царица

Автограф ЛБ.

69 1) а. Вспорхнула радость; шум затих
б. Исчезла радость; все молчит
70 а. Засуетились все угрюмо
б. На царедворцах мрак угрюмый
в. У всех в очах недоум⟨енье⟩
г. Лет⟨ит⟩ по зале тайный шорох [1]

Автограф ПД.

На царедворцах мрак угрюмый
72 Спешит домой с тяжелой думой

[1] *Этот стих приписан на полях.*

Автограф ЛБ.

а. Домой умчался с мрачной думой
б. Идет домой с тревожной думой
в. Скорей домой с тревожной думой
г. Спешит домой с тревожной думой
д. Идет домой с тревожной думой [1]

II) Исчезла радость, шум затих,
Лишь тайный шопот всюду бродит,
И каждый, глядя на других,
Из залы сумрачный выходит.

После 72 Еще гром музыки звучал
Весельем оживлялись лица;
[В цветных огнях дворец блистал]
Все ждут царицу... но вотще;
Не возвращается царица.
а. Пришли и видят: бледный огнь
б. Пришли и видят: на помост
[В тревоге гордый временщик
Вбежал в чертог]
[Засуетился целый двор
В чертог в тревоге Бирон входит]
И
[Затихло все; лишь тихий шепот]
а. Засуетился весь дворец,
Погасла радость, шепот бродит
И Бирон, бледен, как мертвец,
Царицу в у‹жасе› находит
б. Засуетился весь дворец
[В чертоге тайном ‹?›] Бирон бродит
В тревоге Бирон бродит
[И вдруг] бледен, как мертвец,
[Царицу] в беспамятстве находит.

---

[1] *Этим стихом кончался первоначально написанный текст. Вся строфа* (I) *зачеркнута, и приписан новый вариант* (II).

5.

Фрагмент I

2 а. На утесе сев, Вадим

Автограф ПД.

б. Сев Вадим на брег ⟨?⟩ *
3 а. С тяжкой на сердце кручиною
б. В даль туманную с кручиною*
После 8 [Завывай ты, буря страшная,
Буря ⟨нрзб⟩]
10 а. К правам воль⟨ности⟩
б. Граждан ко правам ⟨своим⟩ *
11—12 От бесславия насильственно
Хочет их спасти Вадим *
13—14 До какого мы бесславия
Ныне дожили *
После 14 *Начаты незавершенные стихи:*
[Довели]
[Насы⟨лает⟩]
15—16 Властелинов Скандинавия
Насылает для славян

Фрагмент II

6 Воздух молния сечет *
8 Брег песчаный обдает *
приписано на полях:
В берег хлещет и ревет
15 Хладен в битвах витязь пламенный *

Фрагмент III

2 На утесе сев Вадим *
3 а. В даль туманную ⟨с кручин⟩ою
б. В даль безбрежную ⟨с кручин⟩ою *
9—12 *первоначально предшествовали ст.* 5—8.
После 16 [Дух свободы, дух наследственный]
18 Но исчезнет ночи мрак *

19 И настанет день решительный *
20 а. Предназначенный судьбой
б. Я вступлю за вольность в бой
в. Закипит кровавый бой *

6.

4 Мрачной думою взволнованный *

7.

Автограф ЦГАОР.

2 Глухая ночь. Из облаков

Автограф ПД.

Луна глядит на холм Олегов *
После 8 [Их Князь сидит на пне седом]

8.

Фрагмент I

3 И Марфы благородный ум *

Автограф ПД.

11—15 *первоначально предшествовали ст.* 6—10.
21 Повеял холод с берегов *

Фрагмент II

Автограф ЦГАОР.

1—4 Простите вы, поля, долины, реки!
Мне суждено окончить дни в глуши
Я с вами днесь прощаюся навеки
С волнением растерзанной души*.

6 а. Перед царем легли дружины в прах
б. Перед царем легли граждане в прах *
8 Твоя Борецкая в цепях *!
9 Мы на поклон к Орде ⟨нрзб⟩ не ходили *
20 [Пусть голоса решат на шумном] Вече
21 а. Кто государь — народ или Москва
б. Нам не закон коварная Москва *
22 За мной, друзья! Все в жертву за свободу [1]
После 23 [Но Марфа чистая, чьим чувствам не изменит]
24 Мы не рабы; не купим мира златом *
27 И дружество скрепим копьем *
30—31 И вместо них мне дал сии оковы
И грозный мрак тюрьмы моей *
32—35 Все кончилось! но я свое свершила
Все в жертву я свободе принесла,
В чем в жизни я отраду находила,
Свободе все я в жертву принесла *.
37 Вотще стр⟨адания⟩ сразить ее хотят *
43 С Борецкою исчезнула свобода *

9.

Автограф ЦГАОР.

1—3 [Повсюду вопли, стон и крики
Над белокаменной Москвой
Как туча ходит дым густой]
2 Везде над белою Москвой *

Автограф ПД.

4 Из хаоса Иван Великий *

5 [Сквозь огнь, сквозь дым, сквозь мрак ночной]

Автограф ЦГАОР.

8 [Как будто . . . .
И в изумлении немом]

[1] *Ст. 22—23 первоначально предшествовали ст. 20—21, но затем были зачеркнуты и переписаны под ними.*

10.

Фрагмент I

Автограф ПД.

2 На тверди небесах *
4 Где воет ветр в густых лесах *
5 а. Где снег лежит две трети года
б. Где снег лежит на тундре зыбкой *
После 8 [Под кровом нищеты убогой]

Фрагмент II

1 Там в стране

Автограф ПД.

2 Где Сосва брег *
4 а. С однообразным шумом роет
б. Клу́бясь и пенясь...роет
в. С однообразным шумом роет *
6 С полуразрушенным забором *

Фрагмент III

2 Скажи, вон там, над чьей могилой *
Черн. автограф ПД.
После 2 [Скажи мне, добрый старичок]
3—4 Стоит от прочих в стороне
Там под березою унылой *
После 4 [Над зеленеющим холмом
Шумит березка молодая]
5—12 I) [Сугробы снега занесли
а. Окрестность всю и все кладбище
б. Забор церковный и кладбище
Часовня ветхая вда́ли
И мрачный бор...
С холма дорожки [1] две бегут
Одна к часовне чрез кладбище]
II) а. Подошву снегом зане́сло

[1] *Над этим словом приписано:* тропинки

б. Сугробы снега занесли
Пустынный холм и все кладбище
а. Часовня ветхая вдали
б. Часовня древняя вдали
в. Часовня старая вдали
И обветшалое жилище
а. На холм тропинки две бегут
б. С могилы две стези бегут
а. Одна бежит направо... к сырому
б. Одна бежит по косогору
а. Под тот соломенный приют
б. Под тот бревенчатый приют
Другая змейкой вьется к бору.

Автограф ЛБ.

7 Часовня древняя вдали

Автограф ПД.

Часовня старая вдали *
8 И обветшалое жилище *

Автограф ЛБ.

11 а. И в тот бревенчатый приют
б. В убогий тот бревенчатый приют
в. Под тот бревенчатый приют

Автограф ПД.

Под ним бревенчатый приют *

После 12
Черн. автограф ПД.
[От ⟨нрзб⟩ брегов
1) Скажи, кто скрыт под сим холмом
Я родилась не в сих местах
Я поселилась здесь недавно
Не родина Березов мне
Ах родина моя далеко

Скажи]
II) Не край родной Березов мне
Я брошена сюда...[1]

Автограф ПД.

[Мой край родной не в сих местах
Вчера была я на холме
И пролила невольно слезы]
13—16 Березов мне не край родной

Автограф ЛБ.

а. Сюда я брошена судьбиной
б. Сюда я брошена судьбою
Скажи ж страдалице младой,
Над чьей могилою простою
Стоит под елью крест простой?

Автограф ПД.

16 а. Чей прах сокрылся в той могилке?
б. Кто похоронен в той могилке? *
После 16 а. Вокруг могильного креста
б. Вблизи могильного креста
Стоят две молодые ели
18 Сюда изгнанные судьбиной *
21 а. Отец, как
б. Отец
в. Отца я знал. Всегда безмолвный [2]
г. Отец, как <нрзб>
д. Отца я знал. Его любили *

[1] *Приписано на полях.*
[2] *Над этим словом зачеркнутая, не поддающаяся прочтению поправка.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

«ДУМЫ» РЫЛЕЕВА

«Мы печатаем «Думы» Рылеева как исторический памятник, которому не должно исчезнуть, памятник геройского времени русской жизни»,— писал Огарев в предисловии к изданию «Дум», выпущенному Вольной русской типографией в Лондоне в 1860 г. Так после десятилетий «рабьего молчания», окружавшего имя и произведения Рылеева, его знаменитый цикл стихов вновь стал действенным орудием революционной пропаганды.

Лондонское издание «Дум» — как и силуэты пяти мучеников с Кронверкской куртины на обложке «Полярной звезды» — сивмолизировало преемственную связь между двумя поколениями в русском освободительном движении. В пору нового революционного подъема страна возвращалась мыслью к подвигу тех, кто декабрьским утром 1825 г. вышел па Сенатскую площадь. Но немногие из них пробуждали такую любовь, такое восхищение, так звали к отмщению и борьбе с проклятием двуглавого орла, как Рылеев. Чувства, кипевшие в сердцах «молодых штурманов будущей бури», продиктовали Огареву пламенные строки:

Рылеев был мне первым светом...
Отец! По духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,
Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

(*«Памяти Рылеева»*).

*

Кондратий Федорович Рылеев родился 18(29) сентября 1795 г. После окончания кадетского корпуса участвовал в 1814 и 1815 гг. в заграничных походах русской армии. Именно в ту пору он, по собственному позднейшему признанию, первоначально «заразился свободомыслием». Русская действительность укрепила революционные убеждения будущего декабриста. В октябре 1823 г. Рылеев стал членом Северного тайного общества, где возглавил левое крыло, ратовал за активность действий, за радикальность решений, за установление в России республиканского строя. Он был одним из организаторов, вдохновителей и руководителей восстания на Сенатской площади.

Наиболее ранние из известных нам поэтических опытов Рылеева относятся к 1813—1814 гг. В первые семь лет своего творческого пути молодой поэт пробует силы в разных жанрах. Среди его произведений того времени — патриотическая ода и дружеское послание, элегии и песни, эпиграммы и альбомные мелочи. Есть стихи талантливые, есть малоинтересные, подражательные произведения. Но еще не найден путь, который позднее приведет Рылеева в ряд наиболее значительных лириков своей эпохи.

Осенью 1820 г. появляется знаменитая сатира «К временщику». Она привлекла к себе огромное внимание современников и снискала ее автору популярность в передовых кругах русского общества. Поразившие всех как выдающееся проявление гражданского мужества, стихи эти в литературном отношении были достаточно традиционны, других подобных сатир Рылеев не писал.

Но спустя лишь несколько месяцев, летом 1821 г., он присылает из Острогожска в Петербург стихотво-

рение, знаменующее начало нового и чрезвычайно плодотворного направления его творческих исканий. Им открывается цикл, создавая который Рылеев с необычайной быстротой прошел путь от «молодого поэта, еще мало известного», как рекомендовал его Воейков в начале 1822 г., до одного из вождей литературного движения своего времени. Этим стихотворением была первая дума Рылеева — «Курбский».

Интенсивная работа над думами поглотила Рылеева. Только в 1822 г. в печати появляется 13 дум, причем некоторые из них перепечатываются по 2—3 раза. В 1823 г. «Полярная звезда», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Новости литературы» продолжают печатать новые думы и перепечатывать старые, а в 1825 г. все появлявшиеся ранее стихотворения этого жанра выходят в свет отдельным изданием с предисловием автора. Публикации рылеевских дум в журналах и выход книги привлекли к себе внимание литературной общественности и получили почти единодушную благожелательную оценку. Современники отмечали «народность и благородные чувствования, заключающиеся в думах Рылеева, его простой и естественный рассказ» [1], «чистый и легкий язык, наставительные истины, прекрасные чувствования» [2], «печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших» [3] и другие достоинства этих произведений.

---

[1] *Ф. В. Булгарин.* Краткое обозрение Русской литературы 1822 года.— «Северный архив», 1823, ч. V, стр. 422.

[2] *П. А. Плетнев.* Письмо к графине С. И. С о русских поэтах.— «Северные цветы на 1825 год». СПб., 1825, стр. 56.

[3] *П. А. Вяземский.* Письмо к Рылееву и Бестужеву от 23 января 1823 г. РС, 1888, кн. XI, стр. 312.

Однако был вопрос, вызвавший не только разногласия, но и оживленную полемику. Это думы как особый вид поэзии, суть жанра, введенного Рылеевым в литературу. Ю. Г. Оксман объяснял преимущественное внимание литературной критики к вопросу о жанре дум тем, что «критики 20-х годов не могли по цензурно-полицейским условиям откликнуться на идеологические их установки» (ПСС, стр. 407). Думается, что напряженность и остроту дискуссии о жанре дум следует объяснять прежде всего тем, какое место занимала сама категория жанра в литературном мышлении современников Рылеева. В их глазах решение каждой принципиальной эстетической проблемы ассоциировалось с необходимостью найти жанр, средствами которого данная проблема только и может быть решена. Потому тогдашние споры о жанрах имели, как правило, многообразный и значительный подтекст, вне которого не может быть уяснено их подлинное значение. Так, спор о балладе в журналистике второй половины 10-х — начале 20-х годов по существу своему далеко выходил за рамки дискуссии о тенденциях развития одного лишь балладного жанра. То был спор о путях и средствах демократизации литературы, о сближении поэзии с жизнью. Кульминационным пунктом спора об элегии и оде явилась знаменитая статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Это был спор о фундаментальных вопросах литературной жизни и общественной борьбы.

В споре о рылеевских думах за различным решением жанровых проблем крылось различие социальных и эстетических позиций, разное понимание задач литературы на современном этапе общественной борьбы и художественной эволюции. Это был спор

о путях развития поэзии, об идейной позиции художника, о литературе и действительности.

Спор этот начался откликом на появление дум, содержавшимся в статье А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823). Бестужев был весьма лаконичен по причине, которую тут же объяснил: «Долг скромности заставляет меня умолчать о достоинстве его (Рылеева.— *Л. Ф.*) произведений». Ограничившись одной фразой, Бестужев, однако, сумел сказать ею очень много. «Рылеев, сочинитель дум, или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков» (ПЗ, 1823, стр. 29). Бестужев помогал читателю понять рылеевские думы именно так, как того хотел их создатель.

Это не могло не вызвать сопротивления критиков, настроенных иначе, чем издатели «Полярной звезды». «*Дума* не есть исторический гимн и не всегда служит к прославлению подвигов и доблести предков,— возражал Бестужеву рецензент «Русского инвалида» К. (В. И. Козлов).— Гимны суть похвальные, торжественные песни; а в *думах* излагаются уединенные размышления исторических лиц, тайные их намерения, борения противуположных страстей, угрызения совести и нередко такие чувства, кои не имеют в себе ничего ни торжественного, ни похвального. *Дума* есть особливый род поэзии, взятый из польской литературы и который требует еще своей теории» (РИ, 1823, № 6, 9/I). Это витиеватое рассуждение имело весьма определенный подтекст, направленный на дискредитацию дум и уменьшение их воздействия на читателя. Никакой, дескать, «новой тропы» Рылеев не «пробивает», а лишь заимствует жанр из польской литературы.

Это выглядело суровым обвинением в глазах совре-

менников, убежденных, что «новые жанры складываются в результате тенденций и стремлений национальной литературы, и привнесение готовых западных жанров не всегда целиком разрешает эволюционную задачу внутри национальных жанров»[4]. Оппонент Бестужева утверждал, таким образом, что Рылеев обратился к жанру, не соответствующему той цели, которую он перед собой ставил.

Учитывая этот подспудный смысл замечаний Козлова, можно понять, почему с такой энергией и резкостью обрушился на него Бестужев. «Во всей этой теории, которой никто от г. К. не требовал, не нахожу и тени правдоподобия. Во-первых, г. К. смешал сказанное мною о думе с тем, что сказано о Рылееве; а Рылеев, могу уверить, совсем не дума и не гимн. Во-вторых, вопреки г. К., гимны в Греции, равно как и исторические думы в Польше[5], введены были с одинаковою целию, т. е. для пения. В-третьих, дума не всегда есть размышление исторического лица, но более *воспоминание автора* о каком-либо историческом происшествии или лице и нередко *олицетворенный* об оных *рассказ*. Лучшие думы Немцевича в том порукою. Далее, в польской словесности дума не составляет особого рода: поляки сливают ее с элегиею[6]. Но как у нас введена

---

[4] *Ю. Н. Тынянов*. Пушкин и его современники. М., «Наука», 1968, стр. 40.

[5] «Думы суть общее достояние племен славянских. Русские песни о Владимире, о Добрыне и других богатырях, о взятии Казани; у малороссиян о Мазепе, о Хмельницком, о Сагайдачном; у богемцев вся Краледворская рукопись; да и самая песнь о походе Игоря не есть ли дума?» (Прим. Бестужева.— *Л. Ф.*).

[6] «Смотри: рассуждение Бродзинского об элегии в «Pamiętnik warszawski» roku 1822, № 5, na karcie 44». (Прим. Бестужева.— *Л. Ф.*).

дума Рылеевым, то, по его словам, и самым произведениям [7] думу поместить должно в разряд чистой романтической поэзии. Впрочем, она составляет середину между героидою и гимном» (СО, 1823, № 4, стр. 183—184).

Бестужев прежде всего энергично отстаивает своеобразие рылеевских стихов. «Возбуждать доблести сограждан подвигами предков» — это цель Рылеева, а не любой думы или любого гимна. Рылеев отнюдь не повторяет в своем творчестве гимн, каким он был в Греции, или историческую думу, какой она была в Польше. Именно так нужно понимать его слова, что Рылеев «совсем не дума и не гимн». Чтобы подчеркнуть новаторство Рылеева, Бестужев напоминает и о том, что прежние гимны и думы, в отличие от рылеевских, писались для пения. Он говорит, что в польской литературе дума не составила «особливого рода» (а у Рылеева дума именно «особливый род», пробивающий «новую тропу» в стихотворстве), что о думах Рылеева нельзя судить по одному только «Глинскому» и что дума пришла в современную поэзию не как заимствование из польской литературы, а как «общее достояние племен славянских».

Отсюда Бестужев переходит к вопросу первостепенной важности — о месте Рылеева в современном литературном процессе, о его отношении к романтизму. «...Романтизм в понимании Бестужева,— справедливо утверждал Н. И. Мордовченко,— это область возвышенной поэзии, в которой на первом плане выступает национально-историческая и героическая тема, притом в субъективно-лирической трактовке» [8]. Верный этому

---

[7] «Не по одному «Глинскому», из которого г. К. почерпнул свое определение». (Прим. Бестужева.— *Л. Ф.*).

[8] *Н. И. Мордовченко*. Русская критика первой четверти XIX века. М. Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 198.

пониманию Бестужев из всего творчества Батюшкова относил к романтизму лишь его исторические, или эпические, элегии: «Переход через Рейн», «Пленный», «На развалинах замка в Швеции», а вопрос о пушкинском романтизме обходил молчанием, потому что даже «Кавказский пленник» не вполне отвечал его трактовке романтической поэзии. Самым несомненным, или, как говорит Бестужев, чистым ее образцом был не Пушкин и не Батюшков, а Рылеев, причем именно в думах. Потому он подчеркивал лирическое начало в жанровых особенностях дум и утверждал, что думу, введенную в русскую поэзию Рылеевым, «поместить должно в разряд чистой романтической поэзии».

Примерно в то же время вопрос о жанровой природе дум обсуждался Булгариным и Вяземским. «К. Ф. Рылеев,— писал первый,— усыновил русской поэзии неизвестный поныне род, употребляемый у поляков и богемцев, под названием *дум*, составляющих средину между Элегиею и Героидою» [9]. Определение Булгарина, принадлежавшего в ту пору к ближайшему окружению Рылеева [10], не лишено основательности. Героида — термин, ныне вышедший из употребления, но хорошо знакомый современникам Рылеева. Героидами называли стихотворения, главную часть которых составлял рассказ героя или героини о своей жизни или каких-нибудь важных событиях. Напоминая (вслед за Бестужевым) о родстве рылеевской думы с героидой, Булгарин отмечал существенную особенность их стиля, характерный для них композиционный «покрой».

---

[9] «Северный архив», 1823, № 5, стр. 421—422.

[10] Рылеев посвятил Булгарину две свои думы, появившиеся в печати в конце 1822 и начале 1823 г.: «Михаил Тверской» и «Мстислав Удалый».

Имело под собой почву и указание на родство думы с элегией. Дело, конечно, не только в том, что «поляки сливают ее с элегиею»[11]. Много важнее рылеевское понимание жанра. Первую свою думу — «Курбский» поэт напечатал с подзаголовком «элегия». Затем появилось несколько стихотворений без жанровых наименований. И лишь начиная с «Артемона Матвеева» появляется новый подзаголовок — «дума». Но и позднее — в предисловии к отдельному изданию своего поэтического цикла — Рылеев недвусмысленно давал понять, что связывает происхождение своих дум с элегией на исторические темы. Сходство этих жанров видел и Белинский. «*Дума* есть тризна историческому событию или просто песня исторического содержания,— писал он.— Дума почти то же, что эпическая элегия...»[12] К думам Рылеева, с их мрачным, трагическим колоритом, сменяющими друг друга описаниями страданий, нередко мученической гибели борцов за правое дело, это определение подходит как нельзя более.

Тем не менее замечание Булгарина не осталось без возражений. Горячий поклонник дум, Вяземский счел, по-видимому, что оно нивелирует новаторство Рылеева, недооценивает значение «новой тропы», пробитой ими в русском стихотворстве, и ответил Булгарину так: «Несправедливо, кажется, полагает он, что сей род стихотворений занимает середину между элегией и героидою. По содержанию своему они (думы.— *Л. Ф.*)

[11] См. об этом: М., стр. 170. П. Каневецкий, предпринявший первую, по-видимому, попытку ввести думы в русскую поэзию и осмыслить существо этого жанра, относил их к «роду печальному поэзии, употребляемой в Польше и Малороссии. Таковые заунывные стихи составляют там народные Елегии» («Улей», 1811, ч. 1, № 6, стр. 409).

[12] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. 5. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 51.

относятся к роду повествовательному, а по формам своим к лирическому. Что может быть в них общего с элегиею, известною нам по образцам, оставленным Тибуллом и новейшими поэтами, или с героидами Овидия и многих французских поэтов, отличившихся по следам его?» (НЛ, 1823, № 4, стр. 91).

Категоричность этого суждения во многом объясняется тем неправомерно обуженным представлением о возможностях элегического жанра, которое было распространено в 20-х годах XIX в. и которому отдавал дань Вяземский. Именно оно внесло дополнительную остроту в полемику, вызванную статьей Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Кюхельбекер считал, что стихотворец говорит в элегии «об самом себе, об *своих* скорбях и наслаждениях» [13], и потому отказывал ей в праве на первостепенное положение в лирике. Вяземский не разделял столь сурового заключения и статью Кюхельбекера не одобрял, но и в его глазах элегия — это «горячий *выпечаток* минутного ощущения души, минутного вдохновения уныния...» [14]

Эпический элемент, уловленный Вяземским в думах, наглухо отгораживал в его глазах этот жанр от элегий. Здесь стихотворец говорит не только «об самом себе» и показывает читателю не один лишь «выпечаток» своей души... Упускалось из виду то, что элегия и до Рылеева начала приобретать характер жанра по содержанию повествовательного, а по формам лирического,— в частности у Батюшкова. Но Батюшков, видимо, не попал в число тех «новейших поэтов», о которых говорит Вяземский.

---

[13] «Мнемозина», ч. II. М., 1824, стр. 31.
[14] «Московский телеграф», 1825, ч. I, № 4, стр. 350.

«Лирическим рассказом какого-нибудь события» называл рылеевские думы Плетнев. «Не восходя до оды, которая больше требует восторга чувствований и быстроты изложения, они отличаются благородной простотою истины и поэзиею самого происшествия»[15]. Таким образом, Плетнев обходил молчанием то, что было главным в думах и для их автора, и для декабристской критики,— стремление воспевать подвиги предков в назидание потомкам. И поступал он так не случайно. Средства избранного Рылеевым жанра не предоставляли, по мнению Плетнева, возможностей для изображения истории. «Историю никак не уломаешь в лирическую пиесу,— писал он Пушкину.— Рылеев это... доказал своими Думами» (П, т. XIII, стр. 134).

Рылеев внимательно следил за полемикой, развернувшейся вокруг дум, но не принимал в ней участия. Когда поэт задумал издание своего цикла отдельной книгой, был написан первый вариант предисловия к ней. Здесь подробно говорилось о задачах сборника, но не затрагивался вопрос о жанре входящих в него стихотворений. Предисловие звучало вызывающе резко и, как справедливо полагал А. Г. Цейтлин, «убедившись в политической нецензурности этой первой редакции предисловия, автор «Дум» и не представлял его в Московский цензурный комитет»[16]. При дальнейшей его переработке наиболее одиозные с точки зрения властей абзацы, в которых обличался «деспотизм, боящийся просвещения», были исключены. Существенно, однако, не только то, за счет чего была сокращена первая редакция предисловия, но и то, чем она была дополнена. Важное место в ней заняли суждения о генезисе жанра

[15] Северные цветы на 1825 год». СПб., 1825, стр. 55—56.

[16] ЛН, стр. 18. См. там же сравнительную характеристику обеих редакций предисловия к «Думам».

дум. Поддерживая Бестужева в его споре с Козловым, Рылеев заявил: «Дума, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение. Поляки заняли ее от нас»,— и затем сочувственно цитировал Сарницкого, свидетельствующего, что «на Руси пелись элегии в память двух храбрых братьев Струсов, павших в 1506 году в битве с валахами. Элегии сии, говорит он, у русских думами называются. Соглашая заунывный голос и телодвижения со словами, народ русский иногда сопровождает пение оных печальными звуками свирели». Последнее замечание также не могло не вызвать у современников тенденции соотносить жанры элегии и думы. Как известно — и об этом охотно напоминали в начале XIX в. тогдашние пиитики и теории словесности,— элегии первоначально исполнялись под звуки музыкального инструмента, по которому был назван и сам жанр.

Очень интересно и значительно утверждение Рылеева, что жанр дум не идентичен жанру исторических песен Немцевича. О пьесе «Олег Вещий» Рылеев заметил, что она не должна была «войти в сие собрание», потому что это «историческая песня (spiew Historyczny)». Таким образом, ставя перед собой ту же самую цель, что и его польский предшественник, Рылеев стремился достичь ее средствами *другого* жанра и в самой определенной форме предуведомлял об этом читателя.

Русская история, говорил своим предисловием Рылеев, не только выдвинула галерею героических личностей, которых можно поставить в пример современникам. Она создала и те поэтические формы, в которых пристало «славить подвиги добродетельных или славных предков». Думы призваны были, по замыслу их автора, обратиться к героическому прошлому в поисках как тем для творчества, так и художественных тра-

диций, которые должны быть продолжены и развиты в современную эпоху.

Полемика, сопровождавшая появление рылеевских дум, представляет собой интересную и поучительную страницу нашей литературной истории. Ее анализ не только позволяет полнее и правильнее представить себе, как были приняты рылеевские думы. Она дает материал, поясняющий сам облик эпохи, характерное для нее восприятие литературы, преломление поэтических образов в умах и душах современников. В этом смысле спор о жанре дум, шедший в 1823—1825 гг., не менее значителен, чем предшествовавший ему спор о балладе или развернувшийся одновременно с ним спор об элегии.

*

«Думам» принадлежит значительное место в истории русской романтической поэзии.

Когда русский романтизм стал завоевывать господствующее положение в литературе, первые и наиболее значительные его успехи были достигнуты в лирических жанрах. Именно в лирике — сначала у Карамзина, а затем у Жуковского — сложилась та образная и стилистическая система, которая стала позднее определяющей не только для романтической лирики, но и для романтизма в целом. Успех «Сельского кладбища» ознаменовал в 1802 г. начало новой литературной эпохи, победу новой поэтической школы, которая позднее обратится и к стихотворному эпосу, к поэме, но обратится к ним во всеоружии того, что было выработано в творческой лаборатории романтической лирики.

Важную ступень этого процесса знаменовали собою исторические, или эпические, элегии Батюшкова. Исследователи его творчества (Б. С. Мейлах, Н. В. Фридман) не раз отмечали, что работа над этими произ-

ведениями могла бы привести поэта к созданию поэм, подобных пушкинским. Но очевидно и другое: русская лиро-эпическая поэма, в том числе и пушкинская, могла бы не стать такой, какой она стала, если бы ей не предшествовала батюшковская элегия. Творчество Батюшкова оказало несомненное и значительное влияние на русскую гражданскую поэзию [17], но гражданская поэзия должна была сама повторить этот путь. Эту задачу и решили рылеевские «Думы».

При сопоставлении элегий, написанных поэтами, принадлежащими к направлению психологического романтизма, с «Думами» Рылеева и другими образцами декабристской лирики обращает на себя внимание их разительное несходство. С одной стороны, меланхолический самоанализ, излияние мыслей поэта о бренности бытия, с другой — страстная проповедь самоотверженности и свободолюбия, роковые конфликты, трагические судьбы борцов за народное благо. С одной стороны, замкнутый круг более или менее стандартных тем: смерть близкого человека, измена возлюбленной, болезнь, вынужденное одиночество всеми покинутого певца. С другой — широкая панорама национальной истории, монументальные образы героев, символизирующие лучшие стороны человеческой натуры. Но вместе с тем «обращение к гражданской, национально-исторической теме было предуказано формулой Карамзина: «здесь все для души». Один и тот же субъективно-психологический принцип мог объяснять и оправдывать одновременно и протестующую, мятежную

[17] См.: *Н. В. Фридман.* Поэзия Батюшкова. М., «Наука», 1971, стр. 360—364; «Известия АН СССР. Серия л-ры и языка», 1972, вып. 3, стр. 286.

поэзию и поэзию унылых мечтаний, намеков и недосказанного» [18].

Декабристы могли бранить Жуковского, уверяя, что влияние его было «слишком пагубно», что его стихи «растлили многих и много зла наделали» (П, т. XIII, стр. 141—142). Но избежать влияния стиля Жуковского на собственные свои произведения они не могли.

Настала осени пора;
В долинах ветры бушевали,
И волны мутного Днепра
Песчаный берег подрывали.
На брег сей дикий и крутой,
Невольно слезы проливая,
Беседовать с своей тоской
Пришла страдалица младая.

Вся эта экспозиция думы «Наталия Долгорукова» выдержана в стиле Жуковского. Языком Жуковского говорит и героиня:

Судьба отраду мне дала
В моем изгнании унылом;
Я утешалась, я жила
Мечтой всегдашнею о милом!
В стране угрюмой и глухой
Она являлась мне как радость
И в душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

Та же тональность ощущается и в речах Глинского:

О дочь моя! скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края;
От милой отчизны жить грустно вдали!

Редкая дума обходилась без таких словосочетаний, как «век унылый» и «былая радость», «горестная душа»

[18] *Н. И. Мордовченко.* Русская критика первой четверти XIX века, стр. 213—214.

и «хладная могила», «протекшая младость» и «тяжкая печаль» и других в том же духе. И это не просто влияние большого таланта и не только воздействие школы, господствовавшей в свое время в русском романтизме. Эти образы были восприняты в думах и стали составной частью их стиля, своеобразного, оригинального, не повторяющего, разумеется, систему Жуковского, потому что общее было в самих основах эстетики обеих школ, в предлагаемом их адептами решении вопроса об отношении поэзии к действительности.

И для Рылеева, как для Жуковского, подлинная тема и подлинное содержание искусства — душа, помыслы и стремления чувствующей личности, а не объективная действительность, определяющая эту личность со всеми ее помыслами и чувствами. Главное — не изображение реальной жизни, а цель, которая достигается этим изображением, идея, которую это изображение эмоционально аргументирует. Устав Союза благоденствия утверждал, как известно, что «сила и прелесть стихотворений... более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих», «что описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы оно прелестно ни было, всегда недостойно дара поэзии» [19].

Пушкину эти вопросы представлялись в ином свете. «Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? — восклицал он,— вот на! Цель поэзии — поэзия...» (П., т. XIII, стр. 167). Но кто же интересовался «целью» пушкинской поэмы? Рылеев? Бестужев? Вожди Союза благоденствия? Нет, Жуковский. И заявляя *Жуковскому* о своем неприятии «целящей» поэзии, Пушкин тут же

[19] Цит. по: Русская литература XIX в. Хрестоматия критических материалов. М., «Высшая школа», 1967, стр. 83.

поминает «думы *Рылеева*»: «и целят, а все не в попад». Появление в этом контексте имени Рылеева, конечно, не случайно, ибо, пожалуй, никто из современников Пушкина не воплотил в своем творчестве принципы тенденциозной поэзии так последовательно и полно, как автор дум и «Войнаровского».

Когда Пушкин в письме к Рылееву выражал несогласие со строгим приговором Бестужева о Жуковском — «зачем кусать нам груди кормилицы нашей?» (П, т. XIII, стр. 135),— он напоминал, что Жуковский «вскормил» не только его, Пушкина, но и поэтов гражданского романтизма. И он говорил это несмотря на то, что различия в тематике, в идейной направленности произведений, создаваемых представителями обоих главных направлений в русском романтизме, были видны ему не хуже, чем нам.

Даже в последних и наиболее радикальных своих литературно-эстетических декларациях Рылеев облекал гражданские, вольнолюбивые идеи в лирические формы: в знаменитых стихах «А. А. Бестужеву», оканчивающихся лапидарной формулой: «Я не Поэт, а Гражданин»,— налицо мотивы разуверения, грустный одинокий странник, глубокая тоска, холод, проникающий в душу, и звезда в небесной тишине, а «Войнаровский» назван «плодом беспечного досуга». Задача состояла, как видно, не в преодолении стиля Жуковского, а в том, чтобы использовать его достижения в гражданской поэзии.

Рылеев не был бы поэтом своего времени, если б эта задача не объединялась в его творческом сознании с задачей разработки нового жанра, позволяющего излить «живые чувства», «высокие думы», «любовь к общественному благу». Для агитационных песен, которые Рылеев напишет впоследствии вместе с Бестужевым,

в 1821—1822 гг. время еще не пришло. Они создавались на ином этапе не только творческой, но и идейной эволюции поэта. Сейчас же им владела мысль о стихотворном эпосе на темы отечественной истории.

Обещание Пушкина воспеть «Мстислава древний поединок» вызвало необычайное внимание и воодушевление. Воейков подсказывал автору «Кавказского пленника» «достойные» «предметы»: «Владимир Великий, Иоанн, покоритель Казани, Ермак, завоеватель Сибири, ожидают песнопевца» (НЛ, 1824, № 12, стр. 189). «Тень Святослава скитается не воспетая»,— укорял Пушкина Гнедич. А Пушкин в ответ указывал и на другие темы: «А Владимир? а Мстислав? а Донской, а Ермак? а Пожарской?» (П, т. XIII, стр. 145). Темы рылеевских дум были, таким образом, у всех на устах. Эти стихи воспринимались как ответ на сложившиеся запросы передовых читательских кругов, в чем и крылась немаловажная причина их успеха. Дума не была еще той эпической поэмой, создания которой ждали современники, но была подступом к ее созданию [20]. Не случайно в «Войнаровском» нашли место автореминисценции из дум (в частности, «Святослава» и «Меньшикова»).

Весьма существенно и то, что думы создавались и воспринимались не изолированно друг от друга, но как части единого целого, скрепляемого общностью темы, замысла, стиля. Мы не знаем точно, когда Рылеев пришел к мысли о создании цикла дум, собрания, книги. Это произошло, во всяком случае, не позднее, чем в первой половине 1822 г. В журнальном примечании к пер-

[20] Жанровый генезис рылеевской думы и ее влияние на эпическое творчество поэта исследуются в диссертации А. Е. Ходорова «Эволюция жанра в творчестве Рылеева (дума — поэма)». Автореферат (Л., 1972).

вой публикации «Глинского» Рылеев говорил уже о «*Собрании Дум*», к которому присовокупляется это стихотворение. Таким образом, большинство рылеевских дум писалось уже для собрания, для цикла стихов, идея которого во многом обязана своим возникновением Юлиану-Урсину Немцевичу.

Проблеме «Рылеев и Немцевич» посвящена обширная литература, среди которой глубиной и основательностью выделяется статья Е. М. Двойченко-Марковой [21]. Автору удалось преодолеть долгое время бытовавшую и в дореволюционных (А. Н. Сиротинин) и в советских (Б. В. Нейман, А. Г. Цейтлин) работах тенденцию к приуменьшению воздействия Немцевича на Рылеева. Сосредоточивая все внимание на несомненно существующих и немаловажных отличиях дум Рылеева от «спевов» Немцевича, их авторы недооценивали роль, которую сыграл польский поэт в творческой истории «Дум». Между тем, если говорить не о том или ином отдельном стихотворении, а о судьбе книги Рылеева в целом, эта роль была весьма значительной.

Рылееву оказался близок прежде всего сам подход Немцевича к истории. Немцевич, как и автор «Дум», обращался к прошлому для того, чтобы воздействовать на помыслы и действия своих современников, искал в событиях минувшего образцов для подражания, воспевал мужество и патриотизм. Рылеев был свидетелем огромного успеха Немцевича. Издания его книги следовали одно за другим. Русские журналы печатали о нем восторженные статьи. Рылеев мог убедиться, что средства, найденные его предшественником «для привития народу сильной привязанности к родине», ока-

[21] Польско-русские литературные связи. М., «Наука», 1970, стр. 129—155.

зались действенны, что они отвечали сложившимся читательским запросам и получали в душах современников желаемый отклик. Это, надо думать, побудило его (или укрепило его намерение) создать книгу сходного типа, но самостоятельную по выбору тем и сюжетов, по характеру их разработки. То, что свое предисловие к «Думам» Рылеев начал цитатой из предисловия Немцевича к «Историческим песням», весьма знаменательно. Наш поэт не только апеллировал этим к популярности польского «Тиртея», но и «настраивал» читательское восприятие на нужную «волну», помогал правильно понять смысл и цель своей книги.

*

Художественная структура дум противоречива. И противоречия эти коренятся не только в особенностях таланта Рылеева, его творческой манеры. В них отразились противоречия в философии его поколения, противоречия романтического сознания, пытающегося постичь настоящее и прошлое.

Исследователь исторических взглядов декабристов С. С. Волк писал: «Хотя именно в этот период создаются и метод и само понятие историзма, подход к истории в самых различных общественных кругах все еще оставался рационалистическим»[22]. Революционная молодежь 20-х годов, «воодушевленная высокими гражданскими чувствами... искала в прошлом уроков для настоящего, образцов для грядущего переустройства России.... Это очень существенная специфическая черта идеологии революционеров 20-х годов XIX в.»[23].

---

[22] *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов, М.— Л. Изд-во АН СССР, 1958, стр. 40.
[23] Там же, стр. 43.

Она помогает нам проникнуть в творческий мир автора «Дум».

В работах о Рылееве не раз отмечалось, что герои его дум мыслят и говорят, как декабристы. Волынский— воплощение гражданского мужества и несгибаемого революционного духа. Ратники Дмитрия Донского горят желанием сразиться «за вольность, правду и закон». И даже Ольга объясняет Святославу, «к чему ведет несправедливость власти». Из этих правильных наблюдений делался, однако, ошибочный вывод, согласно которому в стиле дум предлагалось видеть некое подобие эзоповой манеры. Не имея, дескать, возможности по цензурным условиям прямо излагать свои политические идеи, Рылеев, чтобы провести их в печать, обращается к изображению событий и лиц далекого прошлого.

Рылееву, разумеется, не была чужда эзопова манера, он прибегал к аллюзиям, и кто может усомниться, что Рубеллий в его сатире «К временщику» — вовсе не Рубеллий, а Аракчеев. Но в думах мы видим иное. В думе «Димитрий Донской» поэт задался целью изобразить именно Донского, а в «Богдане Хмельницком» — Хмельницкого. «Проблема рылеевского историзма не есть проблема правдивости, верности исторических лиц,— справедливо утверждают В. Г. Базанов и А. В. Архипова.— Рылеев смело вкладывал свои лозунги и свои собственные мысли в уста героев. Однако было бы ошибкой считать, что в своих думах Рылеев умышленно искажал историю» (БП, стр. 19).

«В своем уединении прочел я девятый том Русской Истории... Ну, Грозный! Ну, Карамзин!— Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита» (ПССоч., стр. 458). Рылеев готов «дивиться» событиям русской истории и таланту

воссоздавшего их историографа. Но здесь нет и намека на намерение «приноровить» историю к целям политической пропаганды. Слово «приноровление» в связи с характеристикой «Дум» впервые употреблено Н. Бестужевым в его «Воспоминаниях о Рылееве», а затем поминалось многими исследователями. Но о чем говорит Бестужев? Не о приноровлении истории, которое делает поэт, а о «приноровлении, которое может сделать сам читатель» [24]. Рылеев же стремился не намекать на настоящее путем искажения прошлого, а «привязать внимание к деяниям старины, показать, что и Россия богата примерами для подражания, что сии примеры могут равняться с великими образцами древности» [25].

Понятно, что эту задачу можно решить, лишь убедив читателя, что «деяния старины» воспроизводятся в думах в полном соответствии с фактами истории, что «примеры для подражания» не измышляются, не приукрашаются, не «приноровляются» поэтом, но изображаются во всей достоверности и подлинности.

Исследователи творчества Рылеева и комментаторы собраний его сочинений собрали большой материал, подтверждающий, что Рылеев не только заимствовал темы и сюжеты своих дум из исторических источников и, в частности, из «Истории государства Российского» Карамзина, но и буквально повторял в стихах многие выражения историка. Карамзин так передавал слова Святослава, обращенные к его дружине: «Бегство нас не спасет.., волею или неволею должны мы сразиться: не посрамим отечества...». У Рылеева:

---

[24] «Воспоминания Бестужевых». М.— Л., Изд-во АН СССР. 1951, стр. 27.

[25] Там же, стр. 11.

Друзья, нас бегство не спасет!..
Нам биться волей иль неволей.
Сразимся ж, храбрые, смелей,
Не посрамим отчизны милой.

(«Святослав»)

Карамзин пишет о Михаиле Тверском: «Князь, изнуренный, слабый, сел на площади, и любопытные окружили его». Рылеев перелагает эту фразу в стихи:

Князь, страдалец знаменитый,
Сел в цепях на площади.
Несчастливца обступили
Любопытные толпой.

(«Михаил Тверской»)

Подобных «цитат» в думах множество. Не может быть сомнений, что для Рылеева представляло дополнительную трудность столь педантично следовать за своим научным источником, но он преодолевал ее сознательно и систематически. Читатели дум в большинстве своем были знакомы с необыкновенно популярным в ту пору сочинением Карамзина. Рылеев не без основания рассчитывал, что выражения, взятые из «Истории государства Российского» и буквально повторенные в строках дум, будут замечены и узнаны. Это должно было убедить современников в исторической достоверности сведений, фактов, характеристик, которые он найдет в думах, не оставить у него сомнений, что герой каждой из дум представлен в ней таким, каким он был в жизни. Опасаясь, что читатель может не заметить, что характеристика Димитрия Донского — «первоначальник славы»— взята из летописи, Рылеев сопровождает ее подстрочным примечанием: «Выражение Летописца», уснащает думу «Державин» напоминаниями о тех произведениях поэта, которые подтверждают справедливость данной ему в думе характеристики. Особо следует сказать о вступительных заметках к ду-

мам, представляющим собой важную особенность этих произведений, без учета которой они не могут быть правильно поняты.

Большинство дум Рылеева появлялось первоначально в журналах без таких примечаний. Было лишь несколько исключений, обусловленных теми или иными особыми причинами. Нужно было, например, оправдать право «Глинского» на место в цикле произведений, предметы которых избирались «из отечественной истории»,— и Рылеев писал предисловие, напоминающее, что «Глинский, по влиянию своему на дела России и Польши, равно принадлежит истории обоих сих государств». Нужно было противопоставить концепцию думы «Димитрий Самозванец» «умышленным сомнениям» «многих неблагонамеренных иностранных писателей», которые «усиливались доказать, что Самозванец был истинный Димитрий»,— и появлялось соответствующее примечание. Примечание к «Бояну» определяло отказ поэта от традиционной трактовки Бояна как певца времен Олега и Игоря; примечание к «Волынскому»— от той неприязненной оценки, которая давалась этому сановнику в документальной и мемуарной литературе начала XIX в.

Однако, готовя отдельное издание цикла, Рылеев приходит к убеждению в необходимости дать развернутые и единообразные примечания-предисловия ко всем думам без исключения, подобно тому как это сделал в своей книге Немцевич. Эти примечания должны были указывать хронологические сроки, к которым относится действие каждой думы, сообщать об изображаемых в ней событиях, нередко ссылаясь при этом на летописи и другие документальные источники. Поэт придавал большое значение основательности, достоверности и точности этих примечаний. Он не взял

их составление на себя, а поручил авторитетному историку и археографу П. М. Строеву, который, как писал сам Рылеев, «совершенно оправдал» его выбор.

Примечания к думам печатались не подстрочно, а перед текстом каждого стихотворения, на отдельной странице — на обороте шмуцтитула, где указывалось название думы. Поэт явно стремился сделать их заметными, привлечь к ним внимание читателя. Цель их была намного значительней и шире одной лишь пояснительной функции. Рылеев хотел подчеркнуть ими, что читателю предлагаются не назидательные вымыслы, а подлинные, достоверно воссозданные страницы отечественной истории, ибо без этого замысел автора не мог быть осуществлен.

Но вместе с тем думы писались, конечно же, не для услаждения слуха любителей старины. Это была история, опрокинутая в настоящее. Это было изображение тех именно лиц, которых можно было либо поставить в пример современникам, либо современникам же в назидание изобразить их позднее раскаяние или постыдную гибель. Поэтому Рылеев и не мог и не хотел изобразить героя своей думы как человека определенной эпохи, характер и образ действий которого объясняются его временем. Герои дум должны были быть изображены *такими* и *в то же время не такими*, какими они были в действительности. Эти взаимоисключающие тенденции, эта противоречивость творческой задачи наложила неизгладимый отпечаток на всю художественную структуру цикла.

Н. П. Огарев нашел удивительно точные слова, сказав впоследствии о Рылееве: «В «Думах» он поставил себе невозможную задачу сочетания исторического патриотизма с гражданскими понятиями своего времени; отсюда вышло ложное изображение исторических

лиц ради постановки на первый план глубоко сжившейся с поэтом гражданской идеи». «*Вышло*» так, что «изображение исторических лиц» оказалось ложным. Это вовсе не входило в задачу поэта. Задача состояла не в искажении этих лиц, не в подчинении, не в приноровлении истории к гражданским идеям. Задача была в *сочетании* и того и другого. Решение такой задачи оказалось невозможным.

Время, когда создавались «Думы», характеризуется зарождением историзма, и это с особой силой проявилось в мышлении крупнейшего историка того времени— Карамзина. «Прохладим, успокоим наше воображение,— писал Карамзин,— и мы не найдем в истории никаких повторений. Всякий век имеет свой особливый нравственный характер,— погружается в недра вечности и никогда уже не является на земле в другой раз» [26]. Отношение Рылеева к истории было принципиально иным, можно даже сказать, прямо противоположным. Он хотел — по совершенно верному указанию Г. А. Гуковского —«показать не развитие (историческое) русских людей различных периодов исторической жизни России, а именно национальное единство характера русских людей во все времена» [27]. И стремление это родилось не случайно — в результате чтения Карамзина и Немцевича. Оно созревало в Рылееве годами, оно сказалось уже в юношеской оде «Любовь к отчизне»:

Но римских, греческих героев
В любви к отечеству прямой
Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнею порой.
Владимир, Минин и Пожарский,

[26] *Н. М. Карамзин*. Избр. соч., т. 2. М.— Л., 1964, стр. 258.
[27] *Г. А. Гуковский*. Пушкин и русские романтики. М., 1965, стр. 306.

Великий Петр и Задунайской
И нынешних герои лет,
Великие умом, очами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

(*БП*, *стр. 270*).

Близость этих еще неуверенной рукой написанных строк к циклу, созданному в начале 20-х годов, не только в том, что Владимир и Петр стали позднее его персонажами, а думы «Пожарский и Минин», «Румянцев» фигурировали в творческих планах Рылеева. Здесь все они — от Владимира до Румянцева, от Минина до героев нынешних лет — принципиально уравнены в своих качествах, в отношении к ним поэта и его читателей.

Если бы Рылеев мог принять карамзинский тезис, что «всякий век имеет свой особливый нравственный характер... и никогда уже не является на земле в другой раз», «Думы» не были бы написаны. Творческий метод, реализованный в них, оказался бы подорван в корне. Ставя перед собой цель «возбуждать доблести сограждан подвигами предков», Рылеев исходит из аксиомы, что Донской и Волынский, Ольга и Хмельницкий, Вадим и Ермак — в общем единомышленники. Они и думают, и чувствуют, и говорят одинаково. То, что во все времена русский народ выдвигал свободомыслящих и самоотверженных героев, призвано было служить доказательством, что они могут появиться и сейчас. Если бы героизм Ивана Сусанина и мужество Михаила Тверского хоть в какой-то мере порождались их эпохой, «особливым нравственным характером» века, уже «погрузившегося в недра вечности»,— наличие таких героев среди предков нисколько не гарантировало бы появление сходных доблестей у потомков.

Рылеев же всей силой своего таланта, всей страстью своей натуры доказывал противоположное.

А. С. Пушкин в мае 1825 г. в письме к Рылееву отмечал, что его думы «составлены из *общих мест*». Эти слова характеризуют не только трафаретный «покрой» рылеевского цикла, однообразие композиционного построения стихов, но и другие стороны их стиля. Выразительную подборку таких «общих мест» дал в своей книге о Рылееве К. В. Пигарев: «На камне мшистом, в час *ночной» сидит* Курбский; на «черном пне», в *полночь сидит* царевич Алексей. Вокруг того и другого шумит и «страшно воет» темный, дремучий лес.

На «диком бреге Иртыша» *сидит* Ермак; «над кипящею пучиною» Волхова *сидит* Вадим. В обоих последних случаях молнии бороздят небо. Одиноко, погрузившись в свои думы, *сидят* на шумных пирах песнопевец Боян и Владимир Красное Солнце. «Под сводом обширным *темницы* подземной» *сидит* скованный *тяжелой цепью* Глинский; «средь мрачной и сырой *темницы*», *в оковах*, лежит Хмельницкий; «*в крепости, в цепях*» *сидит* кабинет-министр Волынский. Михаила Тверского Рылеев выводит на площадь, но и там он *садится*, отягченный *цепями*.

В *осеннюю* полночь *приходит* Ольга к могиле Игоря; *осенней* порой *приходит* Наталья Долгорукова на берег Днепра, чтобы бросить в клубящиеся волны свой обручальный перстень. *Осенний* ветер разносит «вещания» Ольги и стенания Натальи.

Все герои Рылеева непременно задумчивы и почти всегда печальны. «*Глубокая горесть*» воздымает «младые перси» Рогнеды; с «*мрачной* грустью» в стесненной груди вспоминает о былой славе Михаил Тверской. «*Склоненный на длань главою*» Глинский летает «*угрюмою* думой в минувшем»; «*на длань склонен гла-*

вой», взирает на шумные толпы народа Владимир; *«склоняся на руку главой, угрюмый, мрачный* и безмолвный», коротает томительные часы изгнанья Меньшиков [28].

Если бы речь шла о поэте-ремесленнике, о бездумном подражателе, о малоодаренном версификаторе, то наличие в его стихах свойств, которые Пушкин назвал «бедностью изобретения и изложения», никого не могло бы удивить. Но перед нами подлинный художник, большой и своеобразный талант. Наивно было бы думать, что Рылеев не видел того, что хорошо видно нам, или предполагать, что так щедро одаренные вкусом и художественным чутьем люди, как Бестужев, Вяземский и другие горячие поклонники дум, не замечали ни анахронизмов, ни трафаретных эпитетов, ни однообразного построения, ни условности пейзажа, ни сходных поз рылеевских персонажей. Но они принимали и одобряли все это, потому что принимали и одобряли творческую задачу, решение которой реализовано в этих стилевых элементах,— изобразить героев дум как воплощение неизменных и в разные эпохи адекватных качеств. Ни эти особенности стиля дум, ни «раскавыченные цитаты» из «Истории государства Российского» не объяснимы только «бедностью изобретения и изложения». Это было не недостатком, а достоинством и служило основной идее. Но то, что было достоинством с точки зрения одной системы, оказалось недостатком с точки зрения другой. То, что было безоговорочно поддержано Бестужевым, оказалось отвергнуто Пушкиным.

Пушкин в разное время оценивал стихи Рылеева по-разному, это было отмечено в литературе, но объяс-

---

[28] *К. В. Пигарев.* Жизнь Рылеева. М., 1947, стр. 62—63.

нялось недостаточно полно и убедительно. «Внешне все отзывы Пушкина делятся приблизительно на две части,— писал В. Гофман.— До 1824 года, т. е. до появления отрывков из поэмы «Войнаровский» (в «Пол. Звезде», «Сыне Отеч.», «Соревноват. Просвещ.»), отзывы неблагоприятны для Рылеева, ироничны и враждебны. Начиная с 1824 года Пушкин, видимо, заинтересовывается Рылеевым и начинает расточать похвалы» [29].

Первое, что следует иметь в виду: когда Пушкин писал Вяземскому, что Плетнев и Рылеев отучат его от поэзии (П, т. XIII, стр. 59), когда в письме к брату иронически отзывался о «знаменитом Рылееве» (П, т. XIII, стр. 56), он прочитал уже 19 дум: «Курбский», «Святополк», «Смерть Ермака», «Артемон Матвеев», «Боян», «Богдан Хмельницкий», «Димитрий Самозванец», «Святослав», «Олег Вещий», «Глинский», «Ольга при могиле Игоря», «Димитрий Донской», «Волынский», «Михаил Тверской», «Державин». Перед ним лежала только что прочитанная «Полярная звезда на 1823 г.» с четырьмя думами Рылеева: «Борисом Годуновым», которого Пушкин насмешливо цитирует в письме к брату, «Рогнедой», «Мстиславом Удалым» и «Иваном Сусаниным». С «Ивана Сусанина», согласно собственному его позднейшему признанию, Пушкин начал «подозревать» в Рылееве «истинный талант» (П, т. XIII, стр. 175). Но даже это «подозрение» не помешало тогда Пушкину отозваться о Рылееве весьма уничижительно.

В черновике письма к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. появляется первый положительный отзыв Пушкина о Рылееве. Отзыв этот—не о «Войнаровском», а о думах. Перелом в отношении к Рылееву начался, следователь-

[29] *В. Гофман.* Рылеев-поэт.— В кн.: «Русская поэзия XIX века. Сборник статей». Л., «Academia», 1929, стр. 24.

но, раньше, до появления отрывков из его поэмы. Думы Рылеева, замечает поэт, «прочел я недавно и до сих пор еще не опомнился — так он вдруг вырос» (П, т. XIII, стр. 381). Пушкин говорит: прочел, а не перечитал, следовательно, имеются в виду стихи, появившиеся в печати между январем и ноябрем 1823 г. Это две думы: «Петр Великий в Острогожске» и «Наталья Долгорукова». В них-то и проявился удививший Пушкина неожиданный рост Рылеева. Под впечатлением этого роста Пушкин вскоре вновь высоко оценивает думы во время свидания с Пущиным 11 января 1824 г. и даже просит своего гостя, «обнявши крепко Рылеева, благодарить за его патриотические «Думы» [30]. В сопоставлении с приведенным отзывом из письма к Вяземскому, написанного за два месяца до свидания с Пущиным, это свидетельство представляется вполне достоверным, и достойна удивления та безапелляционность, с которой оно было отвергнуто комментатором воспоминаний Пущина С. Я. Штрайхом [31].

После знакомства с «Войнаровским» Пушкин подчеркивает, что эта поэма «несравненно лучше всех его (Рылеева.— *Л. Ф.*) дум, слог его возмужал и становится истинно повествовательным». «Истинной повествовательности» Пушкин, следовательно, не усматривал даже в понравившихся ему думах 1823 г.: это качество появляется только сейчас.

В конце 1824 или начале 1825 г. Пушкин написал в Петербург письмо с отзывом о Рылееве. Письмо это до

[30] *И. И. Пущин.* Записки о Пушкине. М., 1937, стр. 92.

[31] «Конечно, Пущин через тридцать три года после поездки в Михайловское смешал свое положительное отношение к революционно-патриотическим «Думам» Рылеева, вполне естественным для декабриста, с отрицательным мнением о них Пушкина и приписал поэту отзывы, которых тот не мог высказывать» (там же, стр. 199).

нас не дошло, но по последующей переписке можно попытаться восстановить его содержание. Бестужев и Рылеев ответили на это письмо не сразу (Бестужев начинает с извинений: «Долго не отвечал я тебе, любезный Пушкин, не вини, был занят механикою издания Полярной»). Письмо Бестужева датировано 9, а Рылеева — 10 марта. Бестужев писал: «Ты великой льстец насчет Рылеева...» (П, т. XIII, стр. 149). Рылеев: «Ты великой льстец: вот все, что могу сказать тебе на твое мнение о моих поэмах» (П, т. XIII, стр. 150). Отвечая на это письмо 24 марта 1825 г., Пушкин писал: «Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также» (П, т. XIII, стр. 155).

Итак, в недошедшем до нас письме Пушкина содержался отзыв и о думах, о которых было сказано «вслух и ясно», и о поэмах. То, что Пушкин сказал о поэмах, было настолько похвально, что с уст и Рылеева, и Бестужева сорвались одни и те же слова: Пушкин —«великий льстец». Пушкин, отвергая это, напоминает: в письме было не только мнение о поэмах, но и о думах. По контексту естественно предположить, что отзыв о думах был критическим.

Получив отдельное издание сборника, Пушкин вновь перечитывает думы и выносит о них свое окончательное суждение в майском письме к Рылееву: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы *Петра в Остр.⟨огожске⟩* чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю Ив.⟨ана⟩ Сусанина, первую думу, по коей начал я

подозревать в тебе истинный талант)» (П, т. XIII, стр. 175). Если вдуматься в эти слова, становится ясно — несмотря на похвалы «Ивану Сусанину», «Петру Великому в Острогожске» и отдельным «живым стихам», отзыв Пушкина был уничтожающим. В сопоставлении с ним нас не может удивить ни насмешливое замечание в письме к Жуковскому (см. П, т. XIII, стр. 167), ни злая острота: «...Думы дрянь, и название сие происходит от немецкого dum, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда» (П, т. XIII, стр. 184). Все это, хоть иными словами, более сдержанно, Пушкин высказал в письме к Рылееву.

И хотя Рылеев знал, что Пушкин «не жалует» думы, хотя признавал, что «некоторые так слабы, что не следовало бы их печатать в полном собрании» (П, т. XIII, стр. 150), хотя был знаком с замечаниями Пушкина, переданными ему Дельвигом,— несмотря на все это, именно завершающее суждение в майском письме показало Рылееву всю несовместимость точек зрения, которых придерживались оба поэта. Еще 12 мая, после встречи с Дельвигом, Рылееву хотелось поспорить с Пушкиным и о «Думах», и о «Войнаровском», «особливо о последнем». Теперь же стало ясно, что спорить не о чем. На развернутую пушкинскую критику «Дум» их автор откликнулся подчеркнуто холодно и кратко: «О Думах я уже сказал тебе свое мнение» (П, т. XIII, стр. 183). Это значило, что доводы Пушкина Рылеева ни в чем не убедили и он по-прежнему считает, что, каковы бы ни были слабости дум, некоторые из них по крайней мере способны оказать желаемое воздействие на читателя, потому они «хороши» и «полезны» «не для одних детей». Многозначительно и начало этого письма: «Благодарю тебя... за твои прямодушные замечания на Войнаровского»

(П, т. XIII, стр. 182). Замечания на «Думы» Рылеев не счел «прямодушными»? Во всяком случае, благодарить за них Пушкина он не стал. Поняв, что в этом вопросе им общего языка не найти, Рылеев дал ответ на критику «Дум» не в письме к Пушкину, а в стихах Бестужеву:

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!

В чью грудь *порой теснится целый свет*,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот завсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.

(БП, стр. 102).

Не оценил Пушкин значения «высоких дум». Не понял, что дело не в «слабом даре». Главное — это «восторг души», «любовь к общественному благу». Для Рылеева лирическая поэзия — то же, что для Кюхельбекера — «необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя» [32]. И о Рылееве Пушкин мог бы повторить сказанное о Кюхельбекере: что он «смешивает вдохновение с восторгом» (П, т. XI, стр. 41).

В письме к Пушкину Рылеев со всей решительностью заявляет, что вдохновение следует ставить выше

---

[32] «Мнемозина», ч. II. М., 1824, стр. 30,

искусства (П, т. XIII, стр. 150)[33]. Иными словами, «высокая» цель, во имя которой создается произведение, важнее, чем мастерство, с которым оно выполнено. В статье «Несколько мыслей о поэзии» (1825) он жаловался, что «формам поэзии вообще придают слишком много важности», и видел задачу литературы в том, чтобы «осуществить... идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин» (ПССоч, стр. 311, 313). За всеми этими различными и по разным поводам высказанными мыслями — единая подоснова.

Она была Пушкину совершенно ясна и глубоко враждебна. «У вас ересь,— писал он брату.— Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями...» (П, т. XIII, стр. 152). То же противопоставление «стихи — проза» возникает на устах Пушкина под влиянием рылеевской антитезы «Я не поэт, а гражданин»: «...Если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же хочешь просто *гражданствовать*, то пиши прозою»[34]. Никакие самые благородные намерения, самые высокие помыслы не могли заставить Пушкина иначе подойти к оценке стихов. «Кланяюсь планщику Рылееву... но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов» (П, т. XIII, стр. 245). Эти строки были написаны за две недели до событий 14 декабря, им суждено было оказаться последним, с чем обратился Пушкин к автору «Дум».

---

[33] Ср. в написанных с близких к декабризму позиций «Письмах на Кавказ» аналогичное противопоставление: поэзию не должно «называть искусством», «поэзия есть дар вдохновения, способность созидать, творить в мире нравственном» (СО, 1825, № 2, стр. 202).

[34] «Русский архив», 1866, № 3, стлб. 475.

Не всегда и не все произведения Рылеева Пушкин оценивал одинаково. Но неизменным было его убеждение, что пути их литературных исканий различны: Рылеев «идет своей дорогою». Потому так принципиальны оказывались их разногласия даже по таким, казалось бы, частным вопросам, как упоминание «герба России» в «Олеге Вещем». Пушкин указывал на эту рылеевскую ошибку по крайней мере четыре раза: в письме к брату в январе 1823 г., в приписке к черновому автографу «Песни о вещем Олеге». Ознакомившись с отдельным изданием «Дум», он писал Рылееву: «Ты напрасно не поправил в Олеге *Герба России*» (П, т. XIII, стр. 175—176), из чего ясно, что Пушкин уже раньше, скорее всего в одном из недошедших до нас писем, обращал внимание Рылеева на эту деталь. Причины такой настойчивости Пушкина ясны. В его глазах «герб России» сразу изымал Олега из своей эпохи, подрывал содержание произведения, делая его недостоверным.

Но не менее показательно и то, что Рылеев, столь высоко ценивший мнение Пушкина, требуемой им поправки не внес. Недопустимый с точки зрения Пушкина «герб России» оказался столь же необходим с точки зрения Рылеева. «Олег Вещий» был стихотворением, относительно нейтральным в политическом отношении, и Рылееву важно было показать, что описанная им победа Олега над Византией не просто «буйный набег», а ратный подвиг во имя родины. А это в немалой мере держалось именно на «гербе России». И Рылеев, конечно, не мог им пожертвовать.

Патриотизм — один из основных идейных стержней рылеевского цикла. Именно поэтому его автора должно было особенно обидеть пушкинское замечание: «Национального, русского нет в них ничего, кроме

имен...». Но Пушкин не мог не сказать этих слов. Проблема народности, национального своеобразия литературы стала для него в ту пору категорией первостепенного значения, и он решительно отвергал внешние, «облегченные» способы ее решения. Он был глубоко убежден, что народность произведения не может определяться лишь «выбором предметов из Отечественной истории» (П, т. XI, стр. 40). Этому вопросу он посвятил большую часть своего наброска «О народности в литературе». Есть писатели, которые «поминутно переносят во все части света... Мудрено, однако же, у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности». Напротив, критикуя классический эпос, Пушкин едва ли не буквально повторяет сказанное о «Думах»: «...Что есть народного в Россиаде и в Петриаде, кроме имен» (П, т. XI, стр. 40).

Исполнен глубокого смысла и тот факт, что это свое критическое замечание Пушкин не распространил на «Ивана Сусанина». Народным, национальным могло быть с точки зрения Пушкина лишь такое произведение литературы, которое выражало присущее народу осмысление действительности, ему принадлежащий «образ мыслей и чувствований». Пушкин ясно сознавал, что не только «войски» Дмитрия Донского не могли идти в бой «за вольность, правду и закон», но и спустя четыре с половиной столетия крестьянские массы, хоть и недовольные, хоть и поднимающиеся время от времени на борьбу за улучшение своей участи, не мыслили подобными категориями.

«Иван Сусанин»— единственная дума Рылеева, в центре которой стоит не царь, не князь, не вельможа, не министр, не возвышенный герой, мнящий принести темным, безмолвным массам свободу, просвещение и благоденствие, а русский мужик и даже —«мужичок»,

который служит правому делу, как он его понимает, — спасает царя «для России». Сусанин — бесспорно, самый исторически правдивый характер из всех, которые мы видим в думах. Но на фоне «Ивана Сусанина», в соотнесении с ним становились еще отчетливее слабости, присущие циклу в целом.

Известно, как часто склонен был Пушкин незаслуженно высоко оценивать творчество того или иного из своих современников. Но к «Думам» он был беспощаден. И это не случайно. Критика «Дум» была органической, составной частью главного дела его жизни — его борьбы за «поэзию действительности».

1822 годом датируются два обращения Пушкина к историческим темам. Одно из них — фрагмент трагедии о восстании Вадима, второе—«Песнь о вещем Олеге». Первое полностью строится на системе аллюзий, и в нем «перед нами не Вадим с наперсником Рогдаем, а два молодых офицера второй армии, воспринявшие пропаганду тайного общества»[35]. Второе — исторически правдивое воспроизведение характеров и быта Руси X—XI вв.[36] К первому Пушкин быстро утратил интерес и оставил трагедию незавершенной. Второе ознаменовало важный этап формирования пушкинского историзма.

«...В данной балладе,— писал о «Песни о вещем Олеге» Б. В. Томашевский,— нет переклички с современностью... «Песнь о вещем Олеге» кажется какой-то картинкой, никак с прочим творчеством Пушкина не связанной»[37]. Но, может быть, правомерно видеть связь с современностью, с вопросами, вызывавшими

---

[35] *Б. В. Томашевский*. Пушкин, кн. 2. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 168.

[36] См.: *Г. А. Гуковский*. Пушкин и русские романтики. М., 1965, стр. 331—334.

[37] *Б. В. Томашевский*. Пушкин, кн. 1. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 545; там же, кн. 2, стр. 171.

острые споры в журналах и письмах, в самой исторической точности вещи, в скрупулезном следовании преданию и историческим источникам. Не была ли «Песнь о вещем Олеге» живым участием в этих спорах? Не говорил ли ею Пушкин своим современникам, что цель поэзии — поэзия, что в стихах — стихи главное, а в истории — история?

Тем более показательно и интересно, что и в творческой биографии Пушкина был эпизод, когда он обратился к тем самым стилистическим построениям, которые столь решительно осудил в думах. Это элегия «Андрей Шенье». Пушкин в точности воспроизводит «покрой» рылеевских дум: «описание места действия, речь героя и — нравоучение». Это было бы загадочно, может быть необъяснимо, если бы мы не учли той специфической цели, которую ставил перед своей элегией Пушкин: не только изобразить Андрея Шенье, но и «подсвистнуть» о собственной судьбе.

Доверенный круг читателей Пушкин прямо призывал искать в его элегии потаенный смысл, судить о ней «по намерению». Он хотел, чтоб читатель его элегии не только видел изображаемое лицо, но и догадывался, на кого он намекает, к кому применяет избранный сюжет. И обращение к системе аллюзий повлекло за собой использование той композиции, того «покроя», который в других условиях не был бы приемлем.

Нет необходимости детально характеризовать значительные отличия, существующие между «Думами» и «Андреем Шенье». Важно другое. Использование в исторической элегии Пушкина рылеевского «покроя» подтверждает, что «покрой» этот не обязательно свидетельствует о бедности изображения и изложения, но обнаруживает зависимость от целей, которые ставит перед своим произведением поэт.

В споре Пушкина и Рылеева о «Думах» столкнулись две противоборствующие тенденции, два подхода к литературе, надолго пережившие обоих поэтов. О месте этих тенденций в последующем литературном развитии предстоит говорить особо.

Успех дум стимулировал появление в журналах и альманахах 1820-х годов ряда стихотворений, близких к рылеевским по жанру и стилю («Баян на Куликовом поле» В. Розальон-Сошальского, «Святополк» и «Кучум» П. Шкляревского, «Михаил Тверской» А. Бестужева, «Дмитрий Тверской» и «Георгий» А. Шидловского, «Песнь барда во время владычества татар в России» Н. Языкова, «Бард на поле битвы» А. Шишкова и ряд других).

В некоторых из этих произведений авторы пытаются преодолеть рылеевское влияние, ищут собственный путь. Так, дума П. Шкляревского «Кучум» содержит прямую полемику со «Смертью Ермака». Кучум, изображенный Рылеевым как «тать презренный», представлен у Шкляревского поборником «вольности священной», врагом «трона» «владыки грозного», мстителем «за плен супруг, за гибель чад».

Своеобразна трактовка исторической темы у Языкова. Для рылеевских дум, при всей мрачности их колорита и трагизме судеб героев, характерны оптимистические идеи. Погиб Святослав, но жив его «дух геройский».

Питая к славе жар в сердцах,
Он окрыляет наши войски.

Не зря пожертвовали собой Сусанин, Волынский, Артемон Матвеев.

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,

Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.
Вражда к неправде закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках.

У Языкова же нет уверенности, что подвиги предков способны пробудить доблести сограждан. Им владеет иное, скептическое убеждение:

И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах [38].

Историческая лирика 1820-х годов, бесспорно, не была столь однотонной и подражательной, как это представлялось, например, П. А. Ефремову (см. РС, 1971, № I, стр. 71). Но более или менее отличаясь от дум Рылеева поэтической фразеологией, построением, сюжетами, думы его последователей не обновили главного — рационалистического подхода к истории, которая по-прежнему должна была «приноровляться» к «гражданским понятиям» декабристской эпохи.

Повторяемость рылеевских тем, мотивов и приемов в стихах его современников не может быть объяснена

[38] *Н. М. Языков.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964, стр. 90.

только их малой одаренностью и творческой несамостоятельностью. Причины этого явления связаны с закономерностями жанровой эволюции в поэзии русского романтизма. Главная историко-литературная функция разновидности жанра, разрабатываемого Рылеевым, заключалась в том, что она подготовила появление русской национально-героической поэмы. Национально-героическая поэма, ознаменовавшая целую эпоху в истории русского и европейского стихотворного эпоса [39], представляла поэту-романтику несравненно бо́льшие возможности для решения новых художественных коллизий, порожденных новым временем, чем переходная жанровая модификация рылеевской думы. Не случайно сам Рылеев, обратившись к поэме, перестает писать думы и даже оставляет незавершенными начатые.

Для того чтобы отстоять свое место в литературе, жанр думы должен был пережить радикальное, внутреннее обновление, и эту задачу решил Лермонтов. В думах Лермонтова — иное в сравнении с Рылеевым соотношение идеи, тенденции с конкретным легендарным или историческим материалом. В идейно-художественной структуре «Дум» определяющую роль, как мы знаем, играла *цель*, которой подчинялись и тема, и развитие сюжета, и выбор стилистических средств. Это видели и поклонники Рылеева, и его критики. Вяземский, например, потому и одобрял думы, что видел их особенный характер в «цели», в «намерении» (РС, 1886, № 11, стр. 312). А Пушкин ту же их особенность осуждал: «целят, а все не в попад».

---

[39] См. об этом: *И. Г. Неупокоева.* Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. Опыт типологии жанра. М., «Наука», 1971.

О думах Лермонтова нельзя было сказать, что они «целят». Здесь нет примата идеи над изображаемым объектом, напротив, сам объект и заключает в себе причину интереса поэта к данной теме. Конечно, в связи с ним возникают и более широкие обобщения и выводы, но здесь исторические реалии, определенные лица или события, изображенные в думе, первичны, а выводы, идеи проистекают из них.

Вот одна из ранних лермонтовских дум (или исторических элегий), написанная в 1829 г.,—«Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой»). Здесь налицо многочисленные компоненты традиционного «покроя»: вначале описание места действия, затем — речь «певца», заключающая в себе основное содержание произведения, выражающая мысли и чувства автора. Но это сходство лишь более оттеняет внутреннее, принципиальное отличие этой ранней, во многом ученической, думы Лермонтова от образцовых в своем роде произведений Рылеева.

Наполеон здесь — не исторический атрибут, использованный для поэтического воплощения какой-либо философской или политической идеи. Обращение к этой теме объясняется не чем иным, как интересом к самой личности французского императора, в постижении которой Лермонтов видел путь к разгадке интересовавших его вопросов исторического развития.

Подход Лермонтова к завещанным традицией элементам художественной структуры обновлен настолько, что они находят себе место даже в его реалистической лирике. И в «Бородине» не трудно видеть компоненты того «покроя», который когда-то критиковал Пушкин: «описание места действия, речь героя и — нравоучение» («богатыри — не вы»). Но какая разница между рылеевским героем, скажем, «младым гусаром» в «Святославе»,

служащим лишь рупором мыслей поэта, и индивидуализированным, реалистически правдивым и точным образом солдата — участника Бородинского боя у Лермонтова! Какая разница между воссозданием исторического события у Рылеева и у Лермонтова! Персонаж лермонтовской думы отъединяется от автора, а автор, когда это нужно, обращается к читателю сам, голосом своего «лирического я», без персонажей-посредников («Дума»).

В лермонтовскую и послелермонтовскую пору жанр думы приобретает те формы, в которых он без существенных изменений дожил до наших дней. «Народность во взгляде и выражении», которую Белинский еще в 1841 г. считал непременным жанровым признаком думы [40], утрачивает свой обязательный для стихотворений этого вида характер. Думами начинают называть разного рода поэтические медитации, стихи, воплощающие раздумья автора на самые различные темы: любовные, философские, социальные, бытовые. Обычно такие стихи окрашены меланхолией, тоской, неудовлетворенностью прошлым и настоящим, неверием в будущее. Происходит зримое сближение жанров думы и элегии. Оно проявилось, в частности, в названии, которое дал Фет своему известному сборнику —«Элегии и думы».

Дума, какой она складывается во второй четверти XIX века, не имеет почти ничего общего с рылеевской думой. Но хотя жанр, введенный в поэзию Рылеевым, сходит на нет, влияние его произведений на умы новых поколений, их популярность в передовых кругах русского общества не ослабевает. Возникают все новые списки и отдельных дум, и всего цикла в целом. Наряду

[40] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. V, стр. 51.

с небрежно выполненными и грешащими массой искажений, в ту пору появляются тщательно, любовно изготовленные копии, сохранявшие все особенности издания 1825 г. (шмуцтитулы, размещение примечаний и проч.)[41] Такие списки — живые свидетели огромной популярности дум Рылеева, свидетельство того, что поколение, разбуженное декабристами, понимало значение его знаменитой книги и стремилось сберечь ее для потомства. Тем же стремлением было вдохновлено и издание «Дум», осуществленное Герценом и Огаревым в Лондоне в 1860 г.

*

Лондонское издание «Дум»— своеобразный и интересный факт не только в судьбе рылеевской книги, но и в деятельности Вольной русской типографии.

Обращаясь к «братьям на Руси» 21 февраля 1853 г., Герцен прозорливо и точно определил задачи, которые должно было решать и действительно решало на протяжении ряда лет вольное книгопечатание в Лондоне. «Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вся моя цель,— заявлял он.— Не столько нового, своего хочу я вам рассказывать, сколько воспользоваться моим положением для того, чтобы вашим невысказанным мыслям, вашим затаенным стремлениям дать гласность, передать их братьям и друзьям, потерянным в немой дали русского царства» [42]. Нет нужды напоминать о массе материалов подобного рода, полученных из России и изданных в Лондоне. Герцен неоднократно призывал своих русских корреспондентов

[41] Такой список хранится, в частности, в рукописном отделе Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве.

[42] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. 12. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 64.

присылать ему «ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др.»[43]. «Рукописи погибнут наконец,— предупреждал он,— их надобно закрепить печатью»[44]. Многие такие рукописи были действительно спасены от гибели. Герцен обещал печатать в Вольной типографии свои рукописи — было сделано и это: множество произведений Герцена и Огарева здесь впервые вышли в свет, некоторые, публиковавшиеся ранее с цензурными изъятиями, появились в дополпенном и исправленном виде.

Но перепечатка в Вольной русской типографии книги, ранее легально вышедшей в России, книги, сохранявшейся в достаточном количестве экземпляров, чтобы ей не грозила гибель, была в деятельности Герцена и Огарева нехарактерным фактом, который, естественно, нуждается в объяснении. Так, в 1858 г. было перепечатано «Путешествие из Петербурга в Москву», а два года спустя —«Думы».

Оба издания связаны одно с другим. Когда Герцен писал предисловие к книге Радищева, перед его мысленным взором был и Рылеев. Идеалы Радищева, говорит он,— «это наши мечты, мечты декабристов ... Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце»[45].

Решение переиздать «Думы» становится понятным, если вспомнить о том огромном воздействии, которое оказала рылеевская книга на поколение Герцена и Ога-

---

[43] *А И. Герцен.* Собр. соч., т. 12, стр. 63.
[44] Там же, стр. 270.
[45] Там же, т. 13, стр. 273.

рева. «Думы» Рылеева ... не выходили из рук»[46]. «Революционные стихи Рылеева и Пушкина можно было найти в руках у молодых людей, в самых отдаленных областях империи... Целое поколение подверглось влиянию этой пылкой юношеской пропаганды»[47]. Революционные песни Рылеева «*и другие в том же духе* воспитали целое поколение, продолжавшее во мраке дело этих героических личностей»[48].

Хотя в свое время «Думы» были изданы легально, с разрешения цензуры, они стали в последекабрьскую пору неотъемлемой частью вольной поэзии. Герцен вспоминал в «Былом и думах», как ему доводилось читать мелко переписанные и очень затертые тетрадки стихов. Среди них были «Думы» Рылеева. «... Я их переписывал тайком ... (*а теперь* печатаю явно!)»[49],— писал Герцен.

Известные ленинские слова: «Декабристы разбудили Герцена»[50]— лаконично характеризуют сложный и разносторонний процесс воздействия первого поколения дворянских революционеров на их последователей. Есть все основания сказать, что Герцена «разбудили» и «Думы». Но лондонское издание знаменитого рылеевского цикла было не только данью благодарности своим предшественникам. Оно имело целью не простое воспроизведение литературного и революционного памятника, ставшего малодоступным. Это было воссоздание памятника, дающее ему новую жизнь — в новых условиях, в восприятии нового читателя. Это было в известной степени и созданием *нового памятника* на основе прежнего.

---

[46] Там же, т. 6, стр. 420.
[47] Там же, т. 7, стр. 198.
[48] Там же, т. 20, стр. 272.
[49] Там же, т. 8, стр. 64.
[50] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21 стр 261.

Книга открывалась поэтическим посвящением Огарева «Памяти Рылеева» и его же предисловием. Затем было помещено стихотворение Мицкевича «К русским друзьям»— польский оригинал и прозаический перевод. Это была важная часть издания, исполненная глубокого смысла. Извещая за семь лет перед тем «братьев на Руси» о создании Вольного русского книгопечатания в Лондоне, Герцен подчеркнул, что он подает им руку «на старый союз наш во имя *русской и польской свободы»* [51]. Программная мысль, воплощенная в этих словах, красной нитью прошла сквозь всю герценовскую революционную пропаганду, она наложила отпечаток и на издание «Дум» 1860 года. Напоминая русскому обществу о Рылееве и его соратниках, Герцен и Огарев напоминали и о том, что «геройское время русской жизни» было временем русско-польского революционного союза, что польская демократия видела и видит друзей и братьев в Рылееве и Бестужеве. Стихи Мицкевича придавали лондонскому изданию «Дум» дополнительный смысл, повышали агитационное значение книги.

Важную роль играло и помещенное в ней предисловие Огарева. Думается, что Е. Л. Рудницкая преуменьшает его значение, полагая, что и это предисловие, и статью «Памяти художника» «можно рассматривать только как эскизы для будущего большого полотна каким стало предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» [52]. Но внутренняя связь между этими тремя произведениями Огарева несомненна, и она позволяет глубже понять каждое из них.

---

[51] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. 12, стр. 64.

[52] *Е. Л. Рудницкая.* Н. П. Огарев в русском революционном движении. М., «Наука», 1969, стр. 191.

В статье «Памяти художника» Огарев ставит вопрос об общественном значении произведений искусства. «Почему в художнике явилась потребность произвести что-нибудь?»— спрашивает он и отвечает: «Она взялась из среды общественности; художник только потому и стремился к созданию, что вся общественная жизнь дышала в нем, не давала ему покоя...» [53]. «...Обличительные сочинения,— говорит он далее,— могли быть не довольно талантливы, но сердиться на них нельзя; у них был свой благородный источник и своя благородная цель». И судить их должно не по абстрактной теории «искусства ради искусства», а «только с точки зрения живой общественной деятельности» [54]. Обращаясь к новому поколению, которому теперь «предстоит взойти на поприще литературы», он горячо призывал его смело вносить в искусство «общественные страдания и все элементы живой общественной жизни»[55].

Лишь в свете всего, что было сказано в статье «Памяти художника», наполняется своим подлинным смыслом та лаконичная характеристика, которую дал Огарев Рылееву в предисловии к лондонскому изданию «Дум»: «Рылеев был поэтом общественной жизни своего времени». Кратко, немногими словами он восстанавливает панораму этого времени, «геройского времени русской жизни», помогает современникам понять все значение того дела, которому посвятил себя «поэт-гражданин». «Страстно бросившись на политическое поприще, с незапятнанной чистотой сердца, мысли и деятельности, он стремился высказать в своих поэтических произведениях чувства правды, права, чести, свободы, любви

---

[53] *Н. П. Огарев*. Собр. соч., т. 2, стр. 439.
[54] Там же, стр. 442.
[55] Там же, стр. 443—444.

к родине и народу, святой ненависти ко всякому насилию. В этом отличительная черта его направления, и те, которые помнят то время, конечно, скажут вместе с нами, что его влияние на тогдашнюю литературу было огромно. Юношество читало его нарасхват. Его стихи оно знало наизусть».

Огарев помнил, что многочисленные анахронизмы «Дум» и историческое неправдоподобие изображенных в них лиц нисколько не препятствовали успеху этих стихов. Но с тех пор минула целая литературная эпоха. Лондонское издание «Дум» адресовалось читателю, воспитанному на произведениях натуральной школы, на статьях Чернышевского и Добролюбова. Он зачитывался Толстым, Тургеневым, Островским. Властителем его дум был Некрасов. Исторические несообразности рылеевских дум могли теперь скомпрометировать их автора. Необходимо было объяснить, почему «Думы» написаны именно так и что́ должны искать в них люди 60-х годов.

И Огарев сделал это. С подлинным историзмом охарактеризовал он задачу, которую ставил перед собой поэт-декабрист, и объяснил, в каком смысле она оказалась невыполнимой, а в каком — могла быть и действительно была решена. «Влияние «Дум» на современников,— подчеркнул он,— было именно то, какого Рылеев хотел,— чисто гражданское». Эту мысль Огарев позднее развил и дополнил в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература»: «Поэтическая деятельность Рылеева подчинена политической, все впечатления жизни подчинены одному сильнейшему впечатлению; какие бы ни брались аккорды — они вечно звучат на одном основном тоне... В этом была сила его влияния и его односторонность... Святая односторонность его поэзии была выражением святой

души и святой жизни; нравственная чистота Рылеева дает его произведениям силу, которая охватывает читателя не меньше, чем самая до тонкости доведенная художественная отделка» [56]. Огарев подходит к оценке Рылеева с позиций, намеченных им в статье «Памяти художника» (судить не по абстрактной теории «искусства ради искусства», а «с точки зрения живой общественной деятельности»), здесь развитых и углубленных. «Нам кажется, что приходит пора свести эстетическую критику с метафизических подмостков на живое поле истории, перестать уклоняться от живого впечатления, навеянного поэтическим произведением, искажая это впечатление мыслью, что произведение не подходит под вечные условия искусства; пора объяснить себе силу этого впечатления силой, с которой исторические и биографические данные вызвали в душе поэта его создание» [57].

Именно так и подходил Огарев к объяснению поэзии Рылеева. Вольная русская типография переиздала «Думы» не как образец произведения, подходящего «под вечные условия искусства». «В «Думах»,— с полемической заостренностью подчеркнул Огарев,— видна благородная личность автора, но не видно художника». А в заключение повторил еще раз: «Думы» Рылеева мы считаем историческим памятником того времени и юным выражением благородной личности поэта».

В предисловии к «Думам» Огаревым была развита и обоснована лапидарная характеристика, которую дал Рылееву Герцен, назвавший его «Шиллером заговора». «Так же, как и Шиллер,— комментирует это определение В. Д. Морозов,— Рылеев не стремится к объектив-

---

[56] *Н. П. Огарев.* Собр. соч., т. 2, стр. 471—472.
[57] Там же, стр. 472.

ному изображению действительности в ее социальной и исторической конкретности, а к правдивой передаче настроений и чувств, характерных для лучших людей России 20-х годов — декабристов», по-шиллеровски превращал своих героев «в своеобразные рупоры времени» [58]. В этом можно было видеть недостаток поэзии Рылеева, но Герцена и Огарева, стремившихся воскресить в памяти современников дух и идеалы декабризма, она этим именно и привлекала.

Бестужев заметил ранее, что целью рылеевских дум было «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Теми же словами можно определить и цель, с которой «Думы» были переизданы в Лондоне. Но только предками, подвиги которых хотелось поставить в пример согражданам, были не Святослав, не Волынский, не Сусанин, а сам Рылеев и та «фаланга героев», к которой он принадлежал. В издании «Дум» Герцен и Огарев видели средство выразить мысль, близкую к той, которая позднее была высказана Лениным о самом Герцене, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...» [59].

Герцену и Огареву принадлежит заслуга не только переиздания «Дум», но и их первого глубокого и беспристрастного объяснения, данного с позиций историзма и подлинной объективности. Именно Огарев, анализируя спор между Рылеевым и Пушкиным, показал, что каждый из участников этого спора был в чем-то прав

---

[58] *В. Д. Морозов.* А. И. Герцен и Н. П. Огарев о русских революционных романтиках.— «Ученые записки Томского гос. ун-та», 1964, № 48, стр. 137.

[59] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

и в чем-то неправ. Глубоко чтя Рылеева, Огарев видел вместе с тем историческую ограниченность или, как он говорил, «односторонность» его литературной позиции. Но это была «святая односторонность» — вот чего, по мысли Огарева, не увидел и не оценил Пушкин: «Пушкин, со всей своей всеобъемлющей впечатлительностью, не мог понять исповеди Наливайки; публика поняла ее и откликнулась. Пушкин искал образа казацкого вождя, чтобы быть вполне удовлетворенным этим отрывком, и не находил его — и был прав; он только забыл в заглавие поставить: исповедь Рылеева, и тогда бы он удовлетворился; публика поняла, что это была исповедь не только Рылеева, но каждого неравнодушного человека того времени. Великий художник не понял великого мученика и его святую односторонность; он считал ее за ошибку, но внутренно невольно поддавался влиянию, которое захватывало и его в одно направление» [60].

В своем движении к реализму русская поэзия должна была преодолеть инерцию того творческого метода, на котором строились «Думы». Откровенная дидактичность целей, которые ставились перед «Думами», мешали правдивому изображению в них жизни. Пушкин видел это лучше, чем кто-либо из его современников, и глубже других понимал, что идея должна не привноситься в произведение извне, а органически вытекать из верного и беспристрастного изображения жизни.

Критикуя «Думы», Пушкин исходил из тех же по существу положений реалистической эстетики, которые позднее отстаивал Энгельс, когда напоминал, что «тенденция должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать», что

---

[60] *Н. П. Огарев*. Собр. соч., т. 2, стр. 471.

«автору никогда не следует восторгаться своим собственным героем», что «чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства» [61].

Но была в споре о «Думах» и другая правда. Она состояла в том, что ни один русский поэт до Рылеева не поставил так прямо и последовательно свое перо на службу задачам времени, задачам социального освобождения, как автор «Дум». Если Энгельс видел главное достоинство «Коварства и любви» «в том, что это —«первая немецкая политически тенденциозная драма» [62], то мы имеем не меньше оснований видеть достоинство «Дум» в их политической тенденциозности, в воплотившемся в них понимании задач поэта и поэзии. Рылеевский подход к истории с присущим ему видением прошлого сквозь призму актуальных проблем современности не прошел бесследно для дальнейшей литературной эволюции.

В пушкинскую эпоху эта тенденциозность, с вызывающей прямотой воплощенная в формуле «я не поэт, а гражданин», могла восприниматься как помеха реализму, но через несколько десятилетий наследником ее оказался не поздний романтик Фет, а реалист Некрасов. Она зазвучала в знаменитых строках:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан [63].

Рылеевская антитеза

Ты *не увидишь* в них *искусства*.
Зато *найдешь* живые *чувства*

(*БП, стр. 186*).

---

[61] «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», т. 1. М., «Искусство», 1967, стр. 5, 7.

[62] Там же, стр. 5.

[63] *Н. А. Некрасов.* Полн. собр. соч. и писем, т. 2. М., 1948, стр. 12.

нашла отклик у Некрасова:

Нет в тебе творящего *искусства...*
Но кипит в тебе живая кровь,
Торжествует мстительное *чувство*,
Догорая, теплится любовь...[64]

Служи не славе, *не искусству* —
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя *чувству*
Всеобнимающей любви [65].

Когда Ленин ставил задачу создания литературы, которая должна стать «*частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма» [66], он опирался на опыт и творческие достижения художников прошлого, которые своими произведениями участвовали в общественном движении, в борьбе за передовые идеалы современности. Среди них был и Рылеев.

Маяковский, говоря, что он «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный, *ушел* на фронт *из* барских садоводств *поэзии* бабы капризной», продолжал то направление в русской литературе, у истоков которого стоял и Рылеев.

Нельзя совершить бо́льшую ошибку, чем представить спор между Пушкиным и Рылеевым о «Думах» как разногласие защитника идейности и гражданственности с поборником «чистого искусства», каковым позднее противники гоголевского направления пытались изобразить Пушкина. Излишне было бы доказывать, что пушкинское творчество не уступало рылеевскому ни в идейности, ни в гражданственности. Но этот спор

[64] Там же, т. 1, стр. 107.
[65] Там же, т. 1, стр. 401.
[66] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 101.

отразил два подхода к проблеме гражданственности в поэзии, к проблеме соотношения идеи произведения с художественным материалом. Поучительность этого спора в том, что, при всей остроте противостоящих друг другу точек зрения, каждая из них оказалась нужна будущему литературному движению и нашей современности.

Л. Фризман

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Настоящее издание объединяет две книги: сборник, вышедший при жизни поэта (Думы, стихотворения К. Рылеева. Москва. В типографии С. Селивановского. 1825. В 8 д. л. Стр. VIII + 172. Цензурное разрешение 22 декабря 1824 г.), и издание, осуществленное Вольной русской типографией в Лондоне (Думы. Стихотворения К. Ф. Рылеева. С предисловием Н. Огарева (Издание Искандера). Лондон. 1860. 32° XXVIII, 4 нен. 172, 4 нен. стр.).

Думы были написаны и публиковались в журналах в 1821—1823 гг. 14 ноября 1824 г. Рылеев отправил из Воронежа в Москву сборник, включавший двадцать дум в тех же редакциях, в которых они уже были напечатаны. Лишь некоторые стихи подверглись незначительной правке. Большинство примечаний было подготовлено П. М. Строевым и появилось в печати впервые. Переговоры с цензурным комитетом и наблюдение за изданием «Дум» осуществлял П. А. Мухапов, а с конца января 1825 г. — Е. П. Оболенский. 18 декабря 1824 г. книга была представлена в цензуру, а 22 декабря цензор, профессор Московского университета И. И. Давыдов, допустил ее к печати. К этому времени сборник еще не включал предисловия, и потому цензурное разрешение помещено на шмуцтитуле первой думы— «Олег Вещий». Поступивший позднее автограф предисловия был вклеен в сборник, и Давыдов поставил на этом автографе свою подпись. Посвящения «Дум» Н. С. Мордвинову в цензурном экземпляре нет.

Нет в нем и тех трех дум, которыми Рылеев хотел дополнить сборник,—«Петр Великий в Острогожске»,

«Видение Анны Иоановны» и «Царевич Алексей Петрович в Рожествене». Из них была разрешена к публикации только первая. Автографы всех трех дум хранятся в ЦГАДА, вместе с цензурным экземпляром книги.

Список дум, вошедших в издание 1825 г., составлен Рылеевым на обороте автографа «Артемон Матвеев» (ПД). На обороте чернового наброска неоконченной думы «Вадим» сохранился еще один перечень дум, который, по-видимому, включает заголовки проектированных поэтом произведений: «Владимир. Рюрик. Вадим. Владимир Мономах. Василько. Гаральд и Елизавета. Пожарский и Минин. Марина. Марфа Посадница. Гермоген. Мазепа. София. Петр Великий. Лукьян Стрешнев. Миних. Румянцев. Суворов. Меньшиков. Потемкин. Яков Долгорукий». Этот перечень, датируемый 1823 г., хранится в ПД, впервые опубликован в РС, 1871, № 1.

За тридцать пять лет, отделяющие выход в свет лондонского издания «Дум» от московского, стихи этого сборника несколько раз появлялись в печати. В 1829 г. они были изданы в Вильно, на польском языке: Dumy historyczne rossyyskie K. Rylleiewa. Przekład polski. Z rycinami i notami na forlepiano. Wilno. Nakładem Alexandra Żołkowskiego, drukiem Józefa Zawadzkiego. Цензурное разрешение 25/V 1829 г. Цензор — Павел Кукольник. В этот сборник вошли предисловие Рылеева и 17 стихотворений с историческими справками, помещенными в издании 1825 г.: «Олег Вещий» (с подзаг. «śpiew historyczny»), «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Святополк», «Рогнеда» (с подзаг. «powieść»), «Боян», «Мстислав Удалый», «Михаил Тверской», «Димитрий Донской», «Курбский», «Смерть Ермака», «Борис Годунов», «Димитрий Самозванец», «Богдан Хмель-

ницкий», «Артемон Матвеев», «Петр Великий в Острогожске», «Державин».

Фамилия переводчика в издании указана не была и до недавнего времени оставалась неизвестной. Сейчас мы знаем, что первый перевод дум на польский язык осуществил И. Богдашевский (Ignacy Bohdaszewski) [1]. Переводчик снабдил книгу следующим предисловием:

«Думы о деяниях русского народа несу я вам, дорогие земляки, с их голосом я хотел бы согласовать хоть слабый звук моей лютни, которая настроена более благим намерением, чем талантом. Русская литература достигла той ступени расцвета, которую давно получили в наследство другие народы, и жителей стран просвещения уже связывают узы дружбы с учеными России. Щедрость добрых монархов, успехи страны и прежде всего неутомимый труд русских писателей воспламенили поэтический дух в сынах Севера, возвысили науки и искусства. Это думы одного из передовых русских писателей, совершенные и чудные, они достойны, чтоб их освоила и польская литература. Очевидно, что образцом автору послужили «Исторические песни» Ю. У. Немцевича, это бесценное сокровище нашей истории и литературы; он даже перевел думу о Глинском, и чудесный цветок поэзии, взращенный над Вислой, дал хорошие плоды на берегах Невы. Хотя думы Рылеева не так полно изображают историю народа, как польские Песни господина Немцевича, но и русский поэт преследовал ту же самую цель. Перечисляя заглавия дум исторических, я опустил те, темы которых взяты не из истории России, либо которые воспе-

---

[1] См.: *Anna Kaupuž.* O pierwszym polskim tłumaczeniu «Dum» K. Rylejewa.— «Slavia orientalis», 1970, Rocznik XIX, N 3, str. 239—246.

вают менее важные, обычные события [1]. Прости, читатель, если я не вполне удачно передал мысли автора.

Написал в Аптосине
1829 года апреля 16 дня.
(str. УII—УIII).

В 1831 г. в альманахе «Венера» появились четыре думы, подписанные «К. Р-в»: «Наталия Долгорукова», «Димитрий Самозванец», «Смерть Ермака» (ч. 2) и «Ольга при могиле Игоря» (ч. 3). Цензурное разрешение ч. 2—18/IX 1830 г., ч. 3—19/IX 1830 г. Цензор — С. Аксаков.

В 1857—1858 гг. в Германии выходят следующие три книги: Стихотворения К. Рылеева. Берлин, Ferdinand Schneider, 1857; Стихотворения К. Рылеева, Второе издание, пополненное, Берлин, Ferdinand Schneider, 1858; Русская библиотека, т. I. Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов. Лейпциг. Вольфганг Гергард, 1858. В каждую из них включены четыре думы Рылеева: «Волынский», «Борис Годунов», «Димитрий Самозванец», «Глинский». Эти тексты воспроизведены, по-видимому, со списков, с большим количеством искажений и сокращений. «Глинский» опубликован в ранней редакции, напечатанной в «Новостях литературы», в «Волынском» отсутствуют ст.73 и след.,в «Борисе Годунове» ст.25—32.

В 1859 г. появляется более достоверное, хотя далеко не совершенное в текстологическом отношении издание: Думы К. Рылеева. Берлин, Ferdinand Schneider, 1859. Здесь напечатаны 17 дум: «Державин», «Святослав», «Димитрий Самозванец», «Петр Великий в Острогожске», «Димитрий Донской», «Рогнеда», «Мстислав Удалый», «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Михаил

[1] В издании опущены следующие думы: «Глинский», « Иван Сусанин», «Волынский», «Наталия Долгорукова».

Тверской», «Волынский», «Наталия Долгорукова», «Боян», «Глинский», «Курбский», «Борис Годунов» и «Артемон Матвеев». Год спустя вышла книга: Сочинения, К. Рылеева. Берлин, Ferdinand Schneider, 1860. Первый отдел ее составили думы. Здесь мы находим уже не 17, а 21 стихотворение, входившее в сборник 1825 г. Думы напечатаны в той же последовательности, что и в 1859 г. После «Артемона Матвеева» идут «Святополк», «Смерть Ермака», «Иван Сусанин», «Богдан Хмельницкий». Исторические справки и подстрочные примечания к думам ни в одно из названных изданий 1857—1860 гг. не включены.

Одновременно с «Сочинениями К. Рылеева» вышло в свет лондонское издание «Дум». Впервые после 1825 г. думы были переизданы точно и бережно, с сохранением последовательности их расположения, посвящения, примечаний, вступительных заметок. Введенная в сборник дума «Видение Анны Иоановны» помещена там, где ей надлежало быть в соответствии с принятым в книге Рылеева хронологическим принципом расположения стихотворений: между думами «Наталия Долгорукова» и «Державин», а вступительная заметка, написанная к ней Огаревым, была напечатана на обороте шмуцтитула, где помещались соответствующие тексты в рылеевской книге.

За сто с лишним лет, минувшие после выхода лондонского издания «Дум», несколькими поколениями исследователей была проведена огромная работа по разысканию, публикации и комментированию стихов «поэта-гражданина», работа, многократно расширившая наши сведения о его жизни и деятельности. Значительную ценность представляют два издания «Полного собрания стихотворений» К. Ф. Рылеева в большой серии «Библиотеки поэта» (1934 и 1971 гг.). Здесь нашли себе

место наиболее полные, основательные и достоверные комментарии к рылеевским думам, а также убедительные решения некоторых сложных текстологических проблем.

В данной книге сборник «Думы» воспроизведен в том виде, в каком он вышел в 1825 г. Входящие в него стихотворения печатаются по указанному прижизненному изданию поэта. Лишь в текстах дум «Ольга при могиле Игоря» и «Курбский» устранены купюры и искажения, вызванные цензурными условиями.

В разделе «Дополнения» помещены думы, завершенные Рылеевым, но не вошедшие в отдельное издание, а за ними — отдельной рубрикой — наброски неоконченных дум. Обе группы произведений Рылеева располагаются в хронологии исторических сюжетов, т. е. в той последовательности, которая была избрана автором для сборника 1825 г. Эти тексты печатаются по автографам, а при наличии нескольких автографов — по тем, которые содержат позднейшие редакции стихотворения.

Далее приведены все материалы, которыми Герцен и Огарев дополнили рылеевский сборник в 1860 г. Эти материалы публикуются по лондонскому изданию «Дум» в том порядке, в котором они там помещены.

В следующем разделе приводятся варианты автографов, прижизненных изданий дум и того авторизованного списка, который представляет собой цензурный экземпляр сборника. Принято во внимание, что поправки в этот экземпляр были внесены по указанию Рылеева (см. его письмо к Вяземскому, ЛН, стр. 144).

Многие рукописи Рылеева хранят на себе следы многослойной и разновременной правки. В настоящем издании предпринята попытка возможно более полно воспроизвести процесс работы Рылеева над думами. После-

довательность правки указывается обозначением около строк а, б, в... Разные варианты одного фрагмента, если они записывались наново, нумеруются римскими цифрами. В случаях, когда последний слой правки совпадает с окончательным текстом, он в настоящем разделе не приводится, а при предшествующем варианте ставится звездочка (*). Под номером стиха указывается источник (или источники, если их два и более) данного варианта. Если для следующего стиха источник тот же, указание на него не повторяется.

Примечания имеют единообразную структуру. Вслед за порядковым номером (римским для дум, включенных в издание 1825 г., арабским для стихотворений и других материалов, составляющих раздел «Дополнения») указывается первая публикация, затем другие прижизненные публикации. Наличие данного стихотворения в издании 1825 г. не оговаривается. Далее сообщается местонахождение сохранившихся автографов и в случае необходимости аргументируется выбор основного текста.

Поскольку Рылеев публиковал думы или представлял их в Вольное общество сразу после написания, год их представления в общество или первой публикации обычно совпадает с годом, в котором они были созданы. Если такого совпадения не было, в примечаниях приводятся сведения, позволяющие с доступной степенью определенности датировать соответствующее стихотворение.

Затем указываются исторические источники дум, даются пояснения к малоизвестным собственным именам, словам, выражениям, встречающимся в текстах. В некоторых случаях упомянуты также оценки, данные тому или иному стихотворению современниками и потомками, сведения о воздействии, оказанном им на позднейшие произведения литературы и искусства.

Исследователями Рылеева собран богатый материал, свидетельствующий о популярности в русской литературе сюжетов, на которые писались думы. В комментариях к данному изданию он не приводится. См. М., примечания к ПСС, статью С. М. Клюева «Думы» К. Ф. Рылеева (Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. 248. Труды кафедры русской литературы. М., 1966, а также библиографический указатель: Художественно-историческая литература. М., 1943.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДУМЫ

<Предисловие>. Д. Автограф — ЦГАДА. Написано после 14 ноября 1824 г., т. к. в ц. э., присланном из Воронежа в Москву, первоначально отсутствовало. Поступило в Цензурный комитет, когда сборник был уже допущен к печати и было вклеено в ц. э. Ранний набросок предисловия, называемый обычно «Нечто о думах» (автограф ЦГАОР), датируется 1823 г. Позднее, вероятно в 1824 г., написана первая редакция предисловия, которая осталась неопубликованной (автограф — ЦГАОР, впервые напечатана — ЛН).

1 «...*Кроме некоторых*»— Рылеевым составлены исторические справки к думам «Боян», «Петр Великий в Острогожске», «Наталия Долгорукова» и, возможно, «Богдан Хмельницкий».

I. НЛ, 1822, № 11. Историческая основа думы — летописный рассказ о нападении Олега на Константинополь в 907 г. в изложении Карамзина (И, т. I, гл. 5). В предисловии к Д. Рылеев отметил, что «решился поместить» «Олега Вещего» «в числе дум, чтобы показать состав исторических песен Немцевича, одного из лучших поэтов Польши». В сборнике Немцевича нет стихотворения об Олеге. Думу Рылеева сближает со «спевами» Немцевича главным образом стремление воспеть, поэтизировать ратные подвиги предков. Чтоб усилить сходство «Олега Вещего» с произведениями Немцевича, Рылеев в этой — и только в этой — думе нумерует строфы. У Немцевича строфы всех «спевов» нумерованы.

1 *Евксин* (Понт Евксинский) — древнегреческое название Черного моря.

2 *Леон* — византийский император Лев VI (886—912).

3 *Потомки Брута и Камилла* — византийцы, потомки римлян.

4 *Ст. 55—56* вызвали критические замечания Пушкина (См. П, т. XIII, стр. 54, 175—176).

II. НЛ, 1822, № 12. Ст. 81—88, пропущенные по цензурным соображениям, впервые опубликованы в ЛН. Автограф этих, а также 89—92 ст. в ранней редакции — ЦГАОР. Историческая основа думы — летописные предания о смерти Игоря и мести Ольги в изложении Карамзина (И, т. 1, гл. 6, 7).

III. С, 1822, № 7; НЛ, 1822, № 4. Представлена в ВО 15.V.1822 (см. УР, стр. 416). Действие думы происходит 24 июля 1773 г., когда во время русско-турецкой войны в сражении у Кучук-Кайнарджи погиб русский генерал Отто-Адольф Вейсман фон Вейсенштейн. Источник характеристики Святослава — И, т. 1, гл. 7. Ст. 1, 3 повторены в «Войнаровском» (ч. I).

1 *Цимиский* (X в.) — византийский император, с которым воевал Святослав.

2 *Доростол* — крепость на Дунае, где в 971 г. был заключен мирный договор между Византией и Русью.

3 *Белый царь* — русский царь. Происхождение этой идиомы связано с отношением к белому цвету как символу чистоты и святости: «белая кость» означает благородное происхождение, «белый» имело значение независимый, не платящий дани (См. *М. И. Михельсон.* Русская мысль и речь, т. 1. СПб., б. г., стр. 89). Она существовала уже в первой половине XVI в. и в рылеевскую эпоху нередко встречалась в литературе. Ср. в «Полтаве»: «Усердием горя / С врагами Белого царя / Умом и саблей рад был спорить».

IV. СО, 1821, № 47. Историческая основа думы — летописное предание в изложении Карамзина (И, т. 2, гл. 1).

V. ПЗ, 1823 с подзаг. «Повесть». В содержании ПЗ 1823 (автограф Рылеева, ЛБ) имеет подзаг. «Поэма». Черновой автограф фрагмента — ЦГАОР, опубл. в ЛН, с. 20. Историческая основа думы — летописный рассказ о покушении Рогнеды на жизнь князя Владимира в 985 г. в изложении Карамзина (И, т. 1, гл. 9).

1 *Воейкова* Александра Андреевна (урожд. Протасова, 1795—1829) — жена А. Ф. Воейкова, умная и образованная женщина, пользовалась авторитетом в литературных кругах. Многие поэты посвящали ей стихи. Жуковский воспел ее под именем «Светлана».

2 *Цимиский* — см. прим. III [1].

3 *Нейстрия* — западная часть франкского королевства Меровингов, расположенная между Шельдой и Луарой.

4 *Чернобог* — злое божество в древнеславянской мифологии.

VI. С, 1822, № 3. Автограф ранней редакции и журнального варианта примечания к думе — ЛБ. Представлена в ВО 5.XII.1821 г. (См. УР, стр. 407).

1 *Ст. 27—28* восходят к «Слову о полку Игореве». В период работы над думами Рылеев занимался стихотворным переложением «Слова». Перенесение легендарного Бояна в эпоху князя Владимира произошло, вероятно, под влиянием Пушкина, сделавшего то же в «Руслане и Людмиле».

VII. ПЗ, 1823. Представлена в ВО 15.V.1822 (см. УР, стр. 416). Историческая основа думы — летописное предание в изложении Карамзина (И, т. 2, гл. 2).

1 *Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — реакционный журналист и писатель. До 1825 г. поддерживал дружеские отношения с Рылеевым и другими декабристами.

VIII. НЛ, 1822, № 19. Историческая основа думы — летописный рассказ о смерти князя Михаила Тверского в изложении Карамзина (И, т. 4, гл. 7).

1 *Романец* — сведений о человеке с таким именем найти не удалось. У Карамзина говорится только, что Романец — «христианской веры» (И, изд. 2, т. IV, стр. 187). Само имя произошло, вероятно, от названия города Роман, существовавшего в описываемую эпоху на территории нынешней Румынии. Этот

город неоднократно упоминается в И (т. IV, стр. 242, 243).

IX. СО, 1822, № 40. Представлена в ВО 2.X.1822. Историческая основа думы — летописные данные о Куликовской битве в изложении Карамзина (И, т. 5, гл. 1). Начальный монолог Димитрия написан под воздействием произведения Ивана Ламанского «Речь Димитрия Донского перед сражением на Куликовом поле» («Русский вестник», 1812, № 6). См. об этом: *В. И. Маслов.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки. Киев, 1916, стр. 34. В 1833 г. находившийся в заключении Кюхельбекер перечитал эту думу и оставил одобрительный отзыв о ней. (См. «Дневник В. К. Кюхельбекера». Л., 1929, стр. 146.)

1 *Сергий* Радонежский — видный церковный и политический деятель Древней Руси, благословивший Димитрия перед Куликовской битвой.

2 *Пересвет* Александр — монах Троице-Сергиева монастыря. Начал Куликовскую битву поединком с татарским богатырем Темир-мурзой (Челибеем). По летописи, они столкнулись с такой силой, что оба пали мертвыми.

3 *Ст. 61.* Князь Федор Белозерский и его сын Иван погибли в битве.

4 *Черный стяг* — знамя московского князя.

5 *Волынский* — Боброк Дмитрий Михайлович, командовал резервным полком, вступление которого в бой способствовало победе русских.

6 *Русский бог* — об употреблении этой идиомы в разные эпохи см. *С. А. Рейсер.* «Русский бог».— Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1961, № 1.

X. С, 1822, № 9, тогда же вышла отдельным оттиском, НЛ, 1822, № 14. Представлена в ВО 7.VIII. 1822 г. (См. УР, стр. 418). Черновой автограф фрагмента — ЦГАОР. Как перевод из Немцевича, «Глинский» был отправлен Рылеевым польскому поэту, который ответил на это любезным письмом (См. ПССоч, стр. 466—467, 774—778).

XI. СО, 1821, № 29 с подзаг. «Элегия» и пометой: «Острогожск, июня 20, 1821». Перепечатано без подзаголовка и даты в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах», изд. 2, ч. IV, СПб., 1822. Автограф (ПД), включенный в письмо к Булгарину, впервые опубликован в РС, 1871, № 1. Здесь напечатаны и ст. 25—32, 45—47, изъятые или искаженные цензурой. Хотя, по собственному признанию Рылеева, дума была «плодом чтения девятого тома» Карамзина, отношение поэта к Курбскому резко отличается от выраженного в И (см. ПСС, стр. 418—419). Сочувствие и симпатию к Курбскому высказывали и другие декабристы (См., напр.: *Н. И. Тургенев.* Дневники и письма, т. III, Пг., 1921, стр. 124).

XII. РИ, 1822, № 14. 17 января, без посвящения, с примеч. издателя: «Сочинение молодого поэта, еще мало известного, но который скоро станет рядом с старыми и славными. В<оейков>». Перепеч. в С, 1822, № 4 и в «Сев. Цветах на 1825 г.» (в статье П. А. Плетнева). Представленная в ВО 28.XI.1821 г., эта дума, как достойная «особенного уважения», явилась основанием для переименования Рылеева из членов-сотрудников в действительные члены Общества (см. М., стр. 195). Историческая основа думы — материалы о гибели Ермака в изложении Карамзина (И, т. 9, гл. 6). Дума получила широкое распространение и стала народной песней.

1 *Муханов* Павел Александрович (1798—1871) — декабрист, историк, друг Рылеева, по просьбе которого до января 1825 г. участвовал в подготовке к изданию «Дум».

2 *Тяжелый панцирь — дар царя* — упоминаемый Рылеевым панцирь был подарен Иваном IV Ермаку после его победы над Кучумом на берегу Иртыша, на мысе Подчуваш (1582).

XIII. ПЗ, 1823. Среди материалов, использованных Рылеевым, кроме И, т. 10, гл. 2, была книга П. С. Железникова «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса»

(СПб., 1804). См.: *Е. Привалова.* О думе К. Ф. Рылеева «Борис Годунов» («Русская литература», 1963, № 3). Трактовка личности и правления Годунова, предлагаемая в думе, близка к его характеристике в статье А. А. Бестужева (ПЗ, 1823, стр. 4) и в какой-то мере предвосхищала образ, созданный в трагедии Пушкина (См. М., стр. 206—209; ПСС, стр. 420—421).

[1] *Ст. 22* иронически цитирован Пушкиным в письме к Л. С. Пушкину (П, т. XIII, стр. 56).

XIV. НЛ, 1822, № 2. Историческим и литературным источником думы послужила трагедия А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771). Упоминание о «неблагонамеренных иностранных писателях» имеет в виду в числе прочих книгу: *P. Lévesgue.* Histoire de Russie, 1782—1783. См. ПСС, стр. 421—422.

[1] *Закон римлян* — католичество.

XV. ПЗ, 1823; НЛ, 1823, № 11. Историческая основа думы — костромское предание о подвиге Ивана Сусанина в изложении А. Щекатова («Словарь географический российского государства», ч. III. М., 1807) и С. Н. Глинки («Русская история в пользу воспитания», ч. VI. М., 1817). Образ, созданный в стихотворении Рылеева, оказал воздействие на позднейшие произведения литературы и искусства, в том числе на оперу М. И. Глинки. Эту думу любил А. И. Ульянов (см. «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.— Л., 1927, стр. 39—40).

XVI. С, 1822, № 6; РИ, 1822, № 54, 1 марта; СО, 1822, № 23, с примеч.: «Автор сего стихотворения просит нас уведомить читателей СО, что оно напечатано в «Русском инвалиде» без его ведома и с неверного списка. Изд.». Представлена в ВО 5.XII.1821 г. (см. УР, стр. 407). Сюжет думы восходит к повести Ф. Н. Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1819) и к «Песне о Богдане Хмельницком» Л. Рогальского (рус. перевод О. Сомова в «Благонамеренном», 1821, № 7). См. об этом: ПСС, стр. 426. Ст. 2 был изменен

Рылеевым под влиянием критического замечания Пушкина (П, т. XIII, стр. 46, 54). Как указал Ю. Н. Тынянов, Пушкин пародировал начало думы в элегии Ленского: «Блеснет заутра *луч денницы* и заиграет яркий *день*». См: Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.— Л., 1923, стр. 86. К образу Хмельницкого Рылеев вернулся во второй половине 1825 г., когда работал над трагедией о нем.

XVII. РИ, 1822, № 35, 7 февраля. Представлена в ВО 17.IV.1822 г. (см. УР, стр. 415). Беловой автограф ранней редакции — ПД. Историческая основа думы — книга Н. И. Новикова «История о невинном заточении боярина Артемона Сергеевича Матвеева, состоящая из челобитен, писанных им к царю и патриарху, с приобщением причины его заточения и возвращения из оного» (СПб., 1776). См. ПСС, стр. 427.

XVIII. С, 1823, № 3 с посвящением «Барону А. А. Дельвигу»; НЛ, 1824, № 15. Автограф ст. 1—28 — ЦГАДА. Представлена в ВО 16 мая 1823 г. под загл. «Первое свидание Петра Великого с Мазепой» (см. М., стр. 80). Историческая основа думы — данные о свидании Петра I с Мазепой в Острогожске в изложении Д. Н. Бантыша-Каменского (см. его «История Малой России», т. 3. М., 1822). Пушкин отметил поэтические достоинства этой думы, а ст. 67—68 процитировал в «Путешествии в Арзрум» (См. П, т. VIII, стр. 446; т. XIII, стр. 175).

Брюховецкий Иван Мартынович, гетман Левобережной Украины в 1663—1668 гг. Пытался поднять мятеж против русского царя и отдать Украину под власть Турции, но был убит восставшими казаками.

XIX. НЛ, 1822, № 16. Черновой автограф ЛБ, автограф ранней редакции ПД (впервые опубл. РС, 1972, № I). Представлена в ВО 4.IX.1822 г. (См. УР, стр. 419). Как источник сведений о Волынском Рылеев использовал «Записки кн. Я.П. Шаховского» (1821) и «Манштейновы современные записки о России» (перев. с франц., 1810). Однако, вопреки историческим данным, Рылеев революционизировал облик

Волынского, так что содержапие думы не вполне согласуется даже со специально написанной к ней справкой П. М. Строева. Дума оказала влияние на изображение Волынского в романе Лажечникова «Ледяной дом» (1835).

1 *Манштейн* Христофор Германп (1711—1757) — автор известной книги «Манштейновы современные записки о России» (перевод с французского, Дерпт, 1810), послужившей одним из источников рылеевской думы.

2 *Долгорукий* Яков Федорович (1659—1720) — сподвижник Петра I, заслуживший репутацию смелого и независимого человека.

XX. НЛ, 1823, № 30. Автограф ранней редакции — ПД. Представлена в ВО в 1823 г. (см. УР, стр. 426). Историческая основа думы — записки Н. Б. Долгоруковой («Плутарх для прекрасного пола», ч. 6. М., 1819) и повесть С. Н. Глинки «Образец любви и верности супружеской, или бедствия и добродетели Наталии Борисовпы Долгоруковой, дочери фельдмаршала Б. П. Шереметева, супруги князя И. А. Долгорукова» («Русский вестник», 1815, кн. 1). См. ПСС, стр. 433.

1 *Долгорукова* Наталья Борисовна (1714—1771) — жена приближенного Петра I Ивана Алексеевича Долгорукова (1708—1739), который после смерти Петра I был сослан в Березов, а затем арестован по доносу своих врагов и казнен. Н. Б. Долгорукова последовала за мужем в ссылку, а после его смерти постриглась в монахини. Дума Рылеева, видимо, побудила И. И. Козлова написать поэму «Наталья Долгорукова». См. его письмо к Пушкину (П, т. XIII, стр. 537), а также М, стр. 234—236. Образ Долгоруковой предвосхищает образы декабристок в «Русских женщинах» Некрасова.

2 *Ст. 27—28.* И. А. Долгоруков был сослан через три дня после свадьбы.

XXI. СО, 1822, № 47. Автограф ранней редакции ПД, опубл. РС, 1871, кп. 11. Представлена в ВО 6.XI.1822 (см. УР, стр. 422). Впервые Рылеев об-

ратился к образу Державина в наброске «Вечернею порою», который А. Г. Цейтлин без достаточных оснований счел первой редакцией думы (ПССоч., стр. 599—601).

[1] *Гнедич* Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик, пользовался большим авторитетом у Рылеева и других декабристов.

[2] Цитируется обзор А. Ф. Мерзлякова «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии».— «Труды общества любителей российской словесности», ч. I. М., 1812.

ДОПОЛНЕНИЯ

1. РС, 1871, № 1, ПСС — по автографу рукописного отдела Ленинградского отделения Института истории АН СССР (беловой с позднейшей правкой). Черновой автограф наброска к думе — ЦГАОР. Написана не позднее 1823 г., вошла во второй список. Историческая основа думы — летописное предание в передаче Карамзина (И, т. 1, гл. 9). При жизни поэта не печаталась, т. к. трактовка Владимира как злодея-братоубийцы сделала думу неприемлемой для цензуры.

[1] *Рокот струн живых* — образ, восходящий к «Слову о полку Игореве» (ср. прим. VI).

[2] *Ст. 24* связан с оссиановской традицией в русской поэзии (см. БП, стр. 432—433).

2. РС, 1871, № 1. Автограф с позднейшей правкой — ПД. Датируется 1823 г., т. к. ст. 25—28 использованы в думе «Наталия Долгорукова» (лето 1823 г.). Историческая основа думы — рассказ о бегстве Я. Ф. Долгорукого (см. о нем прим. XIX) из шведского плена, содержащийся в «Дополнениях к деяниям Петра Великого» И. И. Голикова (т. 17, гл. 147. М., 1798) и получивший распространение в литературе начала XIX в.

3. XIX век, кн. 1. М., 1872 — по черновому автографу ЛБ, БП — по беловому автографу ЦГАДА. Печ. по тому же источнику с некоторыми уточнениями. Написана не ранее 1823 г., т. к. не вошла во второй список. Вероятная историческая основа думы — доклад А. О. Корниловича «О жизни царевича Алексея», сделанный 19 декабря 1821 г. в ВО (см. М., стр. 225).

[1] *Рожествено* — село на реке *Оредеж*, припадлежавшее в начале XVIII в. царевичу Алексею.

4. Полярная звезда на 1859 г., кн. V — по неточному списку, РС 1870, № 11, ПСС — по беловому автографу ПД. Черновой автограф с большой позднейшей правкой — ЛБ. Печ. по беловому автографу

ЦГАДА. Три автографа, которыми мы располагаем, позволяют видеть три этапа работы Рылеева над текстом думы. Автограф ПД, озаглавленный «Голова Волынского» («Свершилась казнь — и образец») дает раннюю редакцию стихотворения. Автограф ЛБ первоначально содержал текст, близкий к автографу ПД. Позднее он был правлен другими, менее выцветшими чернилами. Автограф ЦГАДА закрепляет результаты этой правки. В автографе ЛБ первая строфа вычеркнута, а нумерация начата со второй строфы. Автограф ЦГАДА начинается стихом «Презренного злодея меч». Многослойной правке подверглась в автографе ЛБ последняя строфа. Ниже Рылеев приписал четыре стиха, которые в автографе ЦГАДА завершают текст думы.

То, что автограф ЦГАДА содержит позднейшую редакцию думы, доказывается и тем, что он написан на одном листе с думой «Петр Великий в Острогожске», и ее местонахождением — вместе с ц.э. Подтверждается предположение А. В. Архиповой, что двумя думами, не допущенными цензурой к включению в сборник, были «Видение Анны Иоановны» (А. В. Архипова называет ее «Голова Волынского».— *Л. Ф.*) и «Царевич Алексей Петрович в Рожествене» (БП, стр. 420). Автографы обоих стихотворений и «Петра Великого в Острогожске», как известно, включенного в Д. после 22.XII.1824 г., составляют одну единицу хранения. Представляется бесспорным, что именно редакцию автографа ЦГАДА Рылеев хотел опубликовать в сборнике 1825 г., и этот текст следует признать основным. Подробнее об этом см.: *Л. Г. Фризман.* Дума Рылеева «Видение Анны Иоановны» («Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1975, № 2).

Дума была (под загл. «Видение императрицы Анны») представлена в ВО 16.X.1822 г. (см. УР, стр. 422), но в печати не появилась, по-видимому, по цензурным условиям.

5. I — РС, 1871, № 1; II — ВЕ 1888, № 11, III — ПСС, IV — РС, 1871, № 1; Автографы всех четырех фрагментов — ПД. Наброски I — III пред-

ставляют собой три варианта начала думы. Край листа, на котором написан фрагмент III, оторван, текст восстанавливается по фрагментам I — II. Установить последовательность создания этих набросков не представляется возможным, т. к. наблюдения над правкой различных стихов ведут к неидентичным выводам. Фрагмент IV, по предположению Ю. Г. Оксмана,— набросок к монологу Вадима. Датируется временем работы Рылеева над думами — 1821—1823 гг.

6. БП, черновой автограф ЦГАОР. Предположительно датируется временем работы над думами (1821—1823). Для какого стихотворения предназначался фрагмент, неизвестно. Как отметила А. В. Архипова, «отдельные строки метрически соответствуют наброску думы «Вадим» (БП, стр. 458).

7. ВЕ, 1888, № 11, ПСС по автографу ПД. Историческая основа наброска — данные, упоминаемые Карамзиным (И, т. 1, гл. 7). Предположительно датируется временем работы Рылеева над текстами Карамзина (1821—1822). См. ПСС, стр. 443. Для какого стихотворения он предназначался, неизвестно.

8. I — PC, 1871, № 1; ПСС, по автографу ПД; II — ЛН, по черновому автографу ЦГАОР. «Марфа Посадница» входила во второй список и писалась, по-видимому, в 1822 или в 1823 г. Исторической основой думы послужили данные, содержащиеся в И (т. 6, гл. 1 и 3) и в повести Карамзина «Марфа Посадница» (1803). Ст. 9—12 фрагмента II написаны после ст. 39 и помечены звездочкой (*). После ст. 8 имеется такая же звездочка, указывающая место вставки. Подробнее о тексте данного фрагмента см.: *Л. Г. Фризман.* Пути поэтической мысли.— (сб. «Собеседник», в печати).

[1] *Пять концов* — название пяти частей Новгорода: Неровский, Гончарский, Славянский, Загородский, Плотницкий.

[2] *Ст. 1* фрагмента II — реминисценция начального стиха монолога Иоанны из «Орлеанской девы» Ф. Шил-

лера в переводе В. А. Жуковского: «Простите вы, поля, холмы родные» (пролог, явление четвертое).

9. РС, 1871, № 1; ПСС, по автографу ПД. Черновой набросок, целиком зачеркнутый Рылеевым,— ЦГАОР. По положению в автографах предположительно датируется 1822 или 1823 г. Ю. Г. Оксман определял этот набросок как фрагмент незавершенной думы о царевне Софье (см. ПСС, стр. 445). Эта дума входила во второй список.

10. I — РС, 1871, № 1; ПСС, по автографу ПД. II — ВЕ, 1888, № 12; ПСС, по автографу ПД. После ст. 8 в автографе стоит звездочка, указывающая место вставки, а на полях, под такой же звездочкой, написаны четыре стиха. Эти четыре стиха включаются нами в текст фрагмента. III — *К. Ф. Рылеев.* Сочинения и переписка. СПб., 1872; ВЕ, 1888, № 12; ПСС, по автографу ПД (черновой с последующей правкой). Имеется еще один черновой автограф фрагмента III на одном листе с фрагментом II (ПД). Автограф ст. 1—17 III фрагмента — ЛБ; все автографы имеют многочисленные разночтения. IV — ПСС, по автографу ПД. «Меньшиков» включен во второй список. Датируется 1823 г. (см. БП, стр. 459). Наиболее вероятный источник сведений Рылеева о Меньшикове — книга Д. Н. Бантыша-Каменского «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого», ч. I. М., 1812.

[1] *Сосва* — река в Западной Сибири. На ней стоит город Березов, куда был сослан Меньшиков.

11. РС, 1871, № 1, автограф ПД. Факсимильное воспроизведение в кн. «Сборник снимков с автографов русских деятелей 1801—1825». СПб., 1873. Датируется 1822 г. по местонахождению среди черновиков думы «Державин». «Миних» фигурировал во втором списке.

[1] *Деспот* — Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоановны, ставший после ее смерти регентом Российской империи. Свергнут и арестован Минихом 9 ноября 1740 г.

12. Д 1860, написано в 1859 г. Автограф ЛБ.

13. Д 1860, написано в 1859 г. Автограф, местонахождение которого считалось неизвестным (см. *Н. П. Огарев.* Избранные произведения, т. II. М., Гослитиздат, 1956, стр. 525), обнаружен нами в ЛБ (Записная книжка, № 34).

[1] «L'état — c'est moi»— государство — это я (*фр.*) — изречение, приписываемое Людовику XIV, употребляется для характеристики сущности абсолютизма.

[2] «*Хранить завет страдальцев сильных / Людей повешенных и ссыльных*»— измененная цитата из поэмы Огарева «Матвей Радаев».

[3] «*Из «Наливайки» сохранились только два-три отрывка*»— большинство сохранившихся отрывков из поэмы «Наливайко» были найдены и опубликованы позднее (ВЕ, 1888, № 11, 12).

[4] «*Пора правительству, после тридцатилетнего намордника, отдать истории ее достояние и позволить безусловно печатать все о Рылееве и его сподвижниках*».— Правительство придерживалось иного мнения. В год издания «Дум» Герценом и Огаревым в Москве и Петербурге имела место следующая переписка: «Министерство народного просвещения. Московский цензурный комитет в Москве. 16 марта 1860 г. № 198.

В Главное Управление Цензуры.

В Московский Цензурный Комитет поступили на рассмотрение сочинения К. Рылеева — Думы и Войнаровский.

Цензурный Комитет, затрудняясь дозволить к перепечатанию новым изданием означенные сочинения, честь имеет представить оные при сем на благоусмотрение и разрешение Главного Управления Цензуры.

Председатель Комитета
Сенатор Тайный Советник М. Щербинин.

18 мая 1860 г., № 651 О сочинениях К. Рылеева.
Г‹осподину› председ‹ателю› Московского Ценс‹урного› Комит‹ета›

Главное Упр‹авление› Ценс‹уры›, рассмотрев пред-

ставление Московского Ценс‹урного› Ком‹итета› от 16 марта сего года за № 198, об испрашиваемом дозволении перепечатать новым изданием сочинения К. Рылеева — Думы и Войнаровский, не признало возможным разрешить издание сих сочинений, которые при сем возвращаются.

Подписал: Член Главн. Упр. Ценс. Н. Муханов.
Секретарь: Правитель Дел пр. Янкевич.

Министерство народного просвещения. Санкт-Петербургский Ценсурный комитет. Санкт-Петербург, 23 апреля 1860 года; № 477

В Главное Управление Ценсуры.

Титулярный Советник Лев Камбек представил в С.-Петербургский Ценсурный Комитет *Полное собрание сочинений К. Рылеева* с просьбою о дозволении издать в свет эти сочинения.

Ценсор Волков, которому поручено было рассмотрение сих сочинений Рылеева, нашел, что сочинения Рылеева как сделавшегося уже достоянием истории отечественной литературы нашей двадцатых годов и как потерявшие в настоящее время то политическое значение и тот смысл, который имели эти стихотворения при первом своем издании,— могли бы быть с некоторыми исключениями дозволены к напечатанию. Исключить же из сего собрания, по мнению Ценсора Волкова, следует «Видение Анны Ивановны» и сверх того Ценсурный Комитет встречает затруднение в пропуске без особого на то разрешения стихотворения «Исповедь Наливайки».

С. Петербургский Ценсурный Комитет, совершенно разделяя мнение Ценсора Волкова, но с другой стороны имея в виду то обстоятельство, что сочинения эти принадлежат перу одного из бывших государственных преступников,— имеет честь представить об этом на благоусмотрение и разрешение Главного Управления Ценсуры с приложением полного Собрания сочинений К. Рылеева.

Председатель барон Н. Меддем.»

Главное управление цензуры, 18 мая 1860 г., № 654.
О сочинениях К. Рылеева

Господину Председателю С. Петербургского Цензурного Комитета

Главное Управление Цензуры, рассмотрев представление С. Петербургского Цензурного Комитета от 23 истекшего апреля за № 477 об испрашиваемом дозволении Титулярным Советником Львом Камбеком выдать в свет *Полное собрание сочинений К. Рылеева*, не признало возможным разрешить таковое издание. Представленная рукопись сочинений К. Рылеева у сего ‹так.— *Л. Ф.*› возвращается.

Член Главного Управления Цензуры
Н. Муханов

Скреп‹ил› Прав‹итель› Дел Пр. Янкевич»[1]

5 «*Стихотворный перевод, который у нас есть, слишком неудовлетворителен*»— автором этого перевода, по-видимому, был Н. А. Добролюбов. См.: А. Н. Степанов. Добролюбов и Мицкевич. В кн.: Адам Мицкевич в русской печати 1825—1955. Библиографические материалы. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 505.

6 «*Я тоже пробовал перевести, но не сладил*». Сохранились лишь 4 первых стиха этого незавершенного перевода. Автограф, зачеркнутый Огаревым,— ЛБ. Впервые опубликован в 1938 г.

Вы помните ль меня? А я моих друзей —
Казненных, сосланных, по тюрьмам заточенных,—
Как вспомню,— вспомню вас! Храню в мечте моей
Права граждан для вас, людей иноплеменных...

14. 1832, в составе третьей части «Дзядов».

15. Д 1860. Перевод Н. П. Огарева.

16. Д 1860.

---

[1] Центральный государственный исторический архив (Ленинград), ф. 772, оп. 1, ед. 5221. О Л. Камбеке см.: *С. А. Рейсер*. Журналист и «обличитель» Лев Камбек.— «Звенья», т. 8. М., Госкультпросветиздат, 1950. О его дальнейших попытках добиться разрешения на издание сочинений Рылеева см.: *Г. А. Рязанцев*. Материалы к цензурной истории сочинений Рылеева (ЛН, стр. 336).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БП — К. Ф. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Вступ. статья В. Г. Базанова и А. В. Архиповой. Л., «Сов. писатель», 1971 («Библиотека поэта», б. с., 2 изд.).

ВЕ — «Вестник Европы».

ВО — Вольное общество любителей российской словесности.

Второй список — список двадцати дум, проектированных Рылеевым в 1823 г. Автограф на обороте черновика неоконченной думы «Вадим» (Пушкинский дом), впервые опубликован в журн. «Русская старина», 1871, № I, стр. 73. См. наст. изд. стр. 228.

Д — К. Ф. Рылеев. Думы. М., 1825.

Д 1860 — К. Ф. Рылеев. Думы, Лондон. Изд. Искандера, 1860.

И — Н. М. Карамзин. История государства Российского, тт. I—XII, изд. 2-е, испр. СПб., 1818—1829.

ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ЛН — Литературное наследство, № 59. Декабристы-литераторы, т. I, М., 1954.

М — В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев, 1912.

НЛ — «Новости литературы»

П — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 1—17, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1959.

ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

ПЗ 1823 — Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. СПб.

ПСС — К. Ф. Рылеев. Полн. собр. стихотворений. Редакция, предисловие и примечания Ю. Г. Оксмана. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1934 («Библиотека поэта», б. с., I изд.).

ПССоч	К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. Редакция, вступительная статья и комментарии А. Г. Цейтлина, М.— Л., «Academia», 1934.
РИ	«Русский инвалид».
PC	«Русская старина».
С	«Соревнователь просвещения и благотворения. Труды Вольного общества любителей российской словесности».
СО	«Сын отечества».
ст.	стих, стихи.
УР	В. Г. Базанов. Ученая республика, М.— Л., «Наука», 1964.
ЦГАДА	Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАОР	Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
ц. э.	цензурный экземпляр первого издания «Дум».

СОДЕРЖАНИЕ

ДУМЫ

ДОПОЛНЕНИЯ

ДУМЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

К. Ф. Рылеев

ДУМЫ

*Утверждено к печати
редакционной коллегией серии
«Литературные памятники»*

Редактор издательства *И. Г. Древлянская*
Художник *В. Г. Виноградов*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *О. М. Гуськова*
Корректоры *Л. Д. Вуль*, *Л. Э. Харазова*

Сдано в набор 2/IX 1974 г.
Подписано к печати 13/II 1975 г.
Формат 70×90 1/32 Усл. печ. л. 9,5
Уч.-изд. л 10,2 Бумага типографская № 2
Тираж 50000 экз. Тип. зак. 1212 Цена 78 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

73 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»